

ЛЮБОВЬ ВНЕЗЕМНАЯ

АЛЕНА МЕДВЕДЕВА
ЭЛЬ БЛАНК

ЕГО ДОБЫЧА

Annotation

Офицер Троя Флэш совсем недавно была той, кто Его охранял, теперь она всего лишь Его добыча... Правила изменились: безумный эксперимент, и жуткие существа, для которых люди не больше, чем еда, вырвались на свободу. Теперь миру, каким мы его знали, конец? Или долгая совместная дорога к звездам все расставит по своим местам?

Кто кого? Бывший узник так просто не уступит позиций. Но и Троя не привыкла отступать перед трудностями. Вот и сейчас она до последнего старается выжить. Просто выжить, невзирая на странности поступков своего противника.

Кто она для него? Трофей? Десерт? Игрушка?

Кто для неё он? Монстр, что заслуживает лишь смерти?

Так что победит? Долг? Инстинкт? Или любовь?

- [Алена Медведева, Эль Бланк](#)

-

- [Пролог](#)

- [Глава первая](#)

- [Глава вторая](#)

- [Глава третья](#)

- [Глава четвертая](#)

- [Глава пятая](#)

- [Глава шестая](#)

- [Глава седьмая](#)

- [Глава восьмая](#)

Алена Медведева, Эль Бланк

Его добыча

© А. Медведева, Э. Бланк, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Иллюстрация на обложке – Ирина Круглова

* * *

Пролог

– Да что б его...

Профессор, следящий за изображением на голографическом экране, где источающая синее сияние клетка с яростной неукротимостью набрасывалась на куда более спокойные розовые, с раздражением оттолкнул сунувшегося было к нему помощника. Отскочил тот вовремя, лишь по счастливой случайности не ступив в смрадную лужу отвратительного мутно-зеленого цвета.

В обычно белоснежной лаборатории, стерильной, как операционная, сегодня было... грязно. Ошметки темных волос, сгустки крови, рвота, даже куски серой кожи и несколько зубов подметил цепкий, быстрый взгляд Трои, по долгу службы отслеживающей все, что здесь происходило.

Привычная к самым жестоким проявлениям человеческой природы, сейчас она до последнего оттягивала момент, когда глазами неизбежно встретится с пленником. Подопытной крысой, как называли его ученые.

Обычно в обязанности Трои входило лишь сопровождать до непроницаемых дверей исследовательского блока конвоиров, ответственных за транспортировку подопытных. Сегодня она попала в число «счастличиков», допущенных в святая святых, и потому оказалась в лаборатории. Да, стояла Троя не в зоне проведения эксперимента, а в зоне контроля, которые были разграничены прозрачным силовым экраном. Но впервые – внутри. Впервые она видела *его*. Кажется, ученые прозвали это существо... дьяволом?

Мощный, намертво принайтованный к наклонной поверхности прозрачного бокса силовыми фиксаторами. Пытающийся их вырвать, и потому со вздувшимися от напряжения буграми мышц. С лицом, искаженным гримасой, наполовину закрытым спутанными темными волосами, слипшимися от пота. Серо-синюшный – то ли от синяков, то ли это нормальная его окраска кожи... Страшный. Жуткий в своей первозданной мощи. Похожий на человека, но ровно настолько, чтобы не спутать его ни с кем иным. А ведь по своей сути он таковым не является...

Троя в столовой частенько слышала, как исследователи перебрасывались шутками, обсуждая своих подопытных, у которых не было даже имен, им давали прозвища или просто называли по номерам. То ли в последовательности участия в опытах, то ли в соответствии с номерами камер, точно Троя не знала. Лишь однажды видела такие клетки, без физических стен и дверей, ограниченные смертоносным силовым полем, где содержат этих существ. Амиотов. Жуткую, не знающую жалости расу, которая устроила настоящую бойню в Галактике. От них убегали, прятались, защищались, на них нападали, долгие десятилетия искали возможность уничтожить. В итоге все же победили. Одолели? Да. Сломали? Нет. И доказательством тому были пленные амиоты, которых держали где-то в глубоком космосе на базе с засекреченными координатами. Их... изучали. Так это называли между собой ученые, которые сейчас были заняты очередным экспериментом.

– Полное неприятие. Увеличиваем дозу гормона, – решил профессор, скрипнув зубами от злости, когда последняя розовая клетка бесследно исчезла, поглощенная синим монстром.

Вытащив из-под увеличителя микроскопа микропрепарат, ученый отправил его в утилизатор и бросил требовательный взгляд на лаборантов, облаченных в защитные костюмы. Впрочем, они и без его понуканий уже выполняли свою работу.

Шприц. Розовый опалесцирующий раствор. Покрытая синяками серокожая рука, по венам которой он потек, смешиваясь с кровью...

– Пульс и давление в норме, – спустя несколько секунд сообщил помощник, не отрывавший взгляда от монитора с физиологическими показателями. – Энергопотенциал растет. Десять процентов... Пятнадцать... Мозговая активность усиливается. Внимание!..

Договорить он не успел. По лаборатории разнесся дикий рев. Леденящий душу, страшный и при этом триумфальный, он парализовал ученых, заставив, холодея от ужаса, ждать, что за этим последует.

Тело подопытного, несколько минут назад напряженное и яростно бьющееся в своих оковах, неожиданно замерло и упало обратно на поверхность бокса. Налитые кровью глаза остекленели, рвущийся из раскрытого рта рев смолк на полувывдохе. А пространство за экранирующим полем, отделяющим экспериментальную зону от

вспомогательных помещений, начало медленно заполняться призрачной сине-фиолетовой дымкой.

– Дьявол! Опять вырвался! – завизжал профессор. – Кирк! Стабилизатор на полную! Гони его обратно!

Наверняка помощник это и попытался сделать. Именно попытался, потому что спустя мгновение раздался уже его вопль и еще один нервный вскрик, на этот раз женский.

Отыскивать взглядом пострадавшего Троя не стала, опасаясь пропустить новую угрозу. Она сосредоточенно всматривалась в подопытного, и, несмотря на то что пленный не подавал признаков жизни, сильнее сжала рукоятку оружия. Была готова атаковать и одновременно выжидала. Знала, ее задача – контроль. Вмешательство – только когда на то будет соответствующий приказ.

Приказ... Его все не было. Дымка за силовым экраном сгущалась, в ней суматошно металась тень – горе-экспериментаторы.

– Уровень максимальный!

– Резервную включай...

– Кирк!.. Где Кирк? Стинс, давай ты!

– Я не вижу выключателя!

– Слева!

Хоть и готовая к неожиданностям, Троя невольно вздрогнула, когда вместо стандартного кода вызова заверещала пожарная сирена. Видимо, кто-то в смятении ударил кулаком по ближайшему пульта, до которого дотянулся.

– Это же не нам? – растерялась Троя, бросив короткий взгляд в сторону.

Лишь на миг, но этого было достаточно, чтобы глаза выхватили стоящую рядом коренастую фигуру в черной броневиборке.

– Не нам. Не вмешиваемся, – подтвердил напарник.

Доран. Его профессиональный опыт не сводился к контролю систем безопасности внешних границ станции. Это землянка сделала карьеру, проводя время за мониторами, а рарк участвовал в настоящих боевых операциях. И прекрасно знал, чем грозит вмешательство, если на него нет соответствующего разрешения. Инструкция в этом смысле была более чем ясной.

Он оказался прав. Истошно голосащий сигнал тревоги смолк, и в звенящей тишине раздалось радостное:

– Готово!

Словно сорванная порывом ветра, дымка исчезла. Пространство части лаборатории, отделенной невидимой стеной, приобрело присущую ему прозрачность, проясняя картину для напрягшейся охраны. Пленник ожил, выгибаясь, из его горла вырвался страшный хрип.

– Сильный... Тварь... – задыхаясь и вытирая вспотевший лоб, пожаловался профессор. В голосе немолодого уже мужчины, сверкнувшего лысым черепом, когда он стянул с головы капюшон защитного комбинезона, звучала если не паника, то отчаяние точно. – Никто больше так не сопротивляется! Что ж с этим не то?!

– Вы, профессор Вирхэ, выбрали не тот объект, – категорично заявила ассистентка, повторяя его движение. – Он опаснее остальных, нам его не удержать. На его счету третий прорыв оболочки. И вторая жертва! – Ее рука указала на лежащего без сознания Кирка. – Я настаиваю на уничтожении этого экземпляра.

Женщина резко обернулась к Трое и ее напарнику, однако продолжить ей не дали.

– Что ты такое говоришь, Анти?! Ты же ученый! Где твой профессионализм? Где самоотверженность? – искренне возмутился ее коллега-итранец. Тощий, как палка, он прижимал к себе и баюкал окровавленную руку, но, несмотря на увечье, настрой его был совершенно иным. – Между прочим, я, пострадавший, в отличие от тебя не требую его убить! А знаешь почему? Да потому, что живучесть этих тварей должна пойти на пользу Конфедерации и Содружеству! Дать новый толчок к развитию технологий и покорению новых миров. А ты хочешь истребить самое ценное, что у нас есть! Провалить важный опыт!

– С другим подопытным нам придется начинать с нуля, – подтвердил Вирхэ, просматривая записи на мониторе. – Нужно время, чтобы поднять концентрацию гормонов до тех доз, которые мы вводим ему сейчас. Если этот экземпляр уничтожить, потеряем полгода работы.

– Зато останемся живыми! Он не просто намного сильнее других. Он неконтролируем! Как же вы этого не понимаете? Я требую его убить! Вызывайте группу зачистки! – Последнее она рявкнула уже Трое с напарником.

– Отставить! – не менее громко приказал профессор. – Стинс, ты забыл, где у нас лечебный гель? Обработай уже рану! А ты, Анти, не забывайся. Пока главный здесь я! И я не позволю пустить под откос все, что мы уже сделали! Нам нужен его биологический материал! Эксперимент с зачатием крайне важен именно сейчас, мы не имеем права его прекращать. Мы уже совершили невероятное – смогли сделать амиотов материальными. Больше того, разнополыми! Но все это бессмысленно, если у них не проявится способность к размножению. К тому же самка уже в состоянии пробуждения в соседнем блоке лаборатории. Все готово для операции. Нам нельзя прерывать опыт!

– Болтун, – сердито пробормотала женщина, бросив косой взгляд на Трою и Дорана. – Им-то к чему об этом знать?

Услышал ли ее профессор? Вряд ли – пленник продолжал рычать и биться в оковах. Бокс ходил ходуном, грозя вылететь из опор и опрокинуться на пол. Монстр рвался на свободу.

– Хотя бы дополнительную охрану позовите, – громче потребовала Анти, склоняясь над бессознательным телом помощника и проверяя пульс. Окончательно убедившись, что Кирк мертв, скривилась, покачала головой и добавила: – Двух вояк будет недостаточно, если что-то пойдет не по *вашему* плану.

Последние слова прозвучали с отчетливым скепсисом, и Вирхэ решил хоть в этом ей уступить. Махнул рукой Дорану: мол, давай действуй.

– Первый пост! Запрос. Нужен резервный отряд в седьмую лабораторию, – деловито пробубнил безопасник в пуговичку-связник на воротнике. – Срочно!

– Продолжаем, продолжаем! – Профессор вернул себе былую активность, вновь усаживаясь за лабораторный стол и пробегая пальцами по виртуальной клавиатуре. – Стинс, займи место Кирка, все равно ты сейчас не способен ни на что другое. Анти, хватит уже скорбеть. Он тебе не сын и не муж. Закончим опыт – похороним со всеми почестями... Доводим дозу гормонов до максимума.

Натужно выдохнув, женщина натянула на голову защитный капюшон и вернулась к своим инструментам. Итранец, процокав по полу длинными, похожими на костыли ногами, забрался в сплетения панелей и проводов, идущих от датчиков.

Пленник неожиданно замер, его тело застыло, выгнувшись дугой, очевидно, испытывая колоссальное напряжение, как если бы он силился одним рывком сорвать оковы. Сквозь гриву засаленных, сваливавшихся колтунами, невнятного темного цвета волос, а может быть, шерсти, мелькнул острый взгляд. Троя ощутила его почти физически – как стремительное, горячее прикосновение. И испугалась! Буквально задохнулась от ужаса –хватило одного пристального взгляда этого опасного существа, чтобы ее проняло холодной испариной.

– Где подмога? – невольно сорвалось с губ девушки.

– Не знаю, – тряхнул головой Доран, – не отвечают. Видимо, у меня проблемы со связью. Попробуй ты.

– Первый пост! Первый пост! Требуется помощь в седьмой лабораторный блок, – послушно, старательно контролируя себя и скрывая страх, повторила Троя призыв. Так ее голос звучал тише обычного, но хотя бы не дрожал.

– Это бессмысленно! – воскликнула Анти, отскакивая от пленника, который в очередной раз вздыбился, стремясь вырваться на свободу. – Я в вену не могу попасть! Стинс! Что у него с возбудимостью?

– На пике, – простонал итранец, изучая жизненные показатели подопытного. – Успокоить можно, только разрушив внутреннюю энергетическую структуру. На восстановление ему потребуется время. Мы как раз успеем завершить подготовку к опыту. Правда, я не дам гарантий, что после этого он будет совместим со своей физической оболочкой и не сдохнет... простите, не развоплотится.

Услышали его не только коллеги и конвоиры. Амиот зарычал. Грозно и одновременно отчаянно. Ладони Трои, сжимавшие рукоять энергетического кинжала, повлажнели.

Разрушать структуру амиотов могут только кинжальные лучи. А ими владеют исключительно военные. Значит, действовать будет либо она, либо Доран. Неужели ей предстоит атаковать амиота?

Причина волнения была не в страхе. Все в душе землянки протестовало против необходимости причинять еще большую боль и без того измученному пленнику. Да, овеянный шепотками и пересудами среди персонала станции монстр действительно выглядел

ужасающе, но Трое он сейчас казался жалким. Истерзанным, даже ничтожным. Практически сломленным.

Происходящее виделось Трое до ужаса неправильным и несправедливым. Допустимо ли такое обращение с разумным существом? Или она страдает ему лишь потому, что землян не так ощутимо затронуло противостояние с амиотами, как другие цивилизации, в чем на днях упрекнул ее Доран. Они сопровождали каталку с очередным подопытным объектом к дверям лаборатории, а возвращаясь, разговорились о прошедшей войне. Рарки стали ее непосредственными участниками, мало того – пострадавшими. Наверняка в этом и кроется жесткое, даже жестокое отношение напарника к амиотам.

– Что решаете, профессор? – позвала Анти, держа шприц наготове, но не имея возможности использовать его по назначению.

– Хорошо, – судя по тону, решение далось Вирхэ непросто, – разрушаем и вводим препарат. Надеюсь, он и это выдержит.

На сердце Трои стало тяжело. Даже если пленник был отъявленным злодеем, он заслужил смерть, но не муки.

Словно осознав, что миг поражения неизбежен, амиот принялся раскачивать свой бокс, стремясь оборвать таким способом ведущие к нему провода.

– Пристрелите его! – рявкнула Анти.

– Доран, работайте, – подтвердил профессор, и в тот же миг исчез экран, отделяющий смотровую зону, где находились конвоиры.

А это уже приказ, выполнить который – прямая обязанность службы безопасности. Следуя за напарником, Троя приблизилась к подопытному, крепко сжимая рукоятку энергетического кинжала. Особенное оружие, созданное с расчетом на возможности амиотов. Прежде пользоваться таким ей доводилось только на учебных тренировках. Сможет ли она пронзить кинжальным лучом живое существо? Разумное существо! И где, в конце концов, резервная группа? Эти мысли терзали девушку, пока она напряженно следила за действиями Дорана.

Он наверняка поступит просто – вырубит пленника коротким жестким ударом в голову. В точку между глаз. Такое ранение, как их учили на занятиях, срывает быстро и эффективно, но оно... не безболезненно.

И снова жалость и сострадание оказались сильнее. Недопустимые для воина, да. Но искусанные губы пленника, синяки на теле, мука, сквозившая в каждой черточке лица...

– Доран, погоди. – Троя не выдержала и неожиданно даже для самой себя остановила напарника, уже занесшего руку для удара. – Давай я?

– Справишься? – Рарк бросил на нее быстрый, полный сомнений взгляд.

– Да, – лаконичный ответ.

Выверенное медленное погружение луча... Оно, по крайней мере, будет для амиота безболезненным. Достаточно уже страданий этому несчастному.

– Хочешь попрактиковаться? Ну давай. Я подстрахую, – по-своему понял ее инициативу напарник.

Отступил, позволив Трое приблизиться к бьющемуся словно в агонии узнику.

Уверенно преодолев последний шаг до бокса, девушка решительно сдвинула предохранитель на рукояти клинка. Она делала подобное на симуляторе не раз и не два – этот навык давно стал автоматическим. Теперь отработается и сам удар. Нужно лишь решиться. Профессионалы не знают сомнений, часто твердили коллеги.

Сжав полоску-активатор, Троя провела в воздухе клинком, проверяя. Желтый луч послушно распорол пространство. Порядок.

Прицелилась, отключив эмоции и стараясь забыть о полном ярости взгляде амиота, о жутком хрипе, рвущемся из его груди... Медленное погружение. В область сердца, не в голову. И все будет кончено.

Что произошло дальше, она поняла не сразу. Сжавшаяся в кулак рука пленника со вздувшимися под кожей венами неожиданно словно раздвоилась. И та, вторая, фантомная, размытой фиолетовой тенью взметнулась вверх и перехватила запястье девушки.

Доран кинулся к Трое. Ученые синхронно вскрикнули. Кисть, зажата в тиски призрачных пальцев, онемела. Все произошло одновременно, в краткую долю секунды, но для Трои время затормозилось, растянувшись как в замедленной съемке.

Неестественно долго приближающееся лицо напарника, видимое боковым зрением... Гулкие, деформированные голоса ученых на фоне дребезжащего звука... Это сирена орет в ее голове? Или бешено застучавшее сердце, получившее порцию адреналина?

Время остановилось. Но самое невероятное – не двигался и амиот. Его глаза, проглядывающие сквозь гриву волос, наполнились фиолетовым сиянием. Он в упор смотрел на девушку, прекратив сопротивление. Просто замер, перестав даже дышать...

– Троя!

Сильный рывок Дорана, и необъяснимый ступор исчез. Вновь нахлынул поток реальных ощущений: визг Анти, ругань профессора и неожиданный холод на запястье – оттолкнув напарницу, рарк вместе с ней оторвал и призрачную руку, через мгновение превратившуюся в медленно растаявший туман.

Доран на этом не остановился. Троя успела лишь ахнуть, когда слепящий световой поток вонзился в лоб пленника.

– Все, – отчитался безопасник, пряча оружие в ножны, пристегнутые на бедре. – Чтоб его... Одни проблемы с этой тварью! – Выругался и развернулся к напарнице, медленно осевшей на пол. – Ты как? Держишься?

– Порядок, – привычно ответила девушка, хотя мир перед ее глазами кружился, сливаясь в белый вихрь.

Лишь два ярких пятна просвечивали сквозь него: темно-сиреневые глаза амиота. Ладонь жгло, Троя и сейчас ощущала прикосновение фантомной руки дьявола.

И все же годы службы даром не прошли: для военнослужащего показать свою слабость – значит расписаться в некомпетентности. А за такое не только в должности понизят, могут вообще комиссовать на гражданку.

Доран наверняка это понял, потому и руку протянул, чтобы помочь встать.

– Не трогайте ее! – остановил его визг Анти. – Это, мать вашу, прямой контакт.

Ее голос прорвался к сознанию Трои словно сквозь вату. Как и негодующий мужской... Это Вирхэ орет?

– В карантин девчонку! Как вы это допустили?! – Гневный окрик в сторону Дорана: – Что за непрофессионализм! Думаете, вас просто

так держат вне лабораторной зоны? А мы в защитные костюмы ради шутки разделись? На что способен вернувший себе исходный облик амиот, никто толком не знает, и что от него можно подцепить – тоже!

Прелестно... Медленно проваливаясь в необъяснимый полутранс вопреки всем стараниям не отключаться, Троя больше всего боялась, что догадки профессора станут реальностью. Громадным усилием балансируя на грани потери сознания, продолжала разумом цепляться за происходящее.

– Что происходит? Отчитайтесь! Связь отсутствовала, входные двери в седьмой лабораторный сектор заблокировались. Чтобы попасть внутрь, нам пришлось едва ли не выжигать их. – Командный тон и громкий четкий голос.

Группа зачистки наконец прибыла.

Троя с облегчением закрыла глаза, ощущая себя совершенно обессиленной. Ее напарник не останется один на один с монстром. Ведь эксперимент... Они его продолжают...

Сомнений в этом у девушки не было, как не было их и у затеявших все это. А потому, дождавшись, когда военные закончат эвакуацию пострадавшей, а заодно заберут тело погибшего лаборанта и покинут зону проведения исследований, ученые вновь опустили силовой экран.

Но Троя этого уже не видела.

Глава первая

Троя

– Я ж тебе говорю, фиаско полное у них. Два часа ждали, пока тварь в себя придет – видите ли, в бессознательном состоянии не тот эффект. А в итоге ни фиги не срослось. Так ни с чем и остались.

Бесцеремонно развалившись на кушетке напротив, Доран в лицах показывал это самое «ни фиги». Выходило забавно.

– А что делали-то? – Я улыбнулась его горячности и попыткам меня развлечь.

Лежать в лазарете та еще скука смертная. И даже сканирующие системы, изучившие мое тело вдоль и поперек, – развлечение спорное. Во время осмотра меня не покидала мысль: амиот ощущает себя таким же бессильным и безвольным? На мне хотя бы опыты не ставят, не пытаются перевоплотить в нечто незнакомое и чуждое... Брр...

– Так это... – Напарник прошелся пальцами по ершику каштановых волос, погладив заодно остренькие кончики ушей – единственную из приметных черт его расы, и, чуть понизив голос, фыркнул: – Секс они там имитировали, извращуги. На клетках тренировались. Видела синие сгустки на мониторе у профессора? Они от того самого подопытного амиота взяты. А розовые – от самки-амиотки, про которую Вирхэ проговорился. Так вот, клетки его, вместо того чтобы по-мужски так сработать... то есть оплодотворить... тупо женские жрали. И никакие гормоны не помогли, даже в сверхдозах. Зря только суету развели, еще и тебе перепало. – Рарк красноречиво развел руками. – В общем, не полюбили они друг друга. И дите не сделали.

Зная Дорана давно, за этой нарочитой легкостью заподозрила попытку банально смягчить для меня последствия столкновения с подопытным.

– Получается, если бы амиота к самке допустили, он бы ее тоже сожрал? – изумилась, скрывая вспышку страха.

– Наверняка, – со знанием дела серьезно подтвердил рарк. – И энергию бы выпил, и оболочку по миру пустил... Щ-щ-щедар! – выругался, сжав кулаки. – Я думал, они только в своей энергетической

форме это делать умеют. А в реальности, оказывается, ситуация еще хуже. Вот к чему все это затеяно? – последняя фраза больше походила на мысли вслух. – Ученые!.. От большого ума бед натворят, попомни мое слово. Эти твари и так жуть жутчайшая... а теперь... Эх... – Рарк в сердцах рубанул рукой, а мне тут же припомнилось, что в прошедшей войне его соплеменникам пришлось трудно.

– Они серьезно такие кошмарные? – Спыхватилась, что напарник подумает, что я про ученых спрашиваю, и торопливо уточнила: – Амиоты.

Доран поднял на меня взгляд, впервые с момента сегодняшней встречи не таясь. В его глазах плескалась ненависть.

– Одно тебе скажу: землянам повезло, что твари до вас не добрались. Очень повезло! Как они всех в Галактике крушили! Планеты подчистую уничтожали, до пустого космического пространства, представляешь? Чуждый разум, никакого сочувствия, ничего человеческого. Безжалостные монстры, пожиратели... Ты знаешь, что у них и разделения по полу нет? Семей? А значит, и чувств никаких. Любить они не умеют, к проявлению доброты, сопереживанию не способны. Твари. Как вспомню... Это было жутко. – Рарк встряхнулся, прогоняя вставшие перед глазами образы. – Не видела ты этого, и будь счастлива. И земной своей сострадательности не поддавайся, знаю я тебя – со вчера ведь переживаешь.

– Не то чтобы переживаю... – попыталась оправдаться, но он и слушать не стал.

– Не заслуживают они жалости, Тро! И сострадания! Окажись ты на пути этого амиота в прошлом – он бы тебя не пожалел. У него и мысль подобная не мелькнула бы. В следующий раз, когда с ним пересечешься, в первую очередь об этом вспомни.

– Хорошо. – С одной стороны, я согласилась, а с другой – не сдалась: – Но теперь ситуация иная. Их же изменили. Из бестелесных сущностей превратили в...

– Людей, еще скажи, – снова перебил Доран, буквально на глазах вспыхнув от гнева. – Почему вы, земляне, такие... такие... Глупые! Чужой опыт ничему вас не учит. Твержу тебе: твари они последние. И место им одно – на том свете. Только тогда я вздохну спокойно, когда во Вселенной не останется ни одного амиота. И ученые эти – идиоты,

проблемы себе собственными руками создают. А расплачиваться придется, рискуя своей жизнью, таким, как мы, а то и вовсе беззащитным гражданским.

– Возможно, эти пленные – последние представители своей расы, – попыталась урезонить разошедшегося рарка.

– Троя, даже нескольких амиотов хватит, чтобы устроить настоящую катастрофу. И оставить после себя море жертв! Жизнь в Конфедерации что, стала слишком спокойной? Я б их всех прикончил! Так нет, изучают... – Доран сжал руку в кулак. – Ученые! Не люблю я эту братию, от них проблем не меньше. Нашли кого изменять. Тела самцов и самок из них сделали, потомства добиваются... – Он с отвращением сплюнул, спохватился и, затерев плевком ботинком, пожаловался: – Тошнит просто. Выведут нам всем на погибель новых тварей, только более совершенных. И что дальше? Копчиком чувствую, добром это не закончится!

– Тебе просто в отпуск пора. – Растянула губы в улыбке, как и напарник недавно, стараясь свести все к шутке. Уж больно много искренней злобы звучало в словах рарка. – Сколько мы торчим на базе? До конца вахты всего ничего, а там – домой. Я на Землю, а ты к себе на Ракис.

– Точно! Свалить бы отсюда. По бабам пройтись... – Он хохотнул, с явным усилием переключаясь на добродушие.

– Угу. А то все мысли о сексе, – поспешно поддела Дора, ухватившись за тему. – Ученые с их подопытными и экспериментами – только повод позлиться, а дело-то в их фокусах: спаривание, самочки-самцы... Вот тебя и накрыло похотью. Тоже гормоны играют? Скоро на персонал кидаться начнешь, кусать будешь! Уверена, эксперименты под контролем. Раз говорят, что они на пользу, значит, так и есть.

Напарник вздохнул, всем своим видом говоря: наивная. Как маленькую потрепал по макушке и охотно подхватил мой тон.

– Это ты тут отлеживаешься, а я замотался. – Карие глаза неожиданно уставились на мое запястье, в голосе появилось сомнение: – Кстати, Тро, ты правда в порядке? А то...

Он многозначительно и смешливо поводит бровями: мол, только намекни, я найду способ удавить твоего обидчика и не посмотрю на запреты и ценность... объекта.

– Нормально, – успокоила его. – Лучше расскажи, что в лаборатории дальше было? Когда стало понятно, что размножить не получится.

– Да ничего интересного, – отмахнулся Доран, – решили взяться за нового самца. Дьявола в клетку отправили, в общую камеру вместо лабораторной. Типа пусть с остальными пленными сидит, раз уж не выходит с ним успешного эксперимента. А потом я отчет часа три ваял... И перед начальством отдувался. Прости, поэтому только сейчас пришел.

– А ко мне и не пускали, пока полностью не обследовали. – С горячностью поспешила заверить: – Это ты меня прости, что подвела. Могу отработать! Следующий отчет сама напишу, а ты отдохнешь...

– Давай лучше ты со мной выпьешь? Расслабишься, – сбило с мысли встречное предложение. – Через пару суток как раз выходной.

Переходя от слов к делу, он резво пересел с кушетки на мою кровать и потянулся к лицу с очевидным намерением приласкать.

– Доран!.. – возмутилась, спешно отодвигаясь. – Ты все не угомонишься? Мы же договаривались! Ничего личного!

– Да, мы напарники. – Рарк примирительно поднял руки вверх, но даже не попытался вернуться на прежнее место. Более того, спустя миг он ловко расцепил верхние застёжки пижамной рубашки на моей груди и завлекательно промурлыкал: – Но не стоит отвергать другие варианты отношений. Мы же взрослые люди. Никого не заботит, чем мы заняты в личное время, если это не отражается на работе.

В последние дни иметь дело с Дораном становилось все хлопотнее: первоначальный легкий флирт, который я приняла за поддержку мужского эго, перерос в настойчивое преследование. Всякий раз, оставаясь наедине с ним, слышала одно и то же: Троя, почему мы до сих пор не закрутили роман?

– Нет! – Решив внести окончательную ясность, на полном серьезе двинула кулачком в плечо рарка. – Мне это не нужно, пойми уже! Для меня ты – напарник, если хочешь – учитель, настоящий авторитет. Но никак не мужчина, извини. Найди себе другой объект для приставаний. Иначе – предупреждаю – пожалуюсь старшему.

Мне казалось, что рарк наконец услышит. По сути, многое в нем мне даже нравилось: решительность, умение принимать волевые решения и следовать им до конца. Импонировал его характер,

спокойные манеры и взвешенный взгляд на мир. Но... Никогда в моей душе не возникала потребность переступить черту с этим мужчиной, выйдя за рамки профессиональных отношений. Никогда!

Это еще не учитываю мои жизненные убеждения: растрчивать себя на бесконечную череду необременительных романов – бессмысленно, а смешивать работу и отношения вовсе чревато. Как избежать неловкости, когда эйфория легкого флирта пройдет?

Без намека на романтику я смотрела на Дорана в упор, мысленно умоляя свернуть с выбранной им колеи. Увы... Перехватив мой кулак, он разжал пальцы и притиснул ладонь к своему телу. Мощная грудь, обтянутая тонкой тканью армейской футболки, ощущалась рельефной и твердой.

– Тро, ты чувствуешь это? – Рарк плотоядно подмигнул, с усмешкой сложив губы трубочкой для поцелуя. Сейчас он дурачился, буквально излучая уверенность в своем жизненном кредо: перед красавчиком не устоит ни одна самочка. – Мое сердце бьется для тебя, мое тело наливается силой и желанием, когда ты рядом. Отбрось свои ненужные принципы, только представь, как хорошо нам будет, если ночи перестанут быть одинокими.

Пф... Вот они, минусы работы в мужском коллективе. Да еще на изолированном космическом объекте, где служебная вахта длится полгода. Зачем я выбрала профессию военного? Бес попутал, не иначе...

– Ты совсем дурень? Или глухой? Сдать тебя медикам? По слогам повторяю: не хочу ничего между нами. Не прекратишь настаивать – попрошу другого напарника, – прошипела, силясь выдернуть ладонь из мощной хватки. – Может, разденешься еще? Товар лицом показать? Чего только грудь щупать? Хочу зад лицезреть. Девочкам это заходит!

Начиная закипать, я стала более резкой. То ли Доран перегнул палку, то ли его навязчивость стала последней каплей – я разозлилась.

– Когда тебя выписывают? Сегодня? Или завтра? Да неважно! Пусти меня к себе на ночь, я тебе все-все продемонстрирую. – Попавшись на крючок, он пошловато подмигнул, подскочил с кровати, отпустив мою руку. – Ты знаешь, какой я мастер стриптиза? Да от меня ни одна женщина недовольной не ушла!

В подтверждение слов рарк игриво подвигал плечами в такт только ему известной мелодии, прежде чем медленно задрал футболку,

приоткрывая кубики пресса.

– Эй, на Луне, ау? – Со скучающим видом скользнула взглядом к потолку. – Я каждый день на занятиях в тренажерном зале и в бассейне таких пачками наблюдаю. Придумал, чем впечатлить девушку, – бюстом третьего размера. Seriously повторяю: у тебя от недостатка секса проблемы. То, чего я опасалась, случилось – на коллег кидаешься. Видно, без напарника осталась...

– Вы что тут устроили? – Наше уединение, к моему невыразимому облегчению, прервал командный голос дежурного врача, немного ехидно добавившего: – Сержант Льеор, вам жарко стало? Перетрудились? И времени счет потеряли. Сколько вам выделили на посещение напарницы?

– Тридцать минут! – Дернув футболку вниз – она, бедная, аж затрещала, – Доран подскочил и щелкнул каблуками, замерев по стойке смирно.

Оно и понятно, врач – капитан медицинской бригады, повыше рангом будет.

– Прошло тридцать две, – непререкаемо сообщил доктор. – Свободны.

– Вколите ему гормональных блокираторов, – без намека на шутку внесла свою лепту, крикнув уже в спину Дора: – Иначе сгорит на работе парень.

Подхватив скинутый ранее китель и бросив на меня взгляд, полный недовольствия и, вопреки всему, обещания продолжения, рарк покинул палату.

– Рядовая Флэш, вы забыли, что у вас профосмотр? Или на выписку не собираетесь? – Теперь строгие серые глаза изучали мое покрасневшее лицо.

– Собираюсь. Так точно. Уже иду! – подтвердила, лихорадочно приводя одежду в порядок.

Впрочем, могла и не стараться. Во-первых, капитан медицинской бригады меня раздетой уже видел – он же при первичном осмотре присутствовал, где я была в костюме Евы. Во-вторых, в капсуле для проверки профпригодности больничную пижамку все равно пришлось сменить на трико-комбинезон. А потом целый час потратить на психологические тесты, три часа потеть на тренажерах, сдавать кровь, терпеливо ждать, пока бесстрастная система зафиксирует и

проанализирует показатели, и, наконец, заполучить вожделенный штамп «Годна».

В палату я вернулась вымотанная донельзя, растирая безумно зудящую свеженькую татуировку-допуск на предплечье. Зато уснула без задних ног. А после завтрака, получив «добро» уже от медиков, помчалась на построение – прогулов даже по уважительным причинам начальство не терпит. И вообще, график дежурств на эту неделю узнать нужно – вчера не успела, потому как в лазарет загремела. И расписание тренировок. И режим смен – я ведь не только в конвое работаю, но и в секторе слежения за пространством. Потому что денег много не бывает!

А еще мне безумно хотелось разобраться в том, к чему я раньше особого интереса не испытывала. Амиоты... какие они? Не сейчас, нет, на таких я насмотрелась. Какими были раньше? Это только Дорану «повезло», он с ними практически лично пересекался. Был очевидцем, так сказать.

Его слова о том, что амиоты способны «выпить энергию и пустить по миру оболочку» накрепко засели в памяти. Как это понимать? Переспросить Дора и выпытать подробности не решилась, опасаясь, что напарник взорвется от злости. Но не один же он достаточно знает об этой расе?!

Тренер в зоне симуляторов! Тот, с которым мы отрабатываем приемы с энергетическими кинжалами. Он намного старше Дора. Без ноги, то есть с протезом. Со шрамами на лице. Кстати, тоже рарк. Я как-то не задумывалась, но его ранения могли быть получены в той самой войне! Главное, разговорить его...

Наверное, мне повезло, что в расписании служебных тренировок тренажерный зал стоял завтрашним днем, а сегодня с обеда меня ждали двенадцать часов дежурства в центре слежения за космосом. На это время, к счастью, мозг был занят, иначе я бы лопнула от любопытства.

После тренировки, вместо того чтобы вместе со всеми отправиться отдыхать, я сунулась к тренеру.

– Вам чего, рядовая Флэш? – оборачиваясь, рявкнул офицер.

Он сидел за столом спиной ко мне и наверняка заметил мою персону, отраженную в темном стекле пузатой бутылки, стоявшей перед ним.

– Прошу прощения, капитан Жьерк. У меня проблема. И вопрос. Можно?.. – Сделав вид, что не заметила компромата – запрещенного на базе напитка, я замялась, кусая в нерешительности губы, хоть и понимала, что для военного это недопустимо.

Не покажется ли офицеру странным мой интерес к подопытным? Под каким бы соусом его преподнести?

– Проблема? Гм... – Тренер на миг задумался, дернул рукой, задвигая сорокаградусный компромат за гору из одежды, обуви и оружия, живописно красующуюся на столешнице. Неловко отставив ногу, вцепился изуродованными пальцами в спинку стоящего у стены стула, подтащил ближе, хлопнул по сиденью ладонью. Рыкнул: – Садись.

Спорить не стала – сама на разговор напросилась! А ну как передумает! Шустро метнулась вперед, надеясь побыстрее получить ответы.

Неприятная усмешка искривила толстые губы, которые некрасиво прочертил грубый шрам. Добродушия в глазах не наблюдалось – в отличие от Дора этот рарк всегда казался угрюмым, ожесточенным и репутацию имел отъявленного грубияна. Оно и понятно, с такими травмами. Приласкав меня совсем не дружелюбным взглядом, офицер недовольно протянул: «Н-н-ну?»

Расценивать это можно было лишь как временное снисхождение. Которое моментально испарится, если моя персона напрасно оторвала его от... дегустации.

– Прошу совета опытного коллеги и профессионала! – выпалила, рванув с места в карьер и выжимая все из этого шанса. Готовая и к грубым окрикам, лишь бы заполучить крупницы информации из достоверного источника. – Мне вчера не повезло, вместо конвоя поставили на охрану в лабораторию, а у ученых там что-то не по плану пошло. В общем, – заторопилась, видя, как собеседник нетерпеливо забегал глазами по подсобке, – меня амиот за руку схватил.

– Оторвал? – презрительно буркнул капитан, на миг все же сместив на меня фокус внимания.

– Я оторвала. – О вкладе в произошедшее Дора умолчала – если скажу, еще и напарнику достанется «ласковых» слов от тренера. – Другую руку. Копию той, что оставалась прикованной к каталке. Призрачную. Туманную. Фиолетовую. – Перечислила все что могла,

понимая, что по-другому не объяснить. Парк застыл, впериw в меня пристальный взгляд. Напряженный и злой, нет, злощий. – А она потом в воздухе растаяла, – добавила последнюю деталь.

Резко поднявшись, так что вынудил меня отклониться, капитан шагнул в сторону. Отвернулся, пару мгновений постоял, рывком выдернул припрятанную бутылку и глотнул.

– Сорке!

Еще одно непереваемое, но без сомнения не самое приятное ругательство парков.

Я лишь мысленно пожала плечами. Давно перестала принимать подобные выпады на свой счет. И похлеще выражения слышала в этом зале – вот уж где не считали нужным деликатничать.

– Дави их, гадин. В следующий раз сразу шпиль энергоклинком. На полную. Авось сдохнет.

– Если б знала, как давить... – предприняла попытку вернуть разговор в нужное русло.

– За сиськи вас, что ли, в космоконвой берут?! – в сердцах рявкнул тренер.

Ничего нового для меня и в этом заявлении не было. По сей день находятся те, кто полагает особой мужского пола (и неважно, какой расы!) более подходящими для работы в космосе. Впрочем, если не чураться привычной грубости капитана Жьерка, то мне с его прямолинейностью всегда было проще, чем с занозой-напарником, убежденным, что «все девки – его», стоит лишь подмигнуть.

– Прежде я с амиотом напрямую не сталкивалась. Чего ждать от них?

– Мозгов нет, – безапелляционно констатировал офицер, имея в виду меня, а не амиота. Развернулся и припечатал бутылку к столу. – Куда лезешь? Сиди на Земле и перед мужиками задницей верти.

И это пропустила мимо ушей, продолжая гнуть свое:

– Нам на занятиях ни о чем таком не говорили! Показывали только, как действовать, если пленник вырвется на свободу. Мы отработывали, как его вырубить. Или как убить...

– И чего не убила? – Жьерк рухнул обратно на сиденье. – Штаны мокрые помешали?

Он взял себя в руки – или это глоток живительного пойла сделал свое дело? – но сейчас выглядел более спокойным. С лентой

презрительно посматривал на меня, покачиваясь на задних ножках жалобно скрипящего стула. Мне это показалось добрым знаком для более обстоятельного разговора.

– Приказа убивать не было, а инструкции по порядку действий касаются материального пленника. А тут что? Откуда вторая рука? Да еще такая ненормальная. Но при этом очень даже осязаемая! – Аж передернулась, вспомнив силу, с которой сжимались, сковывая меня, холодные пальцы.

– Гр-р-раш-ш... – зашипел рарк, – тупицы...

– Ученые?

– Да эти вообще ироды, создают тут ублюдков всем на погибель.

– Амиотов-подопытных?!

– Не суй свой нос во все это! И держись подальше от гадин. Твое дело – разродиться! Чего, обрюхатить некому?

– Я уже *тут*, – веско и спокойно напомнила самому ярому женоненавистнику станции, – и до конца вахты никуда не денусь. Что случилось однажды...

– Сплюнь, безмозглая.

– А кого еще мне о них расспрашивать, как не профи? Если даже инструктор...

– В черную дыру вашего инструктора. Выслужился. Случись реальный замес – от всех нас вместе взятых толку будет не больше, чем от тебя одной. Разве что повизжим хором. Только амиоту с этого визга, что рарку с...

– Так что с второй рукой? – перебила, и так зная, что услышу. – Какие они... ну, когда фантомы? Все амиоты на базе – материальные, других я не видела. На что они похожи?..

– В своем истинном облике? Да почти ни на что. Бледные фиолетовые сгустки, граш их раздери. Это же энергетические поля, у них нет формы.

«Ни формы, ни чувств, ни привязанностей», – вспомнились слова напарника, от которых по позвоночнику снова прошла холодная волна. Перед глазами встал тот фиолетовый туман, что заполнил лабораторию, в ушах раздался визг профессора: «Загоните его обратно!», а дальше... погиб сотрудник лаборатории. Получается, я своими глазами видела, как амиот выбрался из тела и убил лаборанта? Вот дела...

– А когда материализуются? – рванула в наступление, всеми силами скрывая жадное любопытство.

– Что угодно могут имитировать. Любой живой объект. Тобой станут запросто – мать родная не отличит. Иногда даже предметы создают. Не огнестрел, конечно, попроще. Решетки, цепи, плетки... Но уж как ими тебя «приласкают», мало не покажется. Так-то... – каждое слово капитан Жьерк скорее выплевывал, чем говорил, но я была благодарна и за это.

– Серьезно?! – В голове не укладывалось, пояснения рарка меня шокировали. – Но на базе все пленники-амиоты материальны. В таком виде они же не превратятся во что-то еще?

До инцидента в лаборатории я и эту, туманную, сторону не видела.

– Думается мне, – тренер с отсутствующим видом, возможно, на миг забыв, что разговаривает с презренной самкой, смотрел куда-то в пространство поверх моего плеча, – в этом и смысл всех прежних опытов. Как-то ученым удалось зафиксировать пленников в постоянном физическом теле. Или их вынудили создать себе эти тела, чтобы выжить. Граш разберет. В материальном виде амиоты менее опасны... так считается.

– Таким способом ограничиваются их фантомные навыки?

Даже дыхание затаила, ожидая ответа. Понятно же, что полного успеха в эксперименте над амиотами нет, раз вчерашний пленник сумел прорвать навязанную оболочку, вопреки всем изменениям перевоплотившись в смертоносный туман. Опять же, злополучная рука, что помешала мне...

– Слепцы! – Капитан моргнул, опомнившись, взгляд мгновенно стал недовольным. – Ученые не видят дальше своего носа. Этих гадов не изменить, все, что они могут, – убивать. Оттого и каждый пленник здесь заслуживает лишь смерти. Когда-нибудь до ученых это дойдет, раз дошло до глупой сорке вроде тебя. Только пока они, выходит, глупее...

– Я знаю, что в наше дежурство погиб один из исследователей.

– Не в первый раз. – Рарк даже не удивился. Вновь потянулся к бутылке, но прежде, чем сделать большой глоток, от души выругался. – Запреты, запреты... Нам все запретили, трясутся над этими гадинами. Роят себе могилу. Уже вырыли! – Переведя на меня

помутневший взгляд, он внезапно заговорил тише, проявив почти сочувствие: – Попроси о переводе. Не место тебе тут. Все здесь однажды... закончится.

Последние слова прозвучали зловеще. Капитан махнул мне рукой, ясно давая понять: убирайся. Под его обреченное ожидание я подскочила и опомнилась, только оказавшись в своей каюте. Разговор оставил тягостное впечатление: на какую развязку намекал тренер? Присев на кровать, устало потерла лицо.

С одной стороны, рарки сильнее других пострадали от войны с амиотами и не верили в возможность перемен, просто не допускали их. Больше того, они ждали... Ждали повторения! Можно ли считать это следствием глубочайшей ненависти к тем, кого привыкли полагать извечным и не знающим жалости врагом? Или они единственные, кто реально оценивает перспективы происходящего, понимает истинную цену последствий?

С другой стороны, тот пленник. Даже по прошествии трех дней мне не удавалось стереть из памяти его облик, истерзанное и искореженное болью и муками тело. Живое олицетворение нашей собственной жестокости! Можно ли винить его за агрессию?

Откинувшись на подушку, вытянула вперед руку. Растопырив пальцы, коснулась ладони другой рукой, пытаюсь представить, каково это – однажды открыть глаза и осознать, что у тебя нет руки. Вовсе нет тела! Что ты – уже совсем не ты. И увидеть рядом тех, кто сделал это с тобой.

Пусть с пленными амиотами было все наоборот – они не потеряли материальность, а приобрели, но и это не укладывалось в сознании. Неужели в таких условиях они смогли сохранить разум? Каким бы отличным от привычного мне понимания он ни был. Или же капитан Жьерк и Доран правы – рядом с нами бомбы замедленного действия и глобальной разрушительной силы, направляемые единственным ощущением – болью?..

Заставила себя закрыть глаза. Все, хватит! Спать! Завтра на дежурство. В обезьянник... К подопытным!

Глава вторая

Кин

Толчок. Меня швырнули намеренно бесцеремонно.

– Хороший денек, да, приятель? Попользовали тебя от души, на потроха пошел.

Дружный хохот. Глумливый, озлобленный. Эти убогие даже не осознавали, что за их нарочитым презрением я отчетливо распознавал глубинный неизжитый страх. Страх перед такими, как я. Даже пленными, скованными, даже лишенными всякой силы.

– Тварям самое место на разделочном столе. Ты лишь подопытная крыса!

Отвратительные голоса отражались в сознании гулками отзвуками, мутные темные силуэты сменялись яркими пятнами, не позволяя сосредоточиться и понять, что происходит.

Треск, хлесткий удар. Еще один. Мерзкое, прилипчивое ощущение неполноценности и бессилия... Превозмогая его, оттолкнулся от жесткой, неприятно скользкой поверхности, поднимаясь на руках, с усилием напрягая мышцы и стараясь не обращать внимания на дрожь, сотрясавшую тело. Преодолевая нарастающую тошноту, зажмурился – сильно до светового всплеска, стиснул челюсти до хруста, задержал дыхание, прогоняя слабость. Поднял голову, одновременно открывая глаза.

Зрение наконец прояснилось. Сквозь свисающие грязные пряди теперь можно было рассмотреть тех, кто так бесцеремонно обращался со мной.

Два безобразных комка розовой плоти, ограничивающие себя от воздушной среды черными пластами неорганической материи, скалили желтые жесткие наросты, рассматривая меня круглыми белесыми сферами. Издавали рыкающие вибрации, сотрясая воздух. Двигали отростками, прячась за грозно-сверкающими линиями полей высокой мощности.

Нет, разумеется, я знал, что все это можно называть и воспринимать иначе. Гуманоиды. Двунogie, двурукие. У них есть голова, кожа, одежда, зубы, глаза, речь, и меня они заперли в силовой

клетке. Но мыслить их штампами, их понятиями, уподобляться низшим не хотелось категорически.

Убогие трехмерные уроды, считающие себя высшей разумной формой жизни, а по сути – презренные, жалкие ничтожества, трясущиеся и цепляющиеся за свое физическое воплощение, как за главную ценность. В то время как истинная суть их существования – быть источником энергии для таких, как я! Хранить ее в себе, накапливать до тех пор, пока не решу ее забрать!

Облизав покрытые жесткой коркой губы, почувствовал отвратительный металлический привкус и хрипло рассмеялся. Самонадеянный идиот. Чем я сейчас лучше их?

«Чем мы все лучше?»

Последняя мысль прозвучала, словно брошенная со стороны. Немной, кем-то.

Резким движением развернулся, заставив гуманоидов отскочить, хоть и находились они в безопасности, впился взглядом в собрата по несчастью, вяло шевелившегося в паре метров от края клетки, наверняка тоже не в силах выбраться из статичной материальной формы. Факт его присутствия стал настоящим открытием – до этого момента я был уверен, что из нас, кроме меня, уже никого не осталось.

«Кто?» – я напрягся, посылая обычный сигнал опознания.

«Тас, – вернулась волна. – А ты?»

«Кин», – сообщил, стараясь скрыть разочарование. Тас был самым слабым и глупым в группе. Я вообще полагал, что его развеяло во время последнего столкновения с материальным противником. Очень уж мощной и неожиданной была атака.

«Помоги, – предсказуемо заныл Тас. – Что происходит? Где мы? Хочу отсюда уйти. Мне тесно».

Имел он в виду вовсе не мир, всего лишь тело, и я это понял. Но самое главное – услышал обнадеживающее «мы».

«Пока не получим контроль над происходящим, уйти не получится. Где остальные?»

«Восприятие расширь», – донеслось до меня еще одно сообщение. Близкое настолько, что не опознать отправителя было невозможно.

«Ориш», – коротко подтвердил узнавание. Снова напугав гуманоидов, перевернулся, отыскивая глазами очередное физическое

воплощение. Массивное, грязное, серокожее, с темными уплотнениями на плечах и спутанными черными волосами, закрывающими лицо, но при этом несущее в себе того, кто никогда не отступал и не бросал начатого на половине.

«Где тебя носило, Кин? – яростно сверкнули фиолетовым отблеском глаза, за которыми прятался практически равный мне по силе собрат. – Раз ты жив, почему не с нами?»

«Знал бы я сам», – осадил его. Конкурентами мы никогда не были, но и причислять меня к дезертирам не позволю.

«Что помнишь из последнего?» – не сдался Орш.

Хороший вопрос. Однако прежде, чем я смог на него ответить, пришлось ждать, пока из глотки наружу не выйдет то, что материальные уроды зачем-то запихнули в приданную мне оболочку. Гадкое тело!

«Мы рвали на атомы планетоид, – ушел мыслями в прошлое, чтобы снова как наяву ощутить триумфальное чувство свободы и торжества. – Энергии в нем было много, текла она легко и быстро. Я увлекся поглощением, не заметил приближения опасности».

«Никто не заметил», – вплеся в мое признание еще один собеседник, но я не придавал этому значения. Продолжил: «Понял, что нас окружили, когда оказался в тисках неструктурированной энергии. Пробиться сквозь нее не смог, поглотить тоже. Привычного мира не стало. Материальный исчез. Двигаться было некуда. Энергии становилось все меньше, я слабел, казалось, это конец. А потом неожиданно понял, что...»

«Что прочно заперт внутри физической оболочки, – перебив меня, признался Орш, видимо испытывавший то же самое. – А разорвать ее и выбраться не получается».

«Я ее рвал! – внес коррективы. – Трижды».

«Силен, – хмыкнул Орш. – Где взял подпитку?»

«Не вникал. Кто первым подвернулся, у того и высосал, – отрезал я, смутно припоминая дергающееся в конвульсиях тело. Вернее, два тела, наполненных желанной энергией. – Только времени на полноценную подпитку не хватало. Меня каждый раз скручивало в тиски. Потом фаза небытия и новое возвращение в навязанную оболочку», – закончил, наконец заставив тело отползти в сторону от

муторной зеленой жижи, над которой оно все это время так и нависало, покачиваясь.

«Видимо, тебя держали отдельно, раз впервые оказался здесь», – высказал догадку Орш.

«А я тебе говорил, – опять проявил себя неизвестный, – что у гуманоидов не одно помещение, где с нами... работают».

«Работают? – издевательски бросил Орш. – Хал, ты, оказывается, гуманист».

Хал? Хал, Хал... Я задумался, перебирая известные мне комбинации. Хм, мне этот собрат незнаком.

«Ты же не с нами проходил через брешь миров. А мы ушли первыми. Значит, была вторая волна экспансии в это пространство?»

«Вторая была, – согласился Хал. – Но я из третьей. И мы едва успели проскочить. Брешь закрылась бесследно, а я попал в плен, не успев даже начать поглощение».

«Ого... – встrepенулcя я, ощущая, как теряю опору. Во всех смыслах: и моему самосознанию стало не по себе, и брeнная оболочка завалилась на бок, чувствительно приложившись бедром об пол. – Мы здесь застряли? Домой нам не вернуться?»

«Если не откроется новая брешь...» – философски протянул Хал.

«Если мы вообще выживем!» – бросил Орш.

«Если перестанете лить энергию попусту», – тихо прошипел...

«Щег! – опознал я. – И ты здесь!»

От неожиданного осознания того, что нас не так уж и мало, я испытал воодушевление. Завозился на холодном покрытии, рыкнул с досады, заставляя непривычное, чуждое мне тело подчиняться, оттолкнулся и, наконец, встал. Обретя равновесие, сфокусировался и осмотрелся.

Примитивные гуманоиды меня больше не интересовали. Взгляд скользнул дальше, пробежав по невзрачным серым стенам, силовым полям, ограничивающим наше пространство для жизни, низкому металлическому потолку, полу, где-то чистому, а где-то покрытому спекшейся органикой. Именно на нем сейчас в разных позах – кто неподвижно, а кто осторожно перемещаясь, – находились те самые физические тела, что на самом деле являлись для нас клетками. Такие же гуманоидные, как у пленивших нас существ, и все же чем-то

отличающиеся. Впрочем, внешний вид оболочек волновал меньше всего. Не они важны сами по себе, как не важна примитивным существам их одежда. А вот количество...

«*Так сколько же нас?*» – спросил сам себя.

Ответ получил от других: «*Восемнадцать*».

Немного... В моей группе было больше тысячи подобных мне, и мы были первым отрядом, отправившимся на освоение новых источников энергии. После нас, судя по заявлению Хала, были и другие. Не знаю пока, насколько многочисленные, но... Но из всех только мы и выжили?

Значит, восемнадцать... Возможно, больше, ведь здесь определено не все. Кто-то, как и я до этого, может находиться в бессознательном состоянии в других... местах.

Где именно?

Ответ на вопрос дался с трудом – образы, вызванные отдельным усилием, выходили размытыми и отрывистыми.

Тьма. Вспышка. Энергия совсем рядом – манящая, притягательная, но взять ее нет никакой возможности. Непонимание. Что не так?! Краткий миг забытья. Снова всполох пробуждения. «Хороший экземпляр... в моей лаборатории... степень фиксации семьдесят процентов... вводи первую дозу... реакция пошла... надо повторить...» – звуки, раздражающие своей бессмысленностью. Тесный плен оболочки, которая скована так же, как и я. Попытка вырваться. Белые границы, за которые нет хода. Сжимающие, удушающие тиски. И снова тьма.

Воспоминание, от которого хотелось лишь одного – разорвать, испепелить, уничтожить тех, кто лишил меня свободы. И поглотить! Выпить! Забрать у них то, что до сих пор манило, несмотря на ограничения.

Среагировало и тело. Кулаки сжались, взбугрились мышцы, словно силясь разорвать несуществующие путы, а из горла неожиданно вырвался яростный рокот низких частот.

– Смотри-ка ты, ожил, – раздался дерзкий смех, скрывавший очередную волну страха. – Живучая тварь.

– Отойди, Ральюс, не провоцируй, а то опять выговор получим.

Считающая себя вершиной пищевой пирамиды особь проявляет осторожность? Интересно... Я вернулся взглядом к своим

тюремщикам, изучая их внимательнее. Делать это, используя ограниченные возможности навязанного тела, было невыносимо, но иных вариантов не осталось.

Первый, тот, что вел себя наглее, – классический примитивный гуманоид. Беловолосый высокий двуногий демонстративно скалился, выражая презрение. Только он не мог знать, что своей бравадой спровоцировал вспышку интереса с моей стороны. Вдруг проявилась неосознанная опция ставшего клеткой тела, подарив сверхъестественную зоркость, и я отчетливо увидел предназначенными для этого органами учащенно пульсирующую жилку за ухом тюремщика и спешно скользящую по отвратительно розовой коже капельку влаги. Страх... Он знаком этому существу. Именно его он прячет за показным бесстрашием. Жалкий. Легкая добыча.

То есть был бы легкой добычей, будь я собой прежним.

Но я запомнил этот вид местных. С таким расовым типом раньше сталкиваться не доводилось, хотя я не особо обращал внимания на такие детали пищи, как цвет волос и крепость нервов.

Второй, куда более осмотрительный, – крепкий, коренастый остроухий брUNET с мрачным настороженным взглядом. А вот этих помню. На моем личном счету сотня таких, плюс два звездолета и орбитальная станция. Энергии тогда накачал знатно, жаль, до самой их планеты не добрался. Так и не понял, куда она исчезла под самым носом. То ли другие из моего отряда успели раньше, чем я смог на нее переключиться, то ли ушастые нашли способ ее спрятать. И сами сбежали, потому что после этого я взаимодействовал с кем угодно, но не с ними.

Придется изучить всех неожиданно сумевших совладать с нами. Они убеждены, что пленили нас, заточив в бесполезные оболочки? Сделали подобными себе? Ничтожными, ограниченными и подконтрольными? Что ж, зря. Я сумею приспособиться, сумею вырваться, сумею... забрать их всех.

Мы сумеем.

– Да что он мне сделает? – не внял дельному совету беловолосый. – Сидит себе в клетке... Он слаб, словно новорожденный, только и способен, что на ноги встать.

Подошел он близко. Так близко, что удержаться я не смог. А может, просто не захотел, больше всего желая сейчас наказать примитивного гуманоида, возомнившего себя победителем. Такое знакомое по прошлому, практически рефлекторное поведение – стремительный бросок к идущей на тебя добыче.

Быстрый выпад... и острое сожаление: вместо сгустка энергии вперед дернулось тело – непривычная, неловко управляемая мной обуза. А вместо приятного притока живительной энергии – силовой разряд от энергетических брусьев клетки, пронзивший навязанное тело и отбросивший его на пол.

Ощутил я это вопреки пониманию. Что за чувство? Невыносимое, тягучее и разрывающее на части? Уже знакомое по вспышкам пробуждения в лаборатории.

«Кин, брось, – запоздало предупредил Орш, – это бессмысленно. Без оболочки ты, может, и прошел бы ограничительное поле, а с ней...»

«В каком смысле «может»? – опешил я. – Ты не пытался?»

«Ты меня вообще слышал? – обрушилась на меня волна раздражения. – Мы в них жестко зафиксированы. Из тел не вырваться, они как кандалы, и их через энергетическую клетку не протащишь».

«А ты меня слышал? – все еще испытывая странную агонию, взвыл я не менее яростно. – Я трижды из оболочки выходил!»

– Что, гад, не выходит? – словно меня услышав, выкрикнул беловолосый, сбивая с мысли. – Лапки короткие? Теперь все иначе! Вот она, расплата. Удивлен? Не знал подобного? Так запомни, отныне боль станет твоей постоянной спутницей. – Он засмеялся, наслаждаясь собой и чувством безопасного превосходства. – Давай, давай поднимайся, амeba треклятая. Сделай так еще! Повесели нас!

Издевается. А ведь сам реально напуган, отскочил едва ли не дальше, чем меня отбросило. Дышит рвано и за оружие схватился – невзрачную на вид рукоять, энергия в которой совершенно бесструктурная. И опасная...

– Цыпа, цыпа, иди к папочке. Мигом станешь грилем, – вновь посыпались глумливые смешки. – Знакомая штучка, а? Думали, сожрете нас всех? А мы вот не так просты и нашли чем вас уделать.

Превратили в ничто! Даже праха не осталось! Один большой пшик – и нет прожорливого амиота. Всех вас нет!

Сияясь не упустить контроля над происходящим вокруг – а знание сейчас важнее всего, – я сосредоточился, заставляя себя не думать о... как сказал ничтожный? О боли! Пришлось пересилить отвращение, вновь пытаюсь понять, как работает видение через элементы чуждой оболочки.

Амиоты? Слово кольнуло узнаванием. Прежде слышал его в лаборатории. Так эти... материальные называли нас, эдайти.

Но все внимание сейчас – на оружии охранника. «Знакомая штучка»? Так он сказал? Да, очень. Настолько, что новых встреч не хотелось. Это ведь после контакта с ней настает то беспомыслие, при котором надолго теряешь осознание самого себя.

– Остынь. – Положив руку на судорожно сжатый кулак беловолосого, второй гуманоид заставил оружие опустить. – Чего завелся-то? Расслабься. Скоро смена придет. Не лезь к нему. Получим нагоняй, если сдохнет тут внезапно.

Значит, меня ждет передышка. И новый шанс разузнать о тюремщиках больше.

«Часто они меняются?» – бросил вопрос своим.

«Да, довольно часто. А на время кормления и для транспортировки в лабораторию прибывает дополнительная пара охранников», – пришел глухой отклик от Щега.

Кормления?!

«Это же не?...»

«Именно».

Отвращение накрыло волной, стоило вспомнить ощущения продвижения в недра этого жалкого тела твердой и склизкой субстанции... Как они ее называют? Еда?

Сколько еще мерзостей нам уготовано испытать в этом коконетюре?

– Смирно!

Хорошо поставленный голос вновь привлек мое внимание к происходящему за пределами клетки. Принадлежал он гуманоиду, внешне мало отличному от ушастого, разве что у него уши были скругленными, а верх головы закрывал плоский предмет одежды.

– Доложите обстановку, сержант Кригс, – продолжил вошедший, за спиной которого прятались силуэты еще двух гуманоидов.

– Все штатно. Происшествий не было, – без запинки отчитался брюнет.

Так-так... Значит, мои попытки не в счет? Ну ладно...

Кивнув, субъект вышел, зато теперь в зоне видимости оказались те, кто скрывался за его спиной.

Первое, что я ощутил, – они разные. Не в смысле внешнего облика, хотя он тоже имел отличия, а иначе. Однако объяснить, как именно «иначе», в чем заключаются различия, пока не мог. Второе – с этой парой я уже пересекался. Перед небытием, после которого осознал, что меня волокут в клетку, *они* были последними, кого я воспринимал.

Воспоминание о появлении рядом темноволосого крупного субъекта отражались в сознании двойственно: сначала нейтрально, как факт близкого присутствия, раздражающего от невозможности взять то, что мне было необходимо; затем мощно – как приступ ярости, потому что именно его оружие заставило меня взорваться яркой сверхновой, потеряв самого себя.

Реакция на другого, более щуплого гуманоида, с волосами чуть светлей, оказалась куда более неоднозначной. Сумбурной, противоречивой, клокочущей. В ней было так много намешано, что пришлось постараться, чтобы разобраться в сложном переплетении. Я вспомнил, как крайне неосмотрительно приближалось ко мне это существо, буквально истекая такой желанной энергией. Как, сходя с ума от невозможности ее взять, я бился в путях удерживающей меня оболочки. Как невероятным усилием все же прорвал оковы, клеймя то, что теперь по праву было моим! Было, но не стало. Потому что энергию этой особи я так и не забрал. Не успел.

И теперь с жадностью следил за добычей, получить которую для меня – уверен – вопрос времени. Я никогда не отступал. И впредь этого не сделаю.

– Как сегодня наши... твари? – дождавшись, когда плотно сомкнутся створки дверей, презрительно бросил тот из пары новоявленных охранников, кто смог остановить меня ранее.

Из его рта, сорвавшись с губ, с силой вылетел сгусток белесой жидкости и упал почти к моим ногам.

– Доран! Не перегибай палку! – одернул его приглушенный окрик. – Наше дело – следить за безопасностью. Глумиться над заключенными – это недос... – моя несостоявшаяся пока добыча замялась. – Непрофессионально.

А я наконец сообразил: так вот в чем отличие, это *другая* особь!

Полярная? Супротивная? Антипод?.. М-м-м... Слышал же, слышал название... Напрягся, перебирая отрывочные сведения, что накопились за время плена, пока в памяти наконец не всплыло: женская!

– Мужчины совсем одичали за время долгой вахты, что с них взять? Не обращай внимания, Троя, – раздалось уважительно-извиняющееся приветствие сдержанного напарника беловолосого. – Ты сегодня с нами? Как такое чудо случилось? Но уж, поверь, я тебе рад. Обычно эти двое умудряются весь пол желчью закапать.

– Это мы-то?.. – Беловолосый Ральюс встал в позу, выпятив грудь, но договорить ему не дали.

Та, что именовалась Троей, ответила сержанту Кригсу кратким смешком:

– Представляю...

Впрочем, дальше говорила она спокойно и обстоятельно. На меня не смотрела, чего не скажешь о буравящем, ненавидящем взгляде... Дорана? Так она его назвала?

– Меня вне плана поставили. Из-за медосмотра сместился график, поэтому вместо смены в центре контроля внешнего периметра станции я сегодня с вами.

– Медосмотр? – заинтересовался ушастый брюнет. – Что-то случилось?

– Нет.

– Случилось! – Если Троя попыталась скрыть правду, то ее напарник и не собирался, даже получив от нее недовольный взгляд. – Этот демонюга, – кивнул он на меня, – вырвался и почти покалечил мою девочку. А перед этим, – многозначительно понизил тон, – схарчил одного из заучек-ученых.

– С-сожрал?! – Визгливое удивление беловолосого резануло неприятным диссонансом. Очевидно, он только сейчас уразумел истину в недавнем совете напарника. – Но ведь говорили, что они не

могут... ну это... когда как призраки... – Ральюс шумно выдохнул. – Вроде теперь у них тела, и потому проблемы исчезли.

«*Кин, это они о тебе?*» – не выдержал Орш. – *Ты невероятен...*»

«*После обсудим*», – подавил его инициативу, боясь упустить хоть слово.

– Тише вы! Чего разболтались? – синхронно со мной шикнула Троя.

– Жратву же им еще не доставили. – Доран вяло махнул рукой. – А пока представление не началось, чего бы не поболтать?

Последнее прозвучало зловеще и потому заинтересовало не только меня.

– Представление?

– Ты бы видела, как они давятся. Заблюют тут все. Как у вас на Земле бы сказали – франкенштейны недоделанные. Может, ученые им чего внутри прирастить забыли? Теперь трубочку надо вставить?

От интонации, с которой это было сказано, фонило одновременно ненавистью и бессилием. Субъект меня раздражал.

– Хотели как лучше, а получилось как всегда. – Тот, сдержанный, глухо вздохнул. – Я слышал... только тс-с-с, не для разглашения. Так вот, говорят, для этих тварей тела специально создавали. Взяли лучшие гены от всех известных рас содружества – разработка уже существовала. Видимо, пришла кому-то в голову безумная мысль создать идеальные управляемые полуразумные организмы, способные выполнять миссии в самых недоступных уголках космоса.

– А амиоты-то тут при чем? – как и я, не поняла логики Троя.

– Так тела, даже самые совершенные, без разума ничего не стоят. Пустышки. Кто-то должен ими управлять. Вот какой-то умник и решил, что нематериальные сущности для этого самое оно. Тем более удалось их заполучить. Прежде-то у нас такого не встречали, а тут нахлынули, волна за волной. Чего только во Вселенной не водится...

– Универсальные солдаты? – Троя впервые взглянула в мою сторону и едва приметно вздрогнула. – Секретная разработка? Надо же... Как оперативно организовали. Только материал взяли уж больно... непредсказуемый.

На удивление жалкая оболочка не подводила – подчиняясь моему живейшему интересу, органы, отвечающие за зрение и слух, работали на пределе. Я отчетливо слышал каждое слово шептавшейся у стены

охраны и видел каждый волосок на затылке своей несостоявшейся добычи.

– Взяли их, потому что альтернативы нет. Лишь поэтому оставили в живых и держат здесь. А по мне, так лучше бы они вообще никогда не появлялись в нашей реальности. – Беловолосого заметно передернуло.

– Уж это точно, – поддержал Доран. – День, когда внезапно невесть откуда, как из черной дыры, стали появляться эти твари и все подчистую уничтожать на своем пути, для всех стал кошмаром. Это даже потерями назвать нельзя! За ними все исчезало, оставалась только пустота.

– Конец казался неизбежным, – тяжело вздохнул сдержанный тюремщик. – Каждое утро благословляю заучку, выдвинувшего теорию о сращивании разных типов энергий и изобретшего энергетические клинки.

– И от лабораторных фанатиков польза есть, – согласился беловолосый. – Создали оружие, способное не просто задержать, но и уничтожить монстров. Только успех заслонил здравый смысл, замахнулись на невероятное. Думается мне, ничего у них не выйдет. Разумного и послушного уж точно, раз амиоты, даже заточенные в тела, ухитряются нас убивать...

Странное название, данное нам противником, изрядно раздражало, звучало так же жалко и бестолково, как они сами.

– Хочется взорвать это место, отправив в бездну всех заучек с их великими теориями и подопытными гадами! – едва шевеля губами, прошептал Доран.

Но я его слышал!

С ним согласились все, кроме Трои. Моя добыча почему-то промолчала.

– Дальше будет только хуже. Вчера в лаборатории кое-кто проговорился, что пленных будут тестировать.

– Как?

– На нас обкатают! Они это спаррингом называют.

Весь обратившись в слух, кинул собратьям вопрос: «*Слышите?*»

«*Да. Предвкушаем...*» – пришел общий отклик.

– Оружие-то хоть оставят?

Беловолосый трус задергался! Вот и встретимся...

– Оставят, ясен граш, – поспешил успокоить его Доран, хотя в его интонациях слышалось сомнение. – Иначе какой смысл? Пленные должны осознать, что в наших силах прибить их. Знать и бояться. В этом залог послушания. Иначе грош цена этим... дьяволам.

В суть эпитета вникать не стал, как и мои собратья.

«Ничтожные глупцы», – прошелестело с нескольких сторон, и я не раздумывая согласился.

– Черт! Как я не хочу в этом участвовать!

Троя... Почему я ее выделяю? Она такой же враг. Стоит нам избавиться от навязанных тел, и она неизбежно погибнет, как и все остальные. Станет моей добычей, только моей.

– Не бойсь, тебе не грозит. Баб на ринг не пускают.

– Рарк! – Она развернулась к напарнику, в упор уставившись в его глаза. – Ты меня трусихой назвал? Или сомневаешься в моих профессиональных навыках?

Почему «рарк»? Он же Доран. Или это не имя, а название расы? Расы остроухих? Я все внимательно анализировал и запоминал.

– Не кипятись, девочка, – вновь притушил огонь эмоций более спокойный охранник, – Доран просто заботится о тебе. Ты же помнишь, он уже сталкивался с амиотами в бою. И выжил! Его право поучать менее опытных.

– Поучать, но не глумиться, – немедленно откликнулась Троя. – Завел привычку...

На последних словах она зашипела в сторону, и Доран шагнул к ней ближе. Больше того – положил ладони на плечи.

– Напарница? – Склонившись к ее уху, явно скрывая сказанное от сослуживцев, шепнул: – Это действительно забота. Ты же знаешь, как... дорога мне? И я не прочь лично продемонстрировать тебе всю величину своего волнения. Хочешь, сегодня?

Это намек? Намек на что?

Никогда не задумывался, в чем измеряется волнение. Может, у гуманоидов есть какой-то особый орган, его накапливающий? Возможно, такая демонстрация является совершенно обычной? Но намек мне не понравился. И не только мне! Навязанное тело тоже отреагировало, усилив биение сердца и участив дыхание. Ого... У него, похоже, есть независимые от моего контроля какие-то автоматические функции. Нужно разобраться...

Прерывистый воющий звук сбил меня с мысли. Неожиданно громкий, он вспорол тишину, сопровождаясь яростными вспышками огня над входом.

Моментально среагировав, четверо стражей рассредоточились вдоль энергетических клеток. Женщина оказалась ближе всех к моей, но, как ни старался, поймать ее взгляд, желая распознать настрой, я не смог. Она упорно смотрела в сторону, вернее, на разъехавшиеся в стороны створки дверей.

Из-за них показался медленно плывущий по воздуху контейнер, который толкали тонкие нескладные существа в голубых хламидах. Еще одна материальная раса этой реальности с пока неведомым мне наименованием? И ведь что интересно – их кожа такая же серая, как у тел, что стали нашим пристанищем.

Что там обсуждали эти примитивные? Взяли лучшие гены от всех известных им рас? Если это называется «лучшее», хорошо бы понять, с чем сравнивали.

Но разбираться будем позднее. Сейчас важнее понять, что нас ожидает в ближайшее время и что за дрянь палковидные немощи достают из сфероподобных капсул и пропихивают в клетки, локально отключая волновой защитный каркас.

Вытянув шею, для чего пришлось изрядно напрячься, я настороженно присмотрелся к невзрачной белесой субстанции в неглубокой емкости, просунутой в мою камеру. В нос ударила волна запаха. Не такого едкого, отвратительного, каким было пропитано помещение, другого – притягивающего, дразнящего, подчиняясь которому тело неожиданно само подалось вперед. Рефлексы – очередная примета материального мира? Пусть я еще не слишком хорошо разобрался в происходящем, но мой разум интуитивно взаимодействовал с навязанной оболочкой.

Я этого не ожидал и растерялся. Схватился, лишь когда понял, что стою на коленях перед емкостью, мои материальные конечности с жадностью запикивают *это* в рот, а челюсти щелкают, размельчая твердые куски.

– Гляди, за миску-то схватился, не отобрать... Как протеинчики жрать, так за милую душу. Синтезированное мясо лучшего качества на этих... переводят, – слышался презрительный шепот Дорана.

Отвращение, родившееся в сознании, бесследно не прошло – в недрах тела поднялось уже испытанное чувство тошноты. Видимо, эту оболочку и раньше как-то кормили, только я этого не осознавал.

Оттолкнув миску, обхватил тело... свою тюрьму руками и согнулся, страстно желая избавиться от чужеродной массы. Исторгнуть из себя... инородный объект. Последовавшие со стороны тюремщиков смешки не задевали – они просто не доходили до сознания.

«Кин, перестань сопротивляться!» – донесся тревожный возглас Орша. – *«Это оболочкам необходимо».*

«Ты можешь получить из нее энергию», – добавил Щег.

«Эта штука называется «пища» или «еда», и она, когда внутри, может одновременно и тебя подпитывать, и поддерживать обмен веществ физического организма, которым является оболочка», – разъяснил еще кто-то.

Меня поразила мысль, что энергию можно добыть иначе. Другим способом. Правда, для этого придется сидеть запертым в неповоротливом теле!

Видимо, сомнения и метания привели к отсутствию контроля над телом, рефлексy вновь возобладали, и все проглоченное осталось внутри, а зубы с жадностью вгрызлись в новый кусок. Рвали, грызли, перетирали... До тех пор, пока пища не закончилась. Второй за сегодня эпизод с всплеском активности, связанный с еще плохо подчиняющимся телом. Постепенно я все больше узнавал о нем вопреки желанию...

Так и сейчас – с оболочкой происходило что-то странное. Тело, насытившись необходимым для полноценной работы «материалом», отяжелело, дыхание давалось с трудом. Отросток во рту, который, кажется, называли «язычком», стал неповоротливым и сухим.

Преодолевая накатившую слабость, я огляделся, чувствовал – необходимо что-то еще! Но что?

«Вода! Она тоже нужна оболочке».

Подсказка Орша дала лишь осознание – вожденная жидкость далеко. Еще одна емкость поставлена у самых прутьев, которые снова сияют зловещим предупреждением ограничительной энергии.

Разумом понимал – меня тянет к воде. Но тело? Оно перестало повиноваться: обмякло, потяжелело, словно отдалилось от запертого

внутри меня. Возможно, это побочный эффект... кормления? Или я неосознанно забрал слишком много энергии? Или сделал еще что-то не так?

«*Пей воду!*» – пришла настойчивая подсказка от братьев.

И я пополз, преодолевая сопротивление тела, желающего лишь лежать. Старался, напрягал свои равные мышцы навязанной оболочки, а когда остановился и оценил результат... Да я и половину пути не преодолел! Жалкое, должно быть, зрелище. Не зря тюремщики потешались, предвкушая представление. Только думали ли убогие, что однажды мы научимся подчинять себе эти тела, управлять ими. И тогда...

Внутренняя злость бесполезна, когда речь идет о материальной тюрьме, я понял это еще раньше. Вот и сейчас она не помогла мне приблизиться к цели. Взгляд, сопровождаемый тяжелым дыханием почти онемевшего от усилий тела, с отчаянием впился в емкость с жидкостью. Как же хочется втянуть ее в себя! Пусть и внушающее отвращение, но революционное ощущение.

Неожиданно в энергетическом узоре клетки возникло блеклое пятно – энергию отключили. Следом мелькнули черные сапоги с узкими мысками – мне доводилось сталкиваться с пониманием необходимости одежды и обуви, защищающих оболочку, у этих... материальных. Когда-то, в прошлом, я даже имитировал подобное, подбираясь к добыче.

Через секунду нога, обутая в этот самый «сапог», коротким пинком отправила миску с прозрачной жидкостью в мою сторону.

Облегчение накрыло едва ли не осязаемым облаком, едва пришло понимание: я получу воду! С огромным трудом воспрепятствовал почти непреодолимой потребности тела немедленно втянуть ее в себя и поднял голову, чтобы встретиться глазами с моей несостоявшейся добычей.

Троя стояла вплотную к вновь вспыхнувшей энергией решетке и в упор смотрела на меня. Что промелькнуло в ее глазах? Влага?... Жалость? Сочувствие? Стыд и сожаление? Я так и не понял точно, радуясь уже тому, что органы зрения оболочки не подвели, позволив увидеть женщину так близко.

Почему она помогла? Какая неразумная особь... Неужели так и не поняла, кто внутри этого тела? Та стычка в лаборатории ее ничему не

научила?

Впрочем, даже к лучшему. Жертва не должна быть настороже! Ее беспечность и неосмотрительность – залог успешной охоты. Так что заберу женщину первой, едва вырвусь. Без сожаления. Без благодарности. Она – *моя* добыча. А я всегда завершаю начатое.

И все же любопытство жгло, требуя ответов. Что заставило ее помочь врагу? Что она увидела, раз пошла на риск? Презренную слабость? Мольбу в зрительных экранах этого тела? Мое... отчаяние?

Неразумная. И обреченная.

– Троя! – Наши отчаянные гляделки разорвал громкий окрик. – Ты что творишь?! – Дернув за руку, рарк заставил женщину отступить.

И снова его вмешательство разозлило. Ладно бы сейчас на самом деле представлял опасность, но видно же, что беспомощен. Из последних сил, стараясь не удариться, я рухнул лицом в миску с жидкостью. Губы приоткрылись, и вожденная влага потекла внутрь оболочки.

– Смотри-ка ты, – кивнул сержанту Доран, продолжая удерживать за руку растерявшуюся Трою, – сегодня почти никого не рвало. Научились жрать, твари. Не гадили бы еще где попало, а то вонь...

– Да пусть утонут в своем дерьме. Это будет справедливое наказание, – зло сплюнул в ответ Кригс.

Прислушиваясь к разговору, хотя предмет обсуждения оставался непонятным, я жадно глотал, захлебываясь и давясь. Наверное, не совсем ловко и неправильно, потому что вода проливалась на пол. Вытекала не только изо рта, но и еще из одной части тела – бессмысленного на первый взгляд отростка в основании ног. Мне досталось дефектное тело? С дыркой? Вода проходит насквозь? Может, поэтому мне удастся высвободиться из этой оболочки?

Тем временем палковидные субъекты, вытолкав контейнер за двери, вытянули из стен какие-то шланги, конец одного из них смотрел прямо на меня.

– Отойти! – раздался громкий приказ.

Впрочем, охранники и без него уже давно отступили к стенам. Доран заслонил собой брыкающуюся Трою, утянув в пространство между собой и стеной.

– Да случится дождь! – не удержался он от насмешки.

В меня ударила струя чего-то плотного, похожего на смесь воздуха и какой-то жидкости. От неожиданности я задохнулся, дернулся было в сторону, но струя настигла и там, затем прошлась по полу, смывая дочи́ста все, что на нем оказалось, после чего ушла в соседнюю клетку, терзая Орша и очищая все под ним.

Вот тогда я и осознал глубину своих заблуждений относительно дефекта. Это, оказывается, норма! В очередной раз убедился в ущербности материального воплощения – пищу и воду, которые поглощает тело, оно затем извергает наружу! И в чем суть процесса? Как бессмысленно, отвратительно и... несовершенно.

Желание вырваться, вновь обрести свободу зашкалило, но что я мог сейчас, лишенный исходной формы и ее возможностей? Лишь изучать то новое, что мне досталось, в надежде когда-нибудь найти выход. Но я был твердо убежден: смогу вырваться из клетки! Смогу вернуться в прежнюю жизнь, к привычному, а главное, такому удобному существованию, никак не связанному с неполноценной материей.

И я сосредоточился. Буду учиться. Заставил оболочку расслабиться и лечь на пол. Выровнял дыхание, сконцентрировался на ощущениях, буквально атакующих разум. Что чувствует тело? Зачем с такой настойчивостью сообщает мне об этом? Возможно, без обратной связи не будет полноценной интеграции? А без нее цели не достичь.

Связь, связь...

Для начала – те части тела, что позволяют контролировать происходящее: зрение, слух, обоняние, осязание... Надо разобраться с ними.

Не задумываясь о времени, продолжая лежать, я пробовал. Открывал и закрывал глаза, сгибал и разгибал конечности, вникая в устройство организма, вслушиваясь в сигналы, идущие к сознанию. Я и раньше их получал, но не имел возможность обдумать, осмыслить, принять...

Подняв руку, долго смотрел на пальцы, изучая твердые заостренные наросты на кончике каждого, – по всей видимости, средство защиты, компенсация общей уязвимости материального тела. Уже неплохо, можно будет использовать.

Провел рукой по лицу, ощупывая рельефные выступы. Обнаружил две дырки – ноздри, втягивающие воздух и сигнализирующие о

наличии еще одного типа информации. Даже закрыв глаза, ощущал присутствие Трои и других примитивных. А еще... Еще на этом фоне резко выделялась приметностью та жидкость, что вытекала из наших тел.

Способность хороша, а вот запах оболочки – минус. С таким явным опознавательным маяком, который моментально выдаст мое присутствие, надо что-то делать. То есть надо понять, как заставить противника перестать меня чувствовать!

Плотно прижал к лицу ладонь, препятствуя притоку воздуха. Может, так это работает? Подождал и... И разум едва не взорвался от переизбытка противоречивых сигналов. Что это? Как понимать? Почему мышцы судорожно дергаются? И почему накатывают волны слабости?..

«Освободи их! Дыши!» – завопил Щег, придя на помощь, и в тот же миг до меня донесся тихий, но отчетливый смешок:

– Смотри-ка, как его корежит! Небось впервые до отвала нажрался, тварь, теперь переварить не может.

Боковым зрением я видел говорящего. Стоял он далеко, сказанное предназначалось не для моих ушей. Уже в который раз убеждаюсь, что улавливаю даже слабые шорохи. Острый слух... Тоже пригодится. Как и понимание, что без доступа воздуха тело отключается. Правда, неясно, как быстро это происходит и каковы последствия.

Вопросов становилось все больше, и я не выдержал. Послал вопрос братьям – у них было больше времени на то, чтобы освоиться со своими клетками: *«Что еще необходимо оболочкам помимо пищи, воды и воздуха?»*

«Тепло точно... Кажется, свет...»

Ответы были созвучны моим мыслям, хоть и не совсем уверенным – все же информации для сравнения и анализа недостаточно.

Эксперименты давались непросто – ощущение усталости было неподдельным. Но я упорно продолжал исследовать навязанное тело, не зная, сколько времени у меня есть. А уронив ставшую безвольной руку, даже дернулся в испуге, осознав наконец, что именно является источником боли – резкое силовое соприкосновение!

«Как же все странно, – поделился с братьями, – и неудобно... И трудно!»

Пока экспериментировал, в помещении многое изменилось. Охрана исчезла, палковидные существа тоже ушли, яркий слепящий свет превратился в мягкий полумрак. Однако в нем я видел так же четко, как при свете – еще одно наблюдение на заметку!

Нам дали время отдохнуть? Телам необходимы периоды покоя?

«Слабые и убогие оболочки!»

Злость снова дала о себе знать. Плюсы, которые удалось обнаружить, не перекрывали всех минусов. И это так раздражало! Хотелось разобраться в большем, но... При всем желании и необходимости изучить свою тюрьму, я осознал, что не способен на это: глаза закрылись, тело безвольно обмякло, став беззащитным вопреки возможным угрозам извне.

«Сон тоже необходим», – удрученно прошелестел Орш.

Сон... Своеобразный процесс, надо признать. Неприятный. Словно отключили на миг, лишив... всего! А когда вернули, тело категорически не желало слушаться и, если бы не очередной водно-воздушный душ, возможно, еще долго сопротивлялось моим попыткам подняться.

Я бы с радостью вернулся к освоению возможностей оболочки, да только на этот раз ни пищи, ни времени нам не дали.

– Подъем! – заорал неведь откуда взявшийся субъект, на которого я, сосредоточенный на окатывающем откуда-то сверху холодном душе, не сразу обратил внимание.

Вместе с ним в открытый проем резво вбежали другие охранники – в экипировке, с оружием, даже в шлемах. Рассредоточившись по помещению, окружив силовые клетки, взяли нас на прицел. Я видел подобное в прошлом, но в те времена это становилось последним действием жертвы.

– Всем слушать меня, недоумки! – продолжал орать настырный тип. С удивлением я осознал, что обращается он к нам – эдайти. – То, что нашу речь вы понимаете, нам известно! Так что рекомендую выполнять приказы и не строить планов побега. Прошли те времена, когда вы могли исчезнуть бесследно. Тем, кто попытается ослушаться или сопротивляться, обеспечим вечное забвение! Все ясно? Кому не ясно – ваши проблемы. Я предупредил. Первый, на выход!

Свечение прутьев, за которыми находился Тас, угасло. Он сам – теперь грузный, крупный, сутулый – от неожиданности отшатнулся,

едва не впечатавшись спиной в защитный каркас соседней клетки. Эта оболочка настолько не соответствовала его внутренней сущности! Я со стороны выгляжу таким же нелепым? Ошибкой создателей?

– На выход, я сказал! – громогласно гаркнул военный, не оставляя времени на осмысление происходящего.

Две фигуры в черном отделились от остальных, чтобы вытолкнуть пленника и заставить отступить к стене.

Опять в лабораторию? О ней я подумал в первую очередь, но что-то не стыковалось: слишком много охраны, подслушанные мной шепотки рарка и этот тип, вопящий о подчинении.

«Не сопротивляйся! Надо узнать, что они собираются сделать!»
– Орш опередил меня лишь на мгновение, придерживаясь основного жизненного принципа – слабым можно пожертвовать. А Тас был именно из таких. Ему не по силам справиться с численно превосходящим и вооруженным проклятыми клинками противником. И потому я не удивился, услышав приказ собрата.

Другие эдаити тоже замерли, напряженно наблюдая за происходящим. Что еще для нас придумали слишком много о себе возомнившие гуманоиды?

Тас послушно замер, позволив тюремщикам схватить свою оболочку за руки и оттянуть их в стороны. Появившийся из-за чужих спин палковидный неторопливо и прицельно направил на его торс серебристую струю, моментально застывшую на коже и образовавшую покрытие... одежду? Информация о ней осталась в памяти по прошлым воплощениям. Не такой комбинезон, что покрывал тела конвоиров, менее прочный, но, несомненно, это была одежда. Судорожно попытался припомнить, для чего она. Защищает тела? Некоторая... А! Еще скрывает их... Вот! Опять непонятная странность, связанная с моралью и мироощущением материальных.

Вторым «украшением», которым наградили Таса, оказался светящийся ошейник, определенно той же природы, что и прутья наших клеток. Идущие от него энергетические струи послушно соединились с браслетами на запястьях конвоиров.

Нет, не лаборатория! Туда нас доставляли в бессознательном состоянии. Сейчас же... Очевидно, что для их целей мы должны действовать осознанно, пусть и подконтрольно.

– Следующий! – рявкнул главный над охранниками, и Таса оттащили в сторону.

Не понимая, чего именно добиваются гуманоиды, я настороженно следил за процедурой, которую повторяли с другими, подмечая все больше деталей. Ошейник был не цельным – энергия в нем слоилась, и эту слабинку можно попробовать использовать. Да попросту разорвать. Одежда движений не сковывала, значит, цель – не ограничение подвижности.

Переключив внимание на ряды конвоиров, попытался распознать их. Тех, кого уже видел прежде, – беловолосого труса, раздражающего зарвавшегося рарка и... мою ускользнувшую в последний момент добычу. Некоторые их слабости мне были известны, ими можно воспользоваться в критической ситуации.

Троя! Я вдруг вспомнил имя охранницы. Конечно! Она слабее других. Уязвимое звено, что позволит расколоть цепь. Надеялся, что она окажется поблизости, но... Ни ее, ни других среди присутствующих не было, а я так толком и не понял, к чему стоит готовиться. Куда уведут наших, предварительно сковав ошейником?

– Хватит для первого раза! Тащите их на ринг.

Услышав приказ главного над охранниками, спохватился – до меня очередь не дошла, отобрали всего пятерых. Куда их поведут? Что такое «ринг»?

«Я сообщу, – торопливо бросил кто-то из самых сильных в группе. – По возможности.»

Мы ждали, неподвижные, сокрытые в недрах неуклюжих тел. Ждали новостей, опасаясь, что они станут роковыми. Видимо, возможность так и не появилась, потому что с момента, как пятеро исчезли за сомкнувшимися створками, никаких сигналов мы не получали.

Напряжение, ожидание, сомнения...

Облегчение, когда двери вновь раскрылись. Но и оно сменилось растерянностью, а затем яростью – тех, кто ушел на ногах, теперь волокли за подмышки. Бросали на прежние места, снимали ошейники, закрывали клетки...

Судорожно попытался добиться ответа хотя бы от одного собрата, дозваться. Пусто. Тишина. Молчание. Больше того, их оболочки тоже выглядели... поврежденными?

– Нечего с ними церемониться! – подгонял настырный военный подчиненных, кто все же действовал аккуратно, не швыряя об пол тела наших соплеменников, явно переживших очередное мучительное испытание. – Готовим вторую партию! Номер шесть! Пошел!

Меня вывели седьмым. Несмотря на удушающее желание вырваться и всех убить, я терпел. Хотелось узнать, что происходит, выяснить, что находится за пределами тюрьмы, понять, позволит ли это обрести свободу!

Пока гуманоиды занимались остальными, погладил пальцами покрывшую тело ткань. От кожи она отделялась легко, но сразу возвращалась обратно, демонстрируя эластичность. На ощупь была приятной и совсем не мешала движениям. С ошейником оказалось не так просто. В своем привычном облике я бы снял его без усилий, но материальное тело не смогло даже коснуться сияющей поверхности – руку просто оттолкнуло. По той же причине и сам ошейник висел в воздухе, не касаясь шеи.

Собрав вторую пятерку, нас провели по узкому коридору, запихнули в клетку из металлических прутьев, чтобы спустить в шахту, снова куда-то вели... Путь закончился в помещении с ярким светом, ударившим по глазам. После мрачных тусклых переходов место, в которое мы попали, казалось нестерпимо освещенным. Я жмурился, прикрывал ладонями лицо, а вокруг бушевал шквал звуков, и дыхание перехватывало от тяжести спертого воздуха.

Напрягся, стараясь воспользоваться теми знаниями о теле, что получил во время недавнего эксперимента. Глаза необходимо заставить приспособиться к новому освещению, а еще я нуждался во всей информации о происходящем вокруг, что только могли предоставить органы чувств моей оболочки. Итак... Глаза, нос, поверхность кожи, уши – все должны работать на меня, напрямую молниеносно информируя сознание об опасности. Еще бы понять, откуда ее ждать?..

Усиленно втягивая носом воздух, распознал резкий запах, сходный с запахом наших тел, только усиленный в десятки раз. В него вплетался еще один – теплый, сладковатый, с отчетливым привкусом металла.

– Давайте их сюда!

– Порвем гадов!

– Новеньких на ринг!

Со всех сторон неслись вызывающие смешки и улюлюканье. Уши, как один из первостепенных органов навязанного тела, мое сознание использовало старательно, силясь уловить и идентифицировать все источники шума. Но их было слишком много!

– Руки им зафиксируйте... И ноги.

– Почему датчики без липучек?

– Не успел... Вот, готово.

Поблизости от нашей настороженно вздрагивающей пятерки раздавались спокойные голоса, хотя в них чувствовалось напряжение. И даже страх.

Моргнув, заставил глаза увидеть белесые силуэты гуманоидов неподалеку от нас и невольно вздрогнул, когда в грудь впечатался и приклеился к ней холодный диск. Прежде чем я успел свыкнуться с восприятием поверхностью кожи температуры объекта, точно такие же легли на предплечья, голени и лоб. Осмотрев их и не обнаружив опасности, я наконец смог полноценно оглядеться – глаза привыкли к свету.

Помещение оказалось гигантским. Огромная полость, уходящая высоко вверх, внизу представляла собой круг, центр которого, как и клетки в нашей тюрьме, был ограничен силовым барьером. У стен, подпирая их спинами и даже сидя на полу, расположились гуманоиды-военные. Они-то и кричали, призывая к расправе.

Те, что стояли, – с оружием и в знакомой мне форме, остальные – в более удобной одежде. Верх чем-то похож на тот, что сейчас был на мне; низ – чуть объемней, полностью закрывающий ноги; на ступнях – ботинки с тяжелой даже на вид подошвой.

Посмотрев на свои нижние конечности, убедился – нет, нашим телам обувь не положена. Любопытно...

Взгляд скользнул на тех, кто по-прежнему оставался рядом, видимо, настраивая оборудование и проверяя те самые «датчики». Готов был увидеть знакомых по лаборатории ненавистных существ, каждую приметку которых я помнил. Но нет, гуманоиды были иными – синие комбинезоны, белые перчатки, прозрачные маски-щитки. И лица другие, впрочем, как и те, из лаборатории, – сосредоточенные, серьезные, хмурые. И та же печать тревоги и опасения на них.

А вот это разумно. Нас надо бояться. Никому из них не выжить, если мы обречем свободу. Если... Если?.. Если!

Именно ее я и получил, неожиданно ощутив, как исчезает ошейник. Вспыхнувшее в сознании воодушевление не уменьшило даже то, что сопровождающие военные вытолкали нас в центр помещения, а сами торопливо ретировались за периметр светящейся энергией ограды. Синие комбинезоны не менее поспешно поднялись по ступеням и спрятались за прозрачной стеной на небольшом возвышении. Что же грядет?..

– Внимание! – обрушился сверху усиленный аппаратурой голос. – Тайм-аут завершен. Второй боевой тренировочной группе – занять позицию. Группе контроля – проверить оружие. Готовность – минута.

Минута... Знал бы я, как долго продлится этот отрезок времени! Может, он и казался кратким этим убогим существам, торопящим события, а мне... Мне его хватило, чтобы увидеть, узнать и понять многое!

Пятеро из тех, что сидели на полу, поднялись и, потягиваясь, разминая конечности и вращая головами, подошли к затянутому в черный мундир военному. Всего пятеро! Мне стало смешно. Получается, один на один? Как неосмотрительно...

Среди смельчаков оказался и тот самый рарк, что рычал в мою сторону во время кормления. Доран. Сейчас он отыскивал меня глазами и презрительно скалился, словно заранее знал, кто станет его целью.

– Вы видели предыдущий спарринг, и тем не менее повторю. Пленники не вооружены, следовательно, старайтесь не травмировать излишне. Ваша задача – провоцировать их и вынудить показать нам, на что они способны. Применение кинжалов разрешено только в критическом случае, когда угроза выходит из-под контроля... – военный наставлял своих подчиненных очень тихо, но это не мешало мне его слышать.

Возможно, слышали его и находившиеся рядом, но не участвующие в тренировке бойцы, ведь именно это подразумевалось под словами военного. По крайней мере я видел любопытную жадность в глазах тех, кто с оружием в руках ждал зрелища. И лишь один взгляд был иным. Тревожным, недовольным, беспокойным.

Троя... Моя добыча. Она тоже здесь.

Глава третья

Бой

Троя

Взгляд...

Пронизывающий, нервирующий, жуткий сиреневый взгляд, от которого леденеют пальцы и слабеют мышцы. Я едва сумела его забыть после дежурства в лаборатории, старалась не обращать внимания в «обезьяннике», и вот снова... Почему этот пленный так на меня смотрит? Почему он? Остальные ведут себя иначе. Неужели это из-за контакта в лаборатории, которого я не смогла избежать?

Повышенное внимание к моей персоне не нравилось не только мне. Доран тоже не в восторге. Я его понимаю – как напарник он пытался меня прикрыть, а как опытный военный беспокоился обо мне, зная, насколько опасны амиоты. Хотя, по моему мнению, перебарщивал и от пассивной защиты перешел к активному нападению. Мало того что при малейшей возможности унижал пленного словами, еще и вызвался идти на ринг, когда в бою будет участвовать седьмой номер – монстр, перехвативший меня фантомной рукой в лаборатории.

Словно услышав мои мысли, Дор обернулся, поймал мой взгляд и подмигнул. Картинно поиграл мышцами, плотно обтянутыми эластичной футболкой, и уверенно похлопал себя по бедру, где в перевязи зафиксирован кинжал. Типа «не бойся, подруга, все под контролем».

Но так ли это на самом деле?

Первый спарринг прошел под лозунгом «Разделяй и властвуй». Амиотов быстро оттеснили друг от друга, вынудив сражаться один на один. Обретенные тела они освоили плоховато, и итог оказался плачевным: подопытные держались неловко, путаясь в конечностях, двигались невообразимо медленно, как если бы вспоминали, какая нога левая. Трое вышли из игры минут за пять, двое продержались почти с четверть часа, и то лишь потому, что недовольные столь

стремительным завершением схватки ученые возмутились и приказали охране сбавить темп.

Я не сдержала усмешки. Еще бы! Прищемить нос заучкам, как называл их Дор, было делом чести каждого порядочного офицера – опять же, слова напарника, под которыми, уверена, вчера подписался бы капитан Жьерк. А сегодня добрые две трети личного состава гарнизона станции. Если до этого нас привлекали исключительно как охрану, то теперь мы...

– Вы боевые единицы! – пафосно вещал на внеочередном инструктаже дежурный куратор лейтенант Варкус. – Ваша задача – находиться на передовой. Да, сейчас мирное время, но будущее непредсказуемо, и нам не дано знать, какие опасности оно готовит, а потому всестороннее изучение любого нового противника гарантирует успешность грядущих военных операций, если таковые потребуются. Самосовершенствование необходимо! И вам выпала великая честь служить инструментом науки! Встать на острие прогресса, так сказать.

Стоящий рядом с лейтенантом представитель этой самой науки важно кивал, подтверждая. А ведь сказанное шло вразрез с информацией, которой под страшным секретом поделился с нами сержант Кригс. В словах инструктора не было и намека на проект «Суперсолдат», осуществляемый на станции. Потому-то Доран закатил глаза к потолку и беззвучно презрительно сгримасничал: «Бла-бла-бла».

В тот момент я не выдержала и хихикнула, чем привлекла к себе внимание куратора.

– У вас есть сомнения, рядовая Флэш? Или вы хотите задать вопрос?

– Никак нет! – бодро отрапортовала, вскочив со стула.

– Я хочу! У меня вопрос! – отвлекая на себя разгневанного лейтенанта, поднялся со своего места Дор. – По организации... мероприятия. Вы сказали, спарринг будет групповой, но из расчета один на один. И бой будет контактный. Без оружия. Верно? – Он дождался ответного кивка куратора и фыркнул, оглядываясь на товарищей. – Вы хотите устроить избиение младенцев? Да амиоты нас порвут как граш полотенчико, если из своих новеньких шкурок вылезут!

Заявление напарника вызвало бурный отклик. Я с любопытством прислушивалась, отмечая, что большинство с Дораном согласны. Однако дискуссию в зародыше подавил уверенный голос присутствующего ученого, необычайно ласково пообещавший:

– Не вылезут.

– Пару-тройку дней назад кое-кто видел это «не вылезут», а еще кое-кто при этом огреб по полной: как лег, так больше не встал, – намекая на недавнее происшествие в лаборатории, веско припечатал рарк. И я была с ним полностью согласна, идея со спаррингом казалась не слишком умной. – Жаждете повторения?

– Вы бы придержали язык, сержант Льеор! Давно не получали штрафные часы дежурств и тренировок? – рявкнул Варкус.

К счастью, он отвлекся на дернувшего его за рукав ученого. Послушал, кивнул и развел руками, предоставляя возможность высказаться.

– Заверяю вас, – вкрадчиво, словно змея, прошипел профессор, – все амиоты, переданные под наш контроль, в оболочках зафиксированы жестко. Надежно и безвозвратно. В лабораториях, где проводятся эксперименты, проблемы возможны, но в наш исследовательский отдел подопытные поступают, лишь когда тела гарантированно становятся якорем, а связь между физической оболочкой и их сознанием нерушима. Что касается оружия, способного нейтрализовать противника, оно будет при вас. Так что... Кого считать младенцами, – он многозначительно улыбнулся тонкими губами, – вопрос спорный.

Профессор оказался прав, и первый спарринг это доказал. Нас ждал второй.

– Три, два, один... – Бесстрастный отчет закончился предсказуемым: – Бойцам выйти на ринг.

Они и вышли. Пятеро обученных, закаленных в боях штурмовиков – против не понимающей, чего от них хотят, группки пленных амиотов. На вид внушительных, крупных, мощных и тяжелых, но без экипировки, в одних эластичных трико и майках, и при этом растерянно топчущихся на месте.

Их поведение могло ввести в заблуждение кого угодно, но не меня. И не Дора. Нам ли, собственными глазами видевшим настоящий

призрачный облик амиотов, не зная их истинной сущности? Опасности, сидящей внутри!

Однако, как и обещал ученый, пока никто из амиотов своей оболочки не покинул. Ни один из пленных, участвовавших в первом сражении, не смог, и можно было надеяться, что не удастся и остальным.

Памятуя о наставлениях куратора и возмущении «научной общественности», наши бойцы избегали тактики мгновенного поражения противника. Они почти не атаковали сами, скорее провоцировали на нападение, а потом, ловкие и верткие, потому как натренированные, с легкостью уклонялись от неуклюжих, тяжелых и неповоротливых пленников. Даже те амиоты, что вдруг начинали двигаться быстро и непредсказуемо, терпели поражение, встречаясь с точными и резкими ударами по корпусу. И с каждым новым столкновением обе стороны все меньше себя контролировали.

Выпад. Уклонение. Молниеносный бросок навстречу... Приказ «не травмировать» давно уже потерял актуальность: два амиота вышли из навязанной им игры. Один остался лежать неподвижно после мощного хука в челюсть, второй стоял на коленях, хрипя и откашливаясь кровью. Какой прием отправил его на пол, не заметила – мои глаза неотрывно следили за другой парой.

Дор... Он сосредоточился лишь на одном амиоте.

Седьмой. Именно этот подопытный, как я и опасалась, стал целью напарника. И он не реагировал ни на что иное, кроме своего противника. Для этих двоих здесь и сейчас словно никого не существовало. Не было ни яркого света, заливающего поле боя, ни смачных звуков ударов плоти о плоть, ни громких возгласов зрителей, подбадривающих своих товарищей.

Эта пара соперников чем-то неуловимо отличалась от остальных. Запредельной, ощущаемой в каждом движении концентрацией? Подспудным намерением отыгаться за все? В животе похолодело – я отчетливо видела, что эти двое сцепятся сейчас не на жизнь, а на смерть, подтверждая мои наихудшие опасения.

«Это надо остановить, пока не стало слишком поздно», – мелькнула обреченная мысль. Судорожно скользнув взглядом вокруг, поняла, что остальные наблюдатели не разделяют моего настроения. С азартом следя за побоищем, они выкриками подбадривали бойцов.

Неужели забыли, как опасны эти пленные? Я-то отчетливо помнила ощущение сжимавшей мое предплечье фиолетовой бестелесной руки.

Стравливать амиотов с охраной опасно! Опасно и неправильно! Так они не просто останутся монстрами, они... Только я понимала, что из-за таких спаррингов пропасть между нами лишь увеличится?

Поначалу Дор кружил вокруг амиота, чуть пригнувшись, не разрывая зрительного контакта. Седьмой, сутулясь, то прятал руки за спину, то выставлял их ладонями вперед, словно они ему мешали, и он никак не мог определиться, куда их деть. Не сразу понял, даже когда Доран на личном примере показал ему, каким страшным оружием могут оказаться кулаки.

Пропустив удар по лицу, амиот словно спохватился. Встряхнул головой, убирая мешающие волосы, несколько раз сжал ладони и... как и его противник-рарк, согнул ноги в коленях.

Я невольно ахнула и подалась вперед, стиснув пальцами поручень, у которого стояла. Этот дьявол учится! И куда быстрее остальных!

Дор тоже осознал это и ждать завершения обучающего процесса не стал. Пошел в наступление.

Обманное движение в сторону. Подсечка. Захват. Бросок...

Только амиот и не подумал принять свое поражение – увлек за собой соперника.

За доли секунды положение изменилось. Из вертикальной плоскости бой перешел в горизонтальную. Теперь две сцепившиеся в клубок фигуры катались по рингу, переплетаясь ногами, придавливая друг друга телами и выкручивая руки.

Привычная к тренировочным дракам, на этот раз я смотрела с тревогой, не как на неизбежную часть жизни. И даже выработанное за годы службы умение сдерживать себя не помогло, когда Дор оказался на лопатках. Осознав, что у него нет шансов сбросить с себя превосходящего по массе противника и вновь оказаться на ногах, рарк изловчился и выхватил кинжал.

Остановить его никто не успел. Световой клинок вонзился в грудь подопытного, не повредив даже ткань футболки. Однако нависающий над рарком амиот тут же ослабил хватку, качнулся и завалился на бок. На мгновение рядом с ним мне почудилась фиолетовая тень, словно отделившаяся от тела, но, моргнув от ужаса, я уже не была так уверена

в увиденном. Наверное, сказались игра света, возбуждение и мое неумное воображение, рисовавшее в сознании самые трагичные картины.

Оттолкнув безвольное тело противника, Доран с трудом встал на колени. Парка заметно покачивало, и все же он отпихнул руку другого бойца, пожелавшего ему помочь. Вернув клинок в портупею, схватился за плечо, разминая вывихнутый сустав, и лишь затем поднялся окончательно.

А я вдруг поняла, что не дышу – замерла от испуга с приоткрытым ртом, словно рыба. Каким бы надоедливым ни был напарник, но видеть, как его стремительно выводят из строя... Нет, такого я Дору не пожелала бы! Впрочем, наблюдать за фактически избитием пленников тоже оказалось тяжело. Какой идиот придумал эти спарринги?

Когда я немного успокоилась, закончились и остальные схватки. Защитные поля вокруг арены выключили, бойцы под шквал одобрительных криков и аплодисментов покинули поле боя, а к лежащим на ринге амиотам поспешили ученые. Не помогать, нет. Они всего лишь снимали датчики, снова надевали ошейники, хотя в них, на мой взгляд, необходимости не было – признаков жизни, то есть сознания, не наблюдалось ни у одного из пленных.

Бессмысленная жестокость...

– Как я его, а? – самоуверенно хохотнув, оторвал от удручающего зрелища напрямик направившийся ко мне Дор. – Троя, ты видела? Такого дьявола завалил! Теперь ты просто обязана со мной выпить! Ты обещала, Тро!

Пытаясь осмыслить услышанное, спешно перевела взгляд на напарника. Из разбитой скулы текла кровь, глаза блестели азартом, волосы слиплись. Потом и адреналином разило за версту, а туда же – первым делом меня за руку схватил и похвалил себя любимого. Нашел повод покрасоваться! Да и жестокость, проявленная к пленнику, казалась чрезмерной.

– Сначала приведи себя в порядок. – С отвращением поморщилась, высвобождая запястье из захвата: ссориться при всех не хотелось, но и намерений обнадеживать Дора у меня не было.

– Заметано.

Сжав кулак, рарк со всей серьезностью воспринял мою попытку от него отделаться. Поморщился, снова потер плечо и начал пробираться к выходу.

– Перерыв тридцать минут, – тем временем объявил куратор. – Следующей группе приготовиться. Уборщикам очистить арену.

Ну да, будет еще один спарринг. Или два, если оставшихся разобьют на четверки. Амиотов-то в клетках восемнадцать.

Впрочем, мне хватило зрелища первых двух боев. Не чувствуя желая лицедреть новый заход, пошла следом за Дором. Нырнула в туалет под бдительным оком дежурного офицера, дождалась, когда он отвернется, и незаметно выскользнула, прошмыгнув на лестницу.

Скрывалась, потому как «дезертирство» тянуло на лишние часы штрафного дежурства – это нам ясно дали понять на инструктаже. Уйти разрешалось только отработавшим свое бойцам, остальным вменялось обязательное присутствие с целью наглядного обучения противостоянию столь неоднозначному противнику.

Чего ждать от подопытных, толком не знал никто: ни инструкторы, ни, кажется, сами экспериментаторы. Все лишь шушукались о том, что амиоты опасны... Или были опасны? Сейчас, наблюдая настоящую бойню, где что-то похожее на сопротивление смог продемонстрировать только напугавший меня в лаборатории седьмой номер, задалась вопросом: есть ли смысл в этом проекте? Пусть ученые гордятся, что сумели заключить бестелесные сущности в физических телах, но какой в этом прок? Они же бесполезны. Неужели только мне эксперимент кажется провальным и неразумным?

Поскольку я воспользовалась первым попавшимся спуском, то, чтобы добраться до своей каюты, пришлось сделать крюк. Сначала пройти мимо складских помещений, где работала автоматика, сортируя и перераспределяя контейнеры по секторам. Миновать ангар с кораблями, ограниченный прозрачной стеной, способной выдерживать колоссальное давление. Подняться на лифте в жилой сектор, следя сквозь металлическую решетку, как медленно проплывают мимо платформы выходов на этажи. Проскочить мимо раскрытых дверей столовой, в которой сейчас не было ни души, и, наконец, свернуть к спальному блоку.

По гулкому коридору, гофрированные матово-серые стены которого словно стрелы, идущие от пола вверх, пронзали иссиня-

черные стыки дверей кают, пробежала торопливо – не хотелось, чтобы меня заметили.

К счастью, моя каюта была практически в начале коридора. Впечатав ладонь в датчик, контролирующий механизм открытия, спешно юркнула в нее. Включила освещение, стянула и закрепила на плечиках настенной вешалки форменную куртку. Привычно не обращая внимания на унылость и аскетизм обстановки, в которой старалась проводить лишь ночи, подошла к иллюминатору.

Ладони легли на упругую белую раму, лоб коснулся холодного прозрачного материала, взгляд, скользнув по серебристым дугообразным конструкциям видимой части станции, ушел в заполненную звездами глубокую черноту космоса.

Неизвестно, сколько так простояла, в себя пришла от странного звука и не сразу поняла, что это стук зубов. Моих. Запоздало накрыло откатом...

Только укрывшись ото всех, позволила себе проявить истинные эмоции. Для других они стали бы символом слабости, для меня же оказались проявлением раскаяния, даже сожалений. Кого я обманываю? Эта работа не для меня!

Читая сухие фразы пунктов трудового контракта, не всегда понимаешь, что за ними стоит. И сможешь ли ты с этим справиться. Я не смогла. Одно дело – бесконечные наблюдения за системами слежения, учебные тренировки и беззлобные шутки коллег, и совершенно иное – вот так, напрямую, день за днем сталкиваться с чужой болью, отрешенно наблюдать за чьими-то вынужденными муками, привыкая к ним и начиная воспринимать как должное.

Эта станция... Жуткое место! Отвратительные порядки и неправильные деяния. Неправильные с моральной, человеческой точки зрения.

Доран твердил, что я не знаю настоящей жизни в том ее трагичном проявлении, которое приносят потери. Что я не понимаю, откуда может появиться ненависть одних разумных существ к другим, потому что не представляю жестокости реального мира. Что ж... Напарник наверняка прав, и мое отношение – просто трусость, неспособность переступить через собственные страхи и сомнения. Наверное, я обречена стать жертвой любого столкновения, не смогу противостоять угрозе и защитить себя.

Значит, это место и эта работа не для меня. Я бы прямо сейчас разорвала свой контракт, но... жаль заработанных денег, неустойка за досрочное расторжение огромна. Но зато уж по окончании вахты точно не стану подписывать соглашение на новый срок. Больше не вернусь к бесстрастным наблюдениям за чужими сломанными жизнями, к страху однажды действительно убить кого-то, к необходимости мириться с навязчивой похабностью напарника. Пора прекратить демонстрировать силу и готовность противостоять любому противнику.

Кого я обманываю? Крутая и невозмутимая Троя Флэш, рядовая гарнизона, – это не про меня. Под ее личиной – встревоженная происходящим и измученная необходимостью мириться с чужой болью девчушка с мирной Земли. Я как антипод материализованных амиотов, только у них за навязанным и, по их меркам, слабым телом скрывается всеильный и безжалостный дух.

Решено! Мне пора домой. Пора забыть об этом месте, как о страшном сне. Когда-то неустроенность жизни, одиночество и отсутствие близких – а я выросла в приюте и своей семье не знала – заставили податься в космос. Казалось, там, далеко между звездами, я отыщу себя, обрету цель, а с ней и смысл жизни. Однако я ошиблась, переоценив свою тягу к переменам.

Вздыхнув, оттолкнулась от рамы. Самобичевание бессмысленно, если нет возможности изменить прошлое. Остается надеяться на будущее.

Растерла холодный лоб, прикинула, что по времени всех уже должны были отпустить – наверняка закончился и третий спарринг. Сбросив ботинки, сняла брюки и, прихватив с полки щетку, босиком, в одной футболке отправилась в душевую.

В числе желающих освежиться оказалась не я одна, заняты были как минимум три кабинки – на матовых стенках дверей оседали и скатывались вниз капли воды. Закрылась в свободной, ближайшей к выходу. Привычный поступок на внепланетарном объекте, где коллектив преимущественно мужской, – всякий раз, выходя из душа, видела, как народ пялится на мои формы. Увы, личные кабинки в крошечных каютах рядового персонала не предусмотрены, как и особые условия для сотрудниц. Приходится пользоваться общими душевыми.

Под струями теплой воды стало легче – пропала дрожь, которая, несмотря на кажущееся спокойствие, все еще периодически сотрясала тело. Зато навалилась усталость. Расслабляющая до сонливости, уютная, влекущая обратно в каюту. Спорить с ней не стала. Выключив воду, постояла под теплым потоком воздуха, осушающего кожу и волосы, и раскинула руки в стороны, касаясь стен и тем самым активируя режим одевания – функцию «гардероб».

Датчики сработали, как всегда, безукоризненно: струи «умного» жидкого материала ударили из раскрывшихся отверстий в стенах и потекли по телу, обволакивая его и превращаясь в ткань. Через несколько минут, уже в чистой плотно облегающей футболке и трико, я выскочила в «предбанник». Народа там ощутимо прибавилось.

– Троя? Как ты сюда успела-то? Вас вроде только отпустили, – остановил меня всех и во всем подозревающий женский голос.

Скрипнув зубами, затормозила и обернулась, хотя намеревалась поскорей покинуть санитарную зону и выйти в коридор.

– Не стала задерживаться на полигоне, вот и прибежала быстрее всех, – заставила себя улыбнуться, глядя в лицо начальнице. – Ко мне есть какие-то вопросы?

Не повезло. Мало того что Еннола, являясь старшей по званию, контролировала работу в секторе слежения, она еще и амуры крутила с офицером, курировавшим мой отряд. Что, если наябедничает?

– Есть, – хмыкнула соплеменница, придерживая дверь рукой. – Хорошо, что встретились, не придется сообщение отправлять. Завтра ты у меня на дежурстве. В графике смена стоит обычная, а по факту будет двойная. Отработаешь свой «санаторий», – сообщила, подразумевая отгул в лазарете после нападения амиота.

Прищуриив и без того небольшие глаза, она стала похожей на азиатку. Впрочем, вполне вероятно, что они затесались среди ее предков.

– У меня справка! Я по медпоказаниям отсутствовала... – попыталась оправдаться, хоть и понимала, что бессмысленно.

Не помогло. Старшая по званию лишь отмахнулась и закрылась в кабинке, а я побрела к себе. Скорей бы уже рухнуть в кровать, тем более нужно выспаться впрок, раз у меня сутки дежурства. Эх... Что такое «не везет» и как с ним бороться?

Видимо, никак. Поняла это, едва открыв дверь в каюту и услышав:

– Наконец-то, напарница. Запарился уже тебя ждать.

Чуть вслух не застонала... А все злополучный устав виноват – напарники знают коды от жилых помещений друг друга на случай внезапной пересменки.

Вальяжно развалившийся на моей койке Дор неспешно поднялся, чтобы вразвалочку приблизиться. Остановился, оперся локтем о притолоку, а головой на свою ладонь, заняв едва ли не половину свободного пространства комнатухи.

– Такое ощущение, что это ты в мою каюту пришла, а не я в твою, – изрек глубокомысленно. – Мнешься на пороге...

– Я пришла, а ты уходишь. – Шагнув внутрь, мотнула подбородком на выход.

– Тро, ну хватит, а? – Рарк поморщился, не меняя положения. – Я ж по-хорошему хочу. И, кстати, ты ведь на самом деле мне задолжала. Обещала составить компанию и вместе выпить...

– Выпить. А дальше что? – Грозно воззрилась на него, уперев руки в бока.

– Да ничего, – фыркнул Дор. – В смысле ничего из того, что ты сама не захочешь.

– Тогда скажу сразу – не захочу. Можешь налить себе стаканчик, раз уж без допинга тебе не расслабиться, выпить и на этом успокоиться.

Сегодня рарк был мне более неприятен, чем обычно. Неприкрытое самодовольство альфа-самца и проявленная жестокость в отношении амиота вызывали отвращение. Чтобы стоять вот так, вплотную, приходилось превозмогать себя.

– Да что ж ты за упрямец такая? – зашипел напарник и, неожиданно развернувшись, потянул за собой, вынуждая отступить вглубь каюты.

– С ума сошел? – Возмутившись, попыталась воззвать к его совести: – Дор! Мы же напарники! Друзья! Как ты можешь?

– Я могу?! – не снижая напора, агрессивно прорычал рарк. – Это как ты можешь?! Сначала ходишь полураздетая, соблазняешь меня, с другими заигрываешь, чтобы ревность спровоцировать, смотришь многообещающе, на тренировках прижимаешься, а как до дела дошло,

так в кусты? Тро! Я не железный! Я мужчина с нормальными реакциями и потребностями.

Он что, уже выпил? Или Седьмой все же серьезно приложил его по голове? Что несет... На душе заскребли кошки, а глаза на лоб полезли от его трактовки совершенно обыденных ситуаций.

– В каком месте ты соблазнение увидел? Не выду...

Договорить не получилось. Доран, который все так же, вопреки попыткам отступить, прижимал меня к себе, решил, что разговоров с него достаточно. И я, все еще надеявшаяся, что шутками и отговорками сумею охладить пыл заносчивого напарника и мы мирно разойдемся, оказалась впечатанной в широкую грудь Дора с вывернутой за спину рукой.

Шутки закончились. Мою голову рарк тоже прихватил, вернее, сгреб волосы на затылке, не позволяя увернуться. Жестким поцелуем впился в губы, демонстрируя намерения. Нет, больше – уверенность в своем праве поступать согласно собственным желаниям.

В его крови плескался адреналин, это чувствовалось по шалым ударам сердца, по судорожным рывкам дыхания. Безумное возбуждение боя не прошло даром. Рарк слишком завелся: сплав сильнейших эмоций, пьянящее чувство превосходства, возможно, давно сдерживаемые потребности – все сейчас играло против меня, прорвав плотину внутренних запретов.

Будь мы в окружении других... Присутствуй хотя бы теоретическая возможность появления кого-то еще... Это бы его остановило. Но в отсутствие сдерживающих факторов мозг Дорана словно отключился.

В ужасе выпучив глаза, я не видела осмысленности в ответном взоре прижатого ко мне лица. Только голод и потребность подчинить. Овладеть... доказать... Даже укусить! Впитаться в меня и руками, и зубами, и... Вдавить в себя, будто бы это неминуемо все исправит. Сделает правильным и единым.

Жестокость, у которой есть оправдание, и имя ей – убежденность. Доран сегодня поверил, что ему все подвластно. Проклятая идея спарринга! Истинный нрав дикаря, прежде таившийся под профессиональной сдержанностью напарника, вырвался на свободу. Бастионы морали пали, выпустив на волю чудовище. Кого-то незнакомого и чужого. Способного на все...

Сглотнув в предчувствии необратимых проблем, застыв, притиснутая телом рарка к стене, на которой висела моя одежда, осознавая, что его губы безжалостно сминают мой рот, я испытала страх. То чувство бессилия, когда судорожно силишься найти выход и понимаешь: его нет. Это западня! Капкан, в который попалась по собственной глупости. И вырваться целой и невредимой не получится.

Как я могла не понимать прежде? Не замечать истинной сути рарка? Все же было на поверхности...

Сотни мыслей промелькнули за миг.

Укусить? Закричать? Пытаться дать отпор? Я все же не робкая жертва. Меня учили оказывать сопротивление.

Но Доран... Это махина – настоящая боевая машина. Каковы мои шансы?! И, главное, что случится потом?

Мое сопротивление... Для него оно станет частью игры! Игры по его правилам. Продолжением боя. Боя, которого он давно жаждет, боя, где в итоге он опять победит. Победа опьянит и прибавит сил. Победителей не судят – истинная философия садистов.

– Тро... Моя девочка, ты только моя... – На миг оторвавшись, переводя дыхание и шаря обезумевшим взглядом по моему телу, рарк вряд ли осознавал, что бормочет. – Тебе понравится, понравится...

Взывать к его рассудку бесполезно, но допустить насилие над собой... Не могу! Единственная мысль укоренилась в сознании. Вспышки ярких воспоминаний – возникшего перед глазами образа амиота, сопротивлявшегося вопреки всему, придали сил. Вот он, момент схватки не на жизнь, а на смерть, к которой нас готовили многолетние тренировки. Тем обиднее, что воевать придется с собратом по оружию. В мирное время!

Зубами дернув и разодрав на груди эластичную футболку, Доран вновь запечатал мне рот губами, ловя вероятный вопль, а я мысленно твердила себе одно: нельзя, нельзя. Нельзя поддаваться страху!

Надо пытаться, искать момент. Все что угодно! Я должна справиться! Сдержаться его!

Но как же страшно... до одури, до умопомрачения! Противный, гадливый, зловонный – таким был настойчиво пробирающийся в душу ужас.

Лбом упираясь в мою голову, не позволяя двигаться, рарк переместил руку, что прежде стискивала волосы. Сжавшееся в

инстинктивных конвульсиях тело подводило, словно лишившись чувствительности. Лишь каким-то отголоском восприятия я понимала, что безжалостная лапища мнет мою грудь, попутно сдирая остатки футболки.

Нас учили абстрагироваться от боли. Учили самоконтролю. Учили думать о цели, закрывая глаза на помехи. Я так и делала, перебирая в голове варианты, зная, что права на ошибку нет.

Что я могу? Ударить коленом в пах и одновременно рубануть ребром ладони по правому плечу – профессиональная память подсказывала, что именно его рарк повредил в схватке с амиотом. Левую руку Дор удерживает, но правая относительно свободна, заведена назад и сейчас сдавлена между телом и стеной... Если правильно выбрать момент, то шансы освободить ее рывком высоки...

Эта промашка Дорана лучше всего говорила: парень не в себе. Но мне от этого легче не становилось. Знала наперед, что он увернется. Почти наверняка, увы. Напарник и на большом тренировочном татами не позволял мне ни уклониться, ни одолеть себя. А здесь, в крошечной комнатке, где нет пространства для маневра...

Но иного шанса мой разум не видел. Сорванное трико и недвусмысленно задвинутое между ног мужское колено наглядно показывали – времени больше терять нельзя. И все же я медлила.

За спиной мешало что-то жесткое, колкое. Нервировало и словно кричало – обрати внимание, вспомни!

И я вспомнила. Куртка, которую повесила на стену. В правом кармане – портативный металлический шприц с транквилизатором. Вариант «на крайний случай», что мне при выписке дали в лазарете. «Если кошмары не позволят уснуть», – сухо предупредил в тот день офицер медицинской службы. Встряска в лаборатории на крепком сне не сказалась, и седативное средство не понадобилось, оттого и забыла его в кармане. Но сейчас оно оказалось за моей спиной, в зоне возможного доступа заведенной назад руки.

Пару секунд я силилась совладать с собой и не задрожать, такой мощной оказалась волна надежды. Впрочем, ослепленный овладевшей им похотью и потребностью подчинить Доран вряд ли обратит внимание на мои судороги. Такое везение! Какая-то невероятная и безумно своевременная удача. Как судьбоносный знак!

Мысль придала уверенности, позволив действовать хладнокровно: я сама подалась навстречу рарку.

Почувствовал ли он? Принял за капитуляцию? Неважно! Я выиграла несколько заветных сантиметров, позволивших моим пальцам, знавшим каждую складочку на форме, нащупать небольшую капсулу с автоматическим поршнем и иглой, выдвигающейся при соприкосновении с телом. Положившись на рефлекс, заставив себя не думать о происходящем, крепко зажала в пальцах «оружие», молниеносным рывком вырвала руку из-за спины и всадила шприц в шею мужчины.

Планировала уколоть в плечо, но распознавший мое движение опытный воин успел чуть отклониться. К счастью, безумная эйфория, овладевшая съехавшим с катушек напарником, плохо сказалась на его действиях – я достигла цели.

Секунда оторопи, пока мозг рарка осмысливал случившееся, и... С диким ревом и ожесточенным безумием во взгляде мужчина дернулся, стремясь избавиться от пропоровшей его плоть иглы. К такой реакции я была готова и теперь всеми силами старалась ему помешать, дав время механизму в шприце сработать. словно ленивец дерево, сама оплела тело напарника руками и ногами, сдерживая рывок и не позволяя вскинуть руки.

Удар! Еще и еще! Полузвериное рычание, с шипением вырывавшееся сквозь сжатые зубы дыхание – Доран бесился, колотя мной о стены в попытке оторвать от себя.

До момента, когда он тяжело рухнул на пол, прошло секунд тридцать, но мне они показались вечностью. Останется ли хоть одно лишенное синяков место на моем теле? спине и плечах?..

С трудом высвободившись из-под тяжести придавившего руки и ноги мужского тела, безвольно обмякла рядом у стены. Грудь содрогалась в сухих спазмах – легкие пытались наполниться спасительным воздухом. Чувствуя ручеек, сбегаящий из уголка губ, машинальным движением стерла, глянула на ладонь – кровь...

– С-сорк... – донесся до разума натужный хрип – последнее осознанное усилие рарка.

Посмотрела на некогда уважаемого мной коллегу, успев заметить налившиеся кровью глаза, прежде чем его веки безвольно опустились. Он отключился.

Не в силах радоваться спасению, тоже закрыла глаза, упираясь макушкой в стену. Казалось, каждая клеточка тела вопила от боли. Но куда сильнее была боль душевная: Дор, на которого я полагалась, вопреки его назойливым подкатам, которому доверяла, – предал меня, ударив в спину.

А ведь рядом с ним предстоит провести еще какое-то время... Встречаться в общем коридоре, на дежурствах, каждую минуту помня о пережитом ужасе и последующем сопротивлении. Во рту ощущался привкус желчи – у меня эта горечь теперь будет ассоциироваться с рарком.

Точка поставлена. Завтра же подам рапорт об увольнении со службы, разорву контракт, не дожидаясь возвращения. Плевать на неустойку. Судьба...

Я понимала: сегодня мне отчаянно повезло.

– Ненавижу это место, – заставила себя произнести вслух, с трудом разлепляя разбитые в кровь губы.

Подняться получилось не сразу, но, держась за стенку, все же встала на дрожащие ноги. Ощущение наготы не тяготило – меня накрыло оупляющим и в чем-то спасительным безразличием. Действовала почти автоматически. Нашла одежду, морщась от боли, натянула ее, не заботясь о ранах. Труднее всего оказалось переступить через неподвижное тело Дорана, он был замечен отовсюду, как бы я ни отводила взгляд.

Уже возле выхода, тяжело опираясь на дверь, обернулась к поверженному напарнику и от всей души его пнула.

– Мерзавец! Испоганил лучшее, что было в моей жизни в последние годы...

Пошатываясь, брела к лазарету, размышляя, что отныне, думая о работе на станции, буду ощущать тошнотворное разочарование.

Впрочем, это уже не имеет значения. Не сейчас, когда предстоит выдержать неизбежные разбирательства... Терпеть косые взгляды коллег, которые, возможно, с большим пониманием отнесутся к проступку рарка, чем к моей... неуступчивости. Пройти период восстановления...

– Останетесь пока в лазарете, – сухо заключил куратор спустя некоторое время, когда были получены результаты медицинского осмотра, выслушаны безэмоциональные объяснения, а несколько

дежурных направлены в разоренную каюту с приказом доставить экс-напарника. – Через два дня на базу прибывает грузовой звездолет, вы встретитесь с членами его команды, когда они будут проходить послеполетный досмотр. Ваш рапорт будет удовлетворен, контракт досрочно расторгнут, а вы уволены в запас. Поэтому ничто не мешает вам вернуться с экипажем транспортника, они задержатся только для разгрузки. Нет необходимости ждать корабль, с которым прибудет на вахту следующая смена.

– Спасибо, – поблагодарила, – так и сделаю.

Оставшись одна в блоке первой помощи, наконец-то уснула. Скоро вернусь на Землю! И это к лучшему – выбранная стезя оказалась ошибочной.

И насчет общественного мнения оказалась права – вчерашним коллегам вдруг разом стало неуютно рядом со мной. В столовой на меня косились, шептались за спиной, явно осуждая за то, что подставила напарника, которого за проступок отправили на двое суток в карцер. Даже Еннола не заглянула пожурить за срыв графика и так и не отработанный «прогул». Впрочем, я не желала размышлять о причинах и мотивах, меня не заботило чужое мнение – душа наотрез отказывалась признавать даже частичную вину в произошедшем.

Глава четвертая

Побег

Кин

Сознание возвращалось медленно.

Расплывчатые образы двуногих в одинаково близких балахонах... Слепящий свет, мешающий четкости восприятия... Инструменты, перемещаемые чьей-то рукой... Гулкие звуки, ритмично нарастающие и стихающие...

Будто все это уже происходило. Словно я это уже воспринимал. Сон или явь? Всего лишь отголоски воспоминаний или я снова в лаборатории?

Заставил себя сосредоточиться на ощущениях, поймать, зафиксировать их и понял – ни то и ни другое! Вернее, лаборатория, несомненно, но я ее вижу глазами и слышу ушами одного из тех, кто сейчас в ней находится, а не теми органами зрения и слуха, что имеются у навязанной мне оболочки. Отсюда и странный способ восприятия информации.

«Невыносимо... Не могу больше оставаться здесь!» – врезался в сознание неожиданно четкий звук.

Чей это голос? Мысли? Эмоции... О-о-о!

Меня наполнило чувство упоительного восторга – того, далекого, из прошлой жизни, когда, свободный, не знающий ограничений, расстояний и преград, я с легкостью проникал везде, во все, во всех... Воспринимал, познавал, купался в окружающей меня энергии и забирал ее! Жадно, торопливо, стремясь наполнить себя и отдать миру, что меня породил.

Сладчайший миг поглощения. Питание! А это значит... я смог! Вырвался из оболочки, вопреки уверениям двуногих в невозможности этого делать. Смог стать собой прежним, раз сумел сделать поток живительной энергии. Увы, это не было полноценным насыщением, успел оттянуть совсем немного у... Кого? Почему так трудно вспомнить? И почему восторг от привычной пищи омрачается болью?

«Душ! Надо помыться, это поможет прийти в себя. И спать! Мне нужно выспаться».

Снова этот голос! И странное ощущение, связанное с физическим телом, которого я практически не знаю и плохо понимаю его значимость.

Стоило вспомнить о теле, как вереница образов, уже более четких и понятных, вновь появилась в сознании.

Гуманоиды, что истязали меня в лаборатории, деловито перемещаются по помещению. Переговариваются, рассматривают что-то на своих примитивных экранах-отображателях... Четверо собратьев-эдайти, заключенные в ужасные материальные оболочки, прикованы к наклонным поверхностям прозрачных боксов... Другие двуногие – охранники, замершие у стены...

«Двойная смена... А-а-а... Ну почему все навалилось разом?!»

Этот голос! Я понял, чей он! Узнал. Троя, так? Странное существо... Ускользнувшая добыча. Поэтому слышу. Поэтому не мог полноценно сосредоточиться на противнике, когда он... Стоп!

Ринг! Рарк! Ну конечно!

Картина боя, которым я не могу гордиться, возникла в памяти. Отчетливая и неожиданно полная – с момента, когда перестали действовать прежде сковывающие оковы, и до мига, когда Доран всадил в меня уже знакомую неструктурированную энергию. Именно с ее разрушительного влияния все для меня изменилось в первый раз. Как они это называли?.. Кинжальные лучи.

Рарк применил против меня свое оружие. Ровно через мгновение после того, как я сумел вырваться из оболочки и собрался забрать его жизнь. Вот почему удалось сделать лишь глоток.

Но этот глоток позволил сейчас быть почти самим собой. Почти, потому что какие-то ограничения я все же ощущал. Наверняка они были связаны с физическим телом, но концентрироваться на нем не хотелось, было что-то более значимое, требующее моего внимания. Сознание вновь и вновь возвращалось к состоянию эйфории от пусть слабого, но притока энергии. Словно я что-то понял в тот миг, а теперь никак не мог нащупать...

Возможно, это поняли и другие? Не только я?

«Хал? Ори? Щег?» – попытался позвать.

Нет ответа. Не было даже ощущения их присутствия рядом. И потому оставалось лишь вернуться к воспоминаниям. К бою, спланированному учеными, в котором нам была отведена роль расходного материала.

Шаг за шагом я прокручивал его в сознании, отмечая детали и делая выводы о возможностях оболочки. Помнил и всепоглощающую потребность сокрушить противника. Именно этого противника! Из всех, что противостояли нам, этот был самым раздражающим. Рарк... Он всегда был рядом с моей ускользнувшей добычей!

«Помогите! Помогите! Что же сделать? Как его остановить?!»

Мысленный вопль Трои ошпарил сознание, подарив новые неизвестные ощущения. Таким ее голос я прежде не слышал. Что за эмоция владеет ей сейчас? Похоже на панику?

Фокус интереса молниеносно сместился, и... я вдруг увидел свою безвольно лежащую оболочку – с плотно сомкнутыми веками, пострадавшую, неподвижную. Но я был вне ее. Я незримо парил! И это снова напомнило о прошлом, когда не существовало преград и расстояний, не имели значения освещение или шум – все те мелочи, что ограничивали навязанную оболочку.

Осматривая окружающее пространство, я видел клетку со зловеще светящимися прутьями, огромный зал, в котором она находилась, расположенные рядом клетки других эдаити, чьи тела, также обездвиженные, валялись на полу. Видел нутро огромного сооружения, испещренного лабиринтами переходов и помещениями разного размера. Словно со стороны наблюдал целостную картину неведомого объекта, медленно вращающегося и плывущего во мраке космоса. И лабораторию, где меня держали. А в ней...

На мгновение замер, прощупывая пространство и убеждаясь – здесь присутствуют еще несколько эдаити, но с ними что-то не так, словно они есть и одновременно их нет.

Подался было ближе, желая выяснить, и остановился. Не сейчас! Позже. Волна раздражения толкала дальше, не позволяя задерживаться. У меня иная цель – найти свою ускользнувшую добычу. Не знаю почему, но это точно важнее.

Вот ринг, где мы с рарком столкнулись, и он одолел меня, лишив законного пиршества. Как в тот момент я смог выбраться из тела? Что

предпринял в хаотичной горячности боя, когда выжимал из себя все, силясь совладать со своей нелепой оболочкой и заставить ее работать на себя? Как мог делать это в лаборатории, подпитывая свои силы энергией тех, что удерживали нас в плену? И как могу искать Троию сейчас, отчетливо понимая, что истерзанная боем навязанная оболочка продолжает находиться в клетке?

Понимание накрыло внезапным опустошением – так велика была сила прозрения. Вот он, ответ, простой и очевидный. Я излишне сосредоточивался на оболочке, силясь разобраться в ее раздражающих своей никчемностью возможностях, и не задумывался о сути, заточенной в ее недра, – о своих собственных способностях!

Да, двуногим удалось пленить нас, привязать к физическим телам, но осталось кое-что недоступное их влиянию – наше сознание! И возможность общаться друг с другом – яркий тому пример.

Как жаль, что я не понял этого раньше! Мы не поняли!

Сила эдайти не исчезла, скованная подобно духу в тесных оковах оболочек. Сейчас в качестве эхолокатора или волнового щупа я использовал именно ее, распространяя волны своего сознания на космический объект двуногих. Я исследовал его и делал это неосознанно, продолжая пребывать на границе сознания.

Вот как я напал на них в лаборатории! Вот как сумел вызволить свою фантомную сущность, атаковав рарка в бою! Мой разум возобладал над навязанными ограничениями, вынужденно подтолкнув меня к единственному спасительному пути. Если двуногие пленили нас, связав истинную суть эдайти телами, то мы используем возможности сознания! И это путь к свободе.

Сконцентрировавшись, уверенно ощутил одновременно всех собратьев. Местоположение каждого эдайти стало очевидным, как и тот факт, что помимо соседей по клеткам есть и другие. В разных частях этой станции. Способность к ориентации в пространстве материального объекта достигла абсолюта: я воспринимал всю картину целиком – от малейшего движения каждого живого существа в недрах созданного двуногими космического корабля до слабейшего импульса их технических систем.

Вот он, итог спарринга! Итог, несоизмеримо отличный от выводов наших пленителей. Мы проиграли сражение на ринге, продемонстрировав полное неумение управлять оболочками, но

именно эта угроза заставила мой разум проявить себя, одновременно доказав: на этой станции нет более всесильных существ, чем мы! А те, кто сейчас полагает себя вершителями наших судеб, обречены. Только что они – каждый из этих жалких существ – стали нашей реальной добычей!

«Справилась! Справилась! Не останусь здесь больше. Не смогу...» – отвлекая от судьбоносного открытия, голос Трои вновь переключил мое внимание. Ощущаемое в нем чувство облегчения заполнило меня спокойствием, и потому, уже уверенно направляя волну поискового щупа, я легко отыскал мою несостоявшуюся добычу. Держась за стену, она брела туда, где нашим пленителям оказывали помощь, восстанавливая структуры их организмов до полноценного функционального состояния.

Ее тело нуждалось в помощи, воспринималось энергетически пустым. Израненным? Да. Но больше изнуренным. Она тоже участвовала в борьбе, где я схлестнулся с ее напарником? И кто-то из эдаити посмел выпить ее энергию раньше меня? Взять то, что принадлежало мне?!

Волна ярости, захлестнувшая неожиданно и бесцеремонно, оглушила, ослепила и потащила... Куда?!

Обратно в тело – понял, едва осознал себя вновь запертым в тесной темной оболочке. Это меня охладило и скорее удивило, чем огорчило, – уверен, что при необходимости смогу выйти снова. Зато пришло отчетливое осознание – пленители не совладали с нашими сознаниями, но их план по навязыванию нам тел свершился, уязвимые и такие трудные в управлении тела – отныне наш якорь. Даже покинув их, мы неизбежно вернемся обратно.

Получится ли разорвать связь? Можно попытаться сопротивляться возвращению, однако нужно ли? Наличие у противника энергетических клинков – фактор, с которым нам не совладать, будучи в форме эдаити. Зато тела... Массивные, крупные, они в состоянии перехватить и удержать руку противника с занесенным оружием. Не позволить клинку войти в тело и разрушить его структуру. А нам даже нескольких секунд промедления достаточно, чтобы дотянуться до жертвы и выпить ее энергию.

Новый взгляд на вынужденную связь с телом заставил задуматься: что в нашем симбиозе будет доминировать – чуждое вещество или моя

энергия? Возможно ли изменение первого силами второго? Что, если мы, влияя на навязанные оболочки, сможем совершенствовать их? Или даже менять? Это не просто создало бы удобную связь с телами, а сделало нас гармонично совершенными! Способными изменяться по собственной воле, подстраиваясь под условия среды! В некотором смысле мы получили бы способность если не идентичную, то сходную с той, что была у нас изначально, – имитировать. Мимикрировать. Принимать форму, максимально удобную для получения энергии.

Конечно, нет смысла ждать от костной материи высокой пластичности, даже если наполнить ее энергией до отказа. Но процессы жизнедеятельности строятся именно на этом! Значит, их можно ускорять или притормаживать, по собственной воле стремительно активировать нужные. В недрах генома созданных для нас тел сокрыто бесконечное множество возможностей – так утверждали гуманоиды.

Проверить? Сейчас? Не слишком ли высок риск? Если двуногие экспериментаторы поймут, что упустили неподконтрольный и недоступный для них пласт наших способностей, они немедленно уничтожат тела, предварительно избавившись от нас.

И все же нетерпение и желание выяснить возобладали. Позволю себе крошечный опыт! Сосредоточившись, стараясь, чтобы внешне перемены не были заметны охранявшей мою клетку паре беловолосых, послал телу импульсы, побуждающие процесс регенерации. Результат не заставил себя ждать – боль, которую ощутил, едва вернувшись в тело, исчезла. Пропала слабость, сковывающая мышцы. Даже холод в местах соприкосновения кожи с полом перестал ощущаться так явно, как раньше.

Я ликовал! Я торжествовал! Мы действительно можем рассчитывать не только на возможности тела, имеющиеся в настоящий момент, но и на те, что есть в его потенциале! Миг, когда наши оболочки обретут неуязвимость и станут эффективно противостоять энергетическим клинкам, защищая сокрытое внутри, – неизбежен.

«Отлично, так и поступлю, – моего сознания вновь достиг отголосок мысленного диалога Трои с самой собой. – Улечу через два дня вместе с экипажем покидающего станцию транспортника».

Мое тело закаменело, странным образом согласованно с замершим в ступоре рассудком, пытающимся осознать услышанное.

Моя добыча планирует ускользнуть?! Да еще так скоро? Исчезнуть в глубинах космоса, оставив меня ни с чем? Невозможно! Не допущу!

«Подъем, эдайти!» Выплеснул в пространство волну такой интенсивности, что не отреагировать на нее ни у кого не осталось возможности. Пожалуй, звуковая, которую рождал, сотрясая воздух, военный, была менее эффективной.

Тела в соседних клетках зашевелились, но прежде, чем на это среагировали охранники, рывкнул снова: *«Я сказал – эдайти, а не примитивные оболочки! Контроль! И концентрация! И полное внимание. Нам есть что обсудить...»*

Обсудить... Возможно, не совсем правильный термин для изложения того, что я выяснил. Однако он оказался верным для последовавшей реакции.

Сомнение. Неверие. Скрытая надежда. Робкие попытки повторить мой опыт... Жалкое нытье Таса: *«Не работает!»*, сердитое шипение Хала: *«Кин, ты, наверное, единственный, кто на это способен»*. Мое глухое отчаяние. И наконец...

«Есть! У меня получилось! Кожа определенно стала толще!»

Кто сумел совладать со строптивой материей, не желающей подчиняться, я понял не сразу. Лишь когда эдайти позволил себе неосторожное движение, стало ясно – Зом. Он был десятым по счету и первым выбыл из боя с гуманоидами. Догадка, объясняющая неудачи остальных, родилась быстро.

«Энергия! Ее запасы почти на нуле, – сообщил собратьям и поинтересовался: – Есть идеи, чем восполнить потенциал?»

«Кроме веществ из еды, нечем, – рассудил Орш. – До охранников не добраться, опять же, потому, что банально не покинуть тело».

«Охранников не трогать! – приструнил я. – Даже когда совладеете с телами. Иначе раскроемся раньше срока и потеряем главное преимущество – внезапность».

Оставалось ждать. К счастью, не так уж долго. Теперь, точно зная, насколько важен этот скудный, зато легкодоступный источник энергии, я, как и остальные, перемещал пищу из миски в рот. Сосредоточенно и аккуратно, целенаправленно избегая потерь. Не обращая внимания на насмешки наблюдавших за кормлением охранников – это ничто в сравнении с перспективами, которые откроет перед нами столь необходимая энергия.

Все шло в нужном направлении, соответствовало нашим скрытым интересам, но я все равно испытывал неудовлетворение, потому что... Потому что моя добыча была слишком далеко! Будь она рядом, одной из тех, кто сейчас стоял напротив клетки, мне было бы... интереснее? Спокойнее?

Поедание физической пищи – нечто совершенно новое. Методично перетирая зубами жесткие питательные куски, никак не мог подобрать правильное определение тому, что чувствовал. Как не мог и понять, почему улавливаю мысли Трои. Она точно не эдайти! Ничего общего. Однако помимо своих собратьев из всех обитателей станции я мог слышать только ее. Любопытно.

Моя догадка относительно низкого энергетического потенциала и, как следствие, плохого контакта с оболочкой оказалась верной – вскоре практически все эдайти нашли подход к своим телам, стимулируя заживление полученных ран. Судя по оживленным переговорам, многие готовы были перейти к поиску других доступных возможностей.

«Это невероятно...»

«Я себя так хорошо чувствую впервые с момента, как очнулся в оболочке...»

«Надеюсь, что мы сможем...»

«Пока не будем обсуждать будущее, – оборвал собратьев, – прежде нужно обрести полный контроль над телами. Время строить планы еще не пришло».

Ко мне прислушались. Теперь одни эдайти занимались поиском полезных для нас способностей, методично пробуя любые возникающие в сознании желания и анализируя результат. Старались действовать скрытно, избегая внимания наблюдателей-охранников. Другие им в этом помогали, отвлекая стражу, имитируя неуклюжие действия, что были характерны для этих тел раньше.

Ко времени второго кормления в нашем распоряжении скопился не такой уж маленький перечень... сверхспособностей – назовем так, потому что у двуногих гуманоидов, наивно считавших себя высшими существами, их точно не было.

Нам повезло, обошлось без нового захода на ринг, которого я опасался, бои снова лишили бы нас накопленного энергетического запаса. Так что большая его часть уходила на усовершенствование тел:

кожу сделать грубее и прочнее, оставив при этом высокий уровень тактильных ощущений; мышцы – выносливее, кости – тяжелее и крепче. Добивались гибкости и подвижности суставов, повышения чувствительности зрения к тепловому спектру, а слуха – к ультразвуку. Дыхание, кажется, тоже можно менять, потому что при определенном усилии ноздри словно зарастали, однако симптомов удушья больше не возникало. Скорее всего, функцию снабжения кислородом брала на себя кожа. Она же могла сохранять или отдавать тепло в зависимости от моего желания.

Все это время я не выпускал из-под контроля Трою, охота за ней стала делом принципа, и энергии я не жалел. И не раз потом хвалил себя за предусмотрительность, потому что в мыслях женщины было так много информации! И той, что уже была известна, и новой, которую мы могли использовать.

«Пришел штурман, надо же... Думала, узнав о причинах просьбы взять меня на борт, экипаж корабля начнет меня сторониться, как мои бывшие сослуживцы».

Хм... Похоже, я что-то пропустил, раз есть неведомая мне причина...

«Жаль, конечно, что на Землю не сразу направятся. Лишних шесть суток полета, пока корабль доставит заказанный груз еще на одну станцию. Обидно... Но вариантов-то все равно нет, тем более что за мной возвращаться не станут, а мне меньше всего хочется оставаться на базе».

Она бежит. От кого? Возможно, от меня? Или от того, кто оттянул у нее мою энергию?! С каждым мгновением все сильнее хотелось это выяснить.

«Когда закончит болтать этот хвостун? И мне казалось, что в одиночестве в лазарете скучно? А-а-а, поверните время вспять! Знала бы, что этот мужик так болтлив, притворилась бы спящей! Уж кому, как не мне, знать, что одному человеку со всеми системами корабля не сладить... Настаивает на своем? Доказать грозит. Смех да и только, а не штурман... Сколько полетных часов? Шестьсот тысяч? Мамочки... Это лет пятнадцать в рейсах провести нужно, чтобы столько налетать. И в составе одного экипажа? Понятно, в моем лице ему попались свежие уши. Да, за это время можно запросто изучить корабль вдоль и поперек. Может, и не

врет мужик про свою универсальность. Реально способен в одиночку транспортник пилотировать: и с маршрутом справится, и за техника сойдет».

Что за «мужик»? Я расширил восприятие, запечатлевая образ гуманоида, в настоящий момент находящегося рядом с Троей. Тощий, высокий, судя по физическому состоянию – перешагнувший за половину ресурсов своего тела. Но для меня куда важнее его умение управлять компактным устройством, способным оторваться от станции и существовать в космосе независимо. Улететь на таком – оптимальный вариант для нас.

Как ни обдумывал сложившуюся ситуацию, другого пути не находил. На станции слишком много оружия и механизмов, которые могут нас уничтожить. И гуманоидов избыточно. Они числом нас задавят раньше, чем мы их всех выпьем. Сбежать – наш шанс вернуть себе право распоряжаться собственным существованием.

«Можно подумать, я не понимаю, что на дозаправку и техосмотр время требуется. Хотя, конечно, я бы с радостью хоть сейчас койку в лазарете сменила на корабельную каюту. Дорана того и гляди из карцера выпустят, а встретиться с ним, даже случайно, я не хочу. Ладно, если в себя пришел и все переосмыслил, а если нет?»

Так-так... Кажется, причина не во мне и не в последствиях спарринга, а в рарке! Что сделал ее напарник?..

Впрочем, моя добыча напрасно думает о раздражающем двуногом – его дни сочтены. Не смогу уйти, не выпив рарка. Он второй в списке тех, кого я жажду.

«Вот и договорились... Как же хорошо! Завтра меня здесь уже не будет!»

Завтра?! Завтра...

На миг я ощутил недовольство. Все складывалось так стремительно... Не станет ли поспешность опрометчивой? Готовы ли мы к побегу? Сомнений не было в одном – я твердо знал, что не позволю добыче ускользнуть. Я должен ее выпить, насладиться вкусом, что едва распробовал и не смог забыть. Значит, Трою необходимо настигнуть до того, как она покинет станцию.

Мы сможем, колебания и страх эдаити не свойственны. Мы решаем и забираем. Пришло время тех, кто терзал нас. Время рарка и Трои познать мою силу, больше того – подпитать ее!

Что ж, не будем медлить.

Спешно просканировал станцию, отыскивая транспортник, о котором думала Троя. Как все изменилось! Будь я прежним, объект воспринимался бы мною исключительно как пища, но теперь, навечно скованный оболочкой, я видел в нем средство для перемещения.

Нет, не отвлекаться!

Изучил подходы к ангару, где располагался вход в корабль. Внутренним взором пробежал по лабиринту коридоров, прокладывая оптимальный маршрут и методично намечая последовательность действий. Пути назад нет.

План прост: ликвидировать охрану, покинуть зону с энергетическими клетками, прихватить всех своих и гуманоида-универсала, которого мы вынудим отправить транспортник в полет. Удобно, что он рядом с Троей – не придется наведываться в несколько мест, теряя время и ресурсы.

А дальше? Так далеко я не заглядывал, распорядиться свободой мы сумеем, важнее вырваться из плена. Теперь мы материальны, прежнее существование невозможно, как и возвращение в реальность эдаити. Значит, будем искать новый путь. Выживем!

Что до обитателей станции – поглотим столько гуманоидов, сколько сможем. Заставим их напоследок понять, кто действительно доминирует в затеянной ими игре.

«*Орш, есть разговор*», – позвал собрата, сузив волну, чтобы меня услышал только он. Потому что чувствовал – этот эдаити сейчас так же силен, как и я, а в одиночку координировать действия на двух фронтах нет смысла. Мне нужно сосредоточиться на своей добыче, захватить корабль, раз уж Троя туда направляется, и удержать позиции, пока все эдаити не окажутся на борту. Орш тем временем займется освобождением тех, кого держат в лабораториях. Действовать единой компактной группой в чем-то проще, но минусов все же больше. Слишком многое нужно сделать за короткое время. Так что...

«*Согласен, – Орш был краток. – Как поделимся? Определится, кто пойдет с тобой?*»

«*Сделаем группы равными по силе, так эффективнее. Начинаем немедленно, времени мало. Со стороны все должно выглядеть привычно – не позволяйте оболочкам выдать происходящее, охрана не должна насторожиться. Сигнал к активным действиям подам в*

определенный момент. До этого каждому из наших необходимо четко понимать свои действия. Распланируйте каждый шаг, каждое движение, путь, поступки. Помните – контроль над оболочкой должен быть абсолютным».

«Есть что-то, что мы должны предусмотреть?»

«Перво-наперво – защиту. Тренировочным спаррингом это уже не будет. Едва наступит понимание, военные бросят все ресурсы на наше уничтожение. Оболочки уязвимы. Поэтому сейчас, затаившись внутри, сделайте все возможное, чтобы защитить их. Мы же имеем представление об оружии гуманоидов, о том эффекте, что оно производит. Будьте готовы противостоять каждому выстрелу, взрыву или лучу, преодолеть попытки заблокировать нас в отсеке, вероятную локальную смену гравитации, разгерметизацию, атаки различных устройств. И конечно, всем нам известные лучевые клинки».

«Столько вероятностей... – Даже мысленно я ощущал озабоченность Орша. – Все не предусмотреть. Военные даже могут пожертвовать частью своих бойцов в попытке задержать нас в удобном для атаки месте».

«Конечно. Но и у них не будет достаточно времени координировать действия в полной мере и использовать все возможности. Эффект неожиданности. Ты же знаешь, мы не уходим, не завершив начатое. Если хотим выжить – должны выбраться отсюда или же...»

«Предпочту погибнуть, – спокойно и понимающе откликнулся брат. – Но я сделаю все и даже больше, только бы выпить хотя бы нескольких из них. Просто так, чтобы знали – они не совладали с Эдайти».

Не обращая внимания на планы равного, напомнил: «Второе. Необходимо выволить тех, кто сейчас недоступен нашим мыслям. Эдайти в лабораториях. Что с ними делают и в каком состоянии мы их найдем – неизвестно. Исходим из худшего, что они не способны откликнуться и не смогут передвигаться самостоятельно».

«Понял. Часть из нас понесет своих, другие станут прикрывать отход. Местоположение летательного объекта мы зафиксировали, маршрут к нему определен в сознании каждого. На худший случай,

если кому-то придется пробиваться в одиночестве. Не сомневайся, заберем своих и доберемся до места!»

«А там уже буду я с группой. Мы заполучим этот транспортник и особь, способную управлять им».

«Это слабое место всей задумки. Мы сможем его подчинить, заставить действовать в наших интересах? И насколько быстро? Военным проще всего будет избавиться от нас, ликвидировав разом, вместе с перемещающимся в космосе объектом. У них есть такое вооружение».

«Если подвернется случай, захватите пленных. Используем их для демонстрации того, что случается с несговорчивыми гуманоидами. Да и позже подпитка не помешает. Сами тоже постараемся прийти с... – я задумался, вспоминая фразу, подслушанную у Трои, – пустыми руками».

Невольно мы оба дернули головами, уставившись на верхние конечности навязанных тел. Нам еще долго предстоит привыкать к новому мироощущению. Если вообще выживем.

«Что до уничтожения транспортника с нами на борту... Это проблема. Но я планирую так напугать гуманоида, что он безропотно выполнит все, что мы пожелаем. В том числе подскажет, как ускользнуть от возмездия».

«Нам недоступны их технологии, понимание процессов работы. Это сделает нас легкой добычей», – Орш просто обозначил данность.

Прежде, будучи истинными эдайти, мы не придавали значения таким вещам. Но сейчас, против воли получив материальность, мы вынуждены осваивать законы выживания в этой реальности.

«Ты прав. Но, безропотно смирившись и упустив шанс, мы и вовсе станем рабами. Остались считанные часы. – Я не представлял, когда в понимании Трои наступит «завтра», не хотел упоминать о ней, поясняя собратьям причину спешки. Еще до встречи с ними возле транспортника я настигну свою добычу и, когда от нее останется лишь приятное послевкусие, буду свободен от непонятого наваждения, преследующего с момента пробуждения в лаборатории. – Просто не будет, но это не должно нас остановить. Мы – эдайти. Пойдем до конца. И обретем свободу».

Привычная атмосфера расслабленности окружала энергетические клетки. Пары охранников, тихо переговариваясь между собой, зорко

поглядывали на малоподвижных после ринга и кормления подопытных пленников – моих собратьев. А в сознании каждого из нас шел бой не на жизнь, а на смерть – проигрывался план скорого освобождения.

Чутко прислушиваясь к сигналам, поступающим от интересующей меня добычи, я осознавал владеющее ей ощущение покоя. Связных мыслей не было, лишь бессмысленные образы, больше похожие на воспоминания. Впрочем, они меня не интересовали. Я ждал момента, когда она отправится на избранный мной для побега транспортник. Обдумывал способ вырваться из клетки, как быстро, без лишнего шума прорваться сквозь энергетические решетки нашим вещественным оболочкам. Затем немедленный перекус – первыми поглотив находящиеся поблизости охранников. И разделимся, реализуя наш план.

Просто не будет, но я уже знал, как действовать.

«Все, пора в путь-дорожку! Кажется, ничего не забыла...» – бодрый, полный надежды голос Трои прозвучал и ожидаемо, и внезапно.

Вот он, сигнал. Пора!

С этого мгновения время словно остановилось и одновременно полетело с неумолимой стремительностью, отсчитываемое ударами сердца. Удобно!

«Орш, начинайте!» – скомандовал, сплетая с ним сознание, чтобы не тратить время и силы на долгий речевой контакт. Со всеми эдайти, оказавшимися в моей группе, я уже давно такую связь создал. Они стали как бы частью меня, управлялись мной, жили вместе со мной, практически не ощущая себя индивидуальными сущностями.

Первым шагом стал истерический вопль, который я заставил издать оболочку Зома. И ее же вынудил забиться в демонстративных судорогах на полу. Расчет был на то, что охрана решит проявить интерес и выяснить, что происходит. Мы замерли в ожидании.

Задумка сработала. Один из гуманоидов подошел близко к клетке и присел, присматриваясь к суматошным движениям пленника. Второй остановился в паре шагов позади, но и этого было достаточно – мы с Оршем синхронно бросились к охранникам, собственным примером вдохновляя эдайти.

Не телами рванули, а фантомными сущностями, в том облике, который был для нас привычен и для которого не были преградой

прутья энергетических клеток, эффективно удерживающие материальные тела.

Разумеется, пройти сквозь поток сырой энергии сложнее, нежели преодолеть любую другую физическую преграду, и для самого процесса требовалось потратить немало собственной энергии, но это нас не остановило. Затраты легко компенсировать той живительной силой, что сконцентрирована в телах будущих жертв. Вернее, настоящих, потому что оба охранника оказались застигнутыми врасплох. Как и Орш, я не задумываясь втянул в себя все, что смог. По факту не так много, как хотелось бы, раньше получил бы больше, расщепив еще и материальную субстанцию, – теперь же пришлось ограничиться лишь той ее частью, что лежала на поверхности.

Пустые тела гуманоидов безжизненно осели на пол – начала проявляться наша истинная природа эдайти. И ведь это только начало! На космической станции еще много пищи!

Однако, чтобы до нее добраться, сначала необходимо разрушить преграду, удерживающую наши материальные оболочки. И потому снова пришлось тратить драгоценную энергию, добавив ее к той, что циркулировала в электрических цепях клеток.

Нужного эффекта мы добились. Установки, рассчитанные на низкие мощности, не выдержали резкого перепада, раздался хлопок, и одна из стен выгнулась. Образовавшаяся на ней щель побежала вниз и разорвала пол. Полыхнули яркие вспышки, повалил дым. Силовые прутья обреченно замерцали и поблекли, открывая нашим телам выход на свободу. Пока условную – дверь, за которой начинался коридор, была еще заблокирована.

Размышлять о том, как открывали ее наши тюремщики, не стал. Есть куда более простой способ. И быстрый.

Датчик на стене, в который я влил сгусток энергии, приложив ладонь, сгорел моментально. Створки двери разошлись в стороны, и мы, готовые действовать, направились по заранее определенным маршрутам.

Коридор, по которому я вел группу, оказался пустым. С одной стороны, это увеличило скорость передвижения и избавило от необходимости обороняться, с другой – израсходованную энергию нечем было восполнять. Вариант, чтобы дожидаться расщепления физической материи, отмели – слишком долго, а времени у нас нет.

Оршу повезло больше – на пути его группы в лабораторию гуманоиды попались трижды. Связанный с собратом ментально, я видел, как жадно он кинулся пополнять запас, оставляя позади пустые оболочки. Дважды это были те двуногие, что проводили опыты, – безоружные, не готовые к нападению. Они не оказывали сопротивления, просто коротко вскрикивали, оседая на пол. И лишь у входа в лабораторный блок ему пришлось столкнуться с охраной, немедленно обнажившей клинки. Вот кто не растерялся, среагировав почти сразу.

Наивные... Думали, что это им поможет, но не учли грубой физической силы, которую, по сути, сами отдали в наше пользование. Обреченные так и не поняли перед смертью, что с ними произошло. А мы слитными тенями скользнули вперед – возможности оболочек обеспечили приличную скорость, а волна атаки оказалась синхронной. Мгновение – и охранники были едва ли не разорваны на части голыми руками материальных эдаити, а их энергия поглощена.

Уловив полевые искажения – завопившую где-то далеко сирену, я перестал наблюдать за действиями группы Орша. Скоро и нам будет чем поживиться!

Для проверки бросив вперед сканирующую волну, понял – сработал не только сигнал тревоги, но и оперативно запущена блокировка отсеков. Мощные перегородки начали перерезать коридоры, изолируя секторы. Новость о нашем побеге всколыхнула станцию!

Не страшно. Даже в некотором смысле удобно – гуманоиды в спешке сами себя ограничивали в свободе передвижений, в то время как для нас, заранее обдумавших способы преодоления препятствий, все оказалось проще.

Продолжив движение к одной из таких преград, я расширил поисковую волну сознания, определяя место, где сейчас находится цель – по моим расчетам, Троя должна быть близко. Моя ускользнувшая добыча испуганно замерла в недоумении рядом с корабельным ангаром. Суматоха из-за нашего побега застала ее в пути – женщине осталось дойти до конца коридора, забраться по лестнице, зайти в шлюз и оказаться на корабле. Нужно поспешить, если намерен перехватить ее!

Бег в направлении стыковочного ангара, где заметалась неуверенная в дальнейших действиях Троя, показался мне сверхбыстрым. Стремление добраться до своей добычи, размышлявшей, не вернуться ли ей к недавним соратникам, возобладало надо мной. Я не думал, поспевают ли соплеменники, лишь краем сознания отслеживал – вторая группа уже внутри лаборатории. Там я глазами Орша видел неподвижные тела, прикованные к горизонтальным поверхностям. Как знакомо! Нечто подобное делали и со мной.

Видел, как собратья атакуют успешную примчатся дополнительную охрану...

И снова не стал вмешиваться с советами. Они справятся – эдаити всегда завершают начатое. Мне же предстоит обеспечить нам путь к настоящей свободе – захватить корабль. А до этого как следует пополнить запас энергии. Ведь именно здесь, у ангара, охрана сконцентрировала основные силы – наши намерения стали очевидными.

Оглянулся, убеждаясь – все восемь эдаити, стремительно бегущих рядом со мной, готовы действовать. Движения слаженны, словно у единого организма, по сути, так и есть, но тем, кто не был частью нашей прежней жизни, этого не понять. Гуманоиды и представить не могут, что можно чувствовать других как себя, предвидеть, наперед зная любой их шаг, ведь сам поступил бы так же.

Проверить себя в прямом столкновении с военными нашей группе тоже пришлось. И оно отнюдь не походило на тот жалкий спарринг, где мы выглядели ничтожными и никчемными противниками. Впрочем, прошлое впечатление сыграло нам на руку. Не знаю, были ли в группе, неожиданно выскочившей нам наперерез из бокового перехода, непосредственные участники избиения амиотов, как они нас называли, или же лишь восторженные наблюдатели, но двинулись они к нам без опаски, уверенные в скорой расправе над взбунтовавшимися – такой была первая реакция обитателей станции. Они были вооружены, но на тот момент не посчитали нужным серьезно рассчитать свои силы, полагая, что легко остановят неуклюжих подопытных.

– Эй, крыски, поиграли – и хватит, – успел пошутить кто-то из них. – Явились кош...

Что имел в виду чем-то похожий на Троию гуманоид, мы не дослушали, молниеносно атаковав. Наши скорость и сила превосходили возможности охраны, несколько хаотичных, в последний миг выпущенных выстрелов не причинили вреда нашим подготовленным телам. Уворачиваться в узком переходе было сложно, но прочные кожные покровы минимизировали урон, а ускоренная регенерация избавила от небольших ран и ожогов.

У охранников шансов не было. Не при том голоде, что переполнял эдайти все месяцы заключения. Мы выпили их стремительно, не сбавив темпа продвижения. Опустошенные безжизненные тела, по инерции сжимавшие оружие, еще падали на матовую поверхность панелей под ногами, а нас уже не было в пределах видимости. И мысли наши были устремлены вперед. К новым преградам. И новой пище.

Скользнул внутренним взором по пространству станции, намечая первостепенные для атаки цели. У глухой стены, за которой нас ждали, я остановился, распределяя задачи между братьями и концентрируясь.

Сжечь датчик, контролирующий механизм смыкания... Рвануть в образовавшийся проем... Атаковать... Сначала тех, кто более опасен, потому что в их распоряжении клинки, затем остальных, опаляющих другим оружием. Не опасным для нашей сути, но наносящим урон материальным телам.

Как же медленно доходила до обитателей станции истинная картина наших возможностей! Но первоначально немного ленивая и пренебрежительная реакция охраны менялась: чем дальше мы продвигались, не оставляя за собой живых, тем яростнее и массивнее становились попытки сдержать нас.

Момент, когда анализировавшие наши действия ученые поняли, что мы непобедимы, я осознал четко. Теперь все группы, отправленные, чтобы совладать с нами, были вооружены энергоклинками. И военные не медлили с их применением, больше у них не было цели ранить или остановить нас, только уничтожить.

Эта истина далась им сложно – до последнего наши «создатели» продолжали верить в свои возможности контролировать подопытных, однако своей наивной самоуверенностью они дарили нам время.

Даже вступая в очередной бой, я не выпускал из виду Трою. Моя добыча все еще спешила к ангару, который обитатели станции называли стыковочным. Я незримо следил за каждым ее движением, готовый ускориться и перехватить до того, как женщина поднимется на борт. Отчего-то был уверен, что там до нее будет уже не добраться. Наверное, сказался опыт прошлого, хотя с той же вероятностью сработало осознание возможности автономного существования корабля, если он успеет отделиться от станции. Этого допустить нельзя.

Развив немыслимую скорость, не обращая внимания на раны, я стал почти подобен себе прежнему. Заполучить добычу! Одержимость этой потребностью доминировала в сознании. О том, что будет дальше, я не думал, подчинив и свой разум, и навязанную оболочку одной задаче – добраться до намеченной жертвы.

Скорее случайно, нежели целенаправленно, моя сканирующая волна захватила не только Трою, но и сам ангар. Я держал под контролем все вокруг, не допуская и шанса упустить из-за какой-то неведомой оплошности. Ничего, даже свободы и мести, я не жаждал сильнее, чем втянуть в себя до капли энергию ее тела. Казалось, развоплюсь сам, если не заполучу ее.

Очередная сканирующая пространство волна вернулась тревожным отзвуком: системы корабля активируются. Гуманоиды посылали команды его механизмам и системам – панелям, датчикам, двигателям, я это ощущал, видел, воспринимал... Они рассчитывают улететь? Наверняка получили информацию из центра управления станцией. И даже не ждут ту, которую обещали забрать с собой? Или я что-то неправильно понял? Впрочем, смысл все равно ясен – отдан приказ немедленно стартовать. Попытка опередить нас, лишив возможности покинуть станцию.

Не страшно, паника эдаити незнакома. В сознании уже оформился план, рушащий их надежды. Воздействовать на корабль я не могу, пока не окажусь внутри него, а вот заклинить механизм, удерживающий его на стыковке, и не дать закрыть соединяющий шлюз – запросто.

Абсолютно доверяя собратьям, полностью переключился на восприятие сознанием, продолжая механически бежать вместе с ними. Волной энергии устремившись вперед, определил местонахождение управляющего устройства и направил к нему сгусток разрушительной

силы. Собственной энергии, некогда части меня! Уже успел осознать, что подобных скачков напряжения приборы не выдерживают, воспламеняются и выходят из строя.

Снова расход... Не успевая накапливать энергетический потенциал, вынужден тут же его отдавать. Выпитых жертв едва хватало, чтобы обеспечивать путь к свободе. Нужно больше!

Вновь перескочив на физическое восприятие пространства через органы оболочки, окинул взглядом обугленные стены и лежащие на полу лишённые энергии тела. Перешагнув через ближайшее, преградившее путь, уверенно повел эдайти в ангар. Там суется гуманоиды, взбудораженные поломкой, пытаюсь ее исправить. Там же сгоняемые со всех сторон военные. Последний рубеж на пути побега. Легкая добыча для оголодавших эдайти. Как раз то, что нужно. Да и Троя уже на подходе – я ощущал ее, стремящуюся к той же цели, что и мы.

Уже привычно, словно само собой разумеющееся, сжег датчик блокировки дверей. Миновав распахнувшиеся створки, ведущие к металлической, сплетенной из толстых прутьев площадке, замедлился, изучая обстановку.

Мы находились на ощутимой высоте, даже моему материальному телу открывался прекрасный обзор. Над головами – прочный металлический свод, испещренный свисающими кабелями и трубами. За прозрачной стеной недвижно пришвартован тот самый корабль, что станет для нас еще одной оболочкой и откроет путь к иной свободе – безграничному космосу. Внизу в лихорадочной торопливости сутились гуманоиды, наивно полагавшие, что смогут спастись. Копошились, сдирая обшивку со стены и добираясь до механизма отстыковки в попытке его починить.

Глупцы... Им не поможет даже прикрытие новой группы военных, торопливо рассредоточивающихся по ангару, отыскивающих укрытия и падающих на колени, чтобы взять на прицел врага. Нас.

Выстрел, опаливший мои волосы и расплавивший стену позади, стал сигналом – увидели. Пора действовать!

Лестница, быстрый спуск под аккомпанемент выстрелов и громкие крики, которыми гуманоиды подбадривали и направляли друг друга. Они еще надеялись. Успеть, выиграть, победить. И они были нам нужны... не все.

Наметив, кого нужно оставить в живых, – путь наверняка будет долгий, да и управлять кораблем проще тем, кто этому обучен, – я внедрил их образы в сознание каждого эдайти в группе и разорвал прямую связь. Это наш последний рубеж, последний бой, после которого нас ждет триумф свободы. Нет смысла контролировать яростный натиск собратьев, которые к ней стремятся.

Себя тоже не сдерживал, неумолимой карой настигая наших пленителей. Одновременно внутренним взором следил за более медленным продвижением группы Орша, ломающей сопротивление на подступах к ангару. Часть эдайти несли на руках обессиленные оболочки, скрывавшие в себе наших собратьев.

Троя... Предвкушая, неизменно отслеживал добычу. Отвлекался, само собой, переключаясь на смертоносные маневры вокруг, и снова ловил ее движение, ошеломление, растерянность и... Спутника? Стоп! Кто?!

Она отчего-то послушно бежала рядом с ним. Почему я не заметил его появления раньше?

Уклонившись от очередного заряда, распоровшего воздух рядом с плечом, настиг первого попавшегося на пути. Механически, не глядя, втянул те жалкие крохи, что в нем имелись, сканирующей волной рассек пространство и вновь устремился вперед, терзаемый раздражением.

Спутник Трои! Кто?!

Опознав, почувствовал одновременно удовлетворение и ярость. Доран! Рарк. Моя вторая обязательная жертва! Как удачно! Наконец-то смогу с ним поквитаться. Показать, на что способен... Пусть это будет последним, что он осознает в своей жалкой материальной жизни.

Забыв об ощущениях оболочки, о ранах, наносимых хаотичными выстрелами военных, даже о состоянии собратьев, я напролом, снося противников с ног, рванул к этим двоим. Они так близко! Так раздражающе близко друг к другу... И всего в паре десятков метров от меня.

Настал момент встречи. Момент поглощения тех, кого я так долго жаждал. Момент истинного наслаждения! И я его не упущу. Время пришло.

Я двигался навстречу Трое и рарку. Даже чуть притормозил, перестал торопиться, едва увидел, как они вбежали в ангар из бокового

перехода. Наслаждался ощущением прибывающей энергии, которой продолжали насыщаться мои собратья, криками агонии двуногих и ужасом, что явственно проступил на лице моей добычи. Троя еще не заметила меня, она смотрела на гибель остальных, на творящееся вокруг.

Не сразу заметил меня и рарк, с одержимым видом кричавший что-то своей спутнице. Вопреки окружающей канонаде я слышал его голос, но не стремился постичь смысл слов. Зачем? Все это скоро перестанет быть важным.

И я наверняка дал бы рарку еще пару минут жизни, чтобы раздражающий противник проникся осознанием моего превосходства, моей неуязвимости, но он сам не захотел их брать.

Скользнув вперед, позволил взгляду поймать Дорана, с несомненным удовольствием замечая в глубине его глаз обреченность. Да! Рарк знает, что обречен. Он не скрывает ненависти, но и ужас его безграничен. И к чему эти всполохи упрямства?

Ах, Троя... Замысел ее напарника я понял, едва он, полагая себя быстрым, резко толкнул женщину вперед, одновременно решительно дергая мое тело на себя. Жертва? Отдает свою жизнь, пытаюсь выгадать минуты для нее? Время, чтобы добраться до корабля прямо за моей спиной?

Нелепый порыв. Впрочем, итог в любом случае предрешен. Рарк и понятия не имеет, что значит быть действительно быстрым. Но этот урок – последний в его жизни – я согласен преподать.

Молниеносная атака... Ощущение максимальной наполненности... И вновь внимание на Трою, которая, как ни силилась бежать быстро, не успела проскочить мимо до того, как я осушил ее напарника. Наглядно и в чем-то даже излишне медленно – демонстрация того, что ждет ее... уже сейчас. Привкус ужаса, понимание своего предназначения – служить мне пищей... Я хочу ощутить их в жизненной энергии моей жертвы!

«Бомба! Кин, возьми ее на себя, – нежданно врезался в сознание зов Орша, несущий информацию о новой угрозе. – У меня нет резерва, чтобы ее обезвредить!»

Я среагировал, не думая, о чем предупреждает равный. Обезвредить! И одновременно не сводил взгляда с Трои, понимая, что заполучил свою добычу.

Несвоевременно и раздражающе. Суета вокруг, обреченные стать пищей – сейчас, когда я жаждал совсем другого, они раздражали. Тем стремительнее я действовал, уже предвкушая. Нет ничего проще, чем сбросить часть переполнявшей меня энергии в устройство, наполненное смертоносной материей, которое подготавливали гуманоиды. Направляемый внутренним видением собрата, я опознал его в глубине станции. Бомба... Наверняка не для нас, но корабль... Да, его она, несомненно, повредит!

Чуть в стороне знатно громыкнуло – вся разрушительная сила взрыва досталась самим гуманоидам, а я... я вернулся к своей добыче. Силу ударной волны ощутил еще до подхода, от нее женщина, с ужасом уставившаяся на меня до предела распахнутыми глазами, покачнулась.

Потянулся к ней, краем сознания отметив жалкую попытку сопротивления. И даже не слишком концентрировался на том, как именно ее пресек. Причинить мне хоть какой-то вред? Нет ничего в этой особи, что способно на такой результат.

Меня манил ее страх... Я его чувствовал. Он вязкой патокой растекался по телу моей добычи, его невозможно втягивать быстро – кощунственно пренебрегать удовольствием от процесса насыщения. Осушить деликатес на бегу, едва ли заметив?

Нет...

Такую субстанцию надо поглощать медленно и со вкусом. Смаковать! А у меня... У меня сейчас нет на это времени!

Глава пятая

Монстры

Троя

Черт! Как же не хватает формы! Еще больше – коммуникатора, который я вместе со штатным обмундированием и личным оружием сдала коменданту гарнизона. В общем, никакой возможности связаться со своими и понять, что происходит!

То, что на станции чрезвычайная ситуация, стало понятно, едва в коридоре, по которому я неспешно топала к стыковочному ангару, замигало аварийное освещение. Проблемы с энергопитанием? Пришедшая в голову догадка быстро уступила место недоумению, когда в отдалении заверещала «зеленая» сирена, – чтобы не путаться, мы обозначали их разными цветами, – возвещая о разгерметизации в отсеке. В каком? И почему? Что вообще происходит?

Переключиться с грустных мыслей – а я покидала место, с которым, вопреки всему, была связана часть моей жизни, – получилось не сразу. Но глубинное чувство тревоги, не оставляющее в последние дни, усилилось. Сбой электричества и утечка воздуха? Все разом? Как же не хватало возможности получить информацию!

Невольно оглянувшись, словно ожидая увидеть кого-то, преследующего по пятам, я перешла на бег. Скорее! Нужно попасть в ангар, там есть системник с выходом на общую связь, коды я знаю, запрошу данные...

Придерживая на плече рюкзак с личными вещами, заученным до рефлекса движением руки коснулась уха. Черт, черт, черт! Нет же больше коммуникатора. Теперь я пассажир, простой транзитник на борту у вечных дальнобойщиков. Космических дальнобойщиков, конечно. И не совсем на борту... Но надо поспешить.

Если на станции какие-то проблемы, корабль могут отправить восвояси вне графика. Мою скромную персону никто ждать не станет, пожмут плечами и скажут: «Улетишь как-нибудь в следующий раз».

Ну что за мысли? И затылок вспотел. Дергаюсь? Так «рада» даже гипотетической возможности задержаться? Ага, задушевной беседы с

Дором тогда не избежать. А что в итоге? Поубиваем друг друга на почве неразделенного непонимания? Да уж...

– Троя!

Накликала... Или мне уже мерещится голос экс-напарника? Чего ж он вопит-то так?

– Да стой же, идиотка!

Он, без вариантов. Не пережил мысли о разлуке без прощания? Вот же козел!

Я прибавила скорость, чтобы поскорее выскочить из перехода, куда Доран выбежал из бокового коридора. Всего-то пара сотен метров до стыковочного... Не переживу, если явился в слезах каяться. И это после того, как изгадил все хорошее, что было между нами.

– Стой, Троя!

Рывок за плечо, и готово – я отлетела к стене. Да твою ж маму!.. Он что, не наигрался в свои игры?

Злость мгновенно переплавилась в такую ярость, что я на полном серьезе вознамерилась на прощание оторвать экс-напарнику его островерхое ухо.

– Ты, отстойный рарк, – развернувшись, выплюнула в лицо с лютой ненавистью, – как у тебя совести хва...

– Тро, заткнись!

Что-то не так! Отчетливо поняла это, встретив его затравленный взгляд. То, как он рванул меня к себе, на миг притиснул к груди, чтобы тут же отшвырнуть к переборке и заговорить. Быстро, рвано, едва понятно...

– Времени нет объясняться. Просто знай: они вырвались. Эти твари... Тро, ты меня слышишь? – Тряхнул меня, ударив слегка затылком. – Очнись же! Амиоты на свободе!

Не дав ответить, стиснул ладонь рукой и потянул за собой, переходя на бег. Не противясь, силясь уразуметь выданную рарком обрывочную информацию, больше того – поверить в нее, безропотно следовала за ним. Да и бежал Дор туда же, куда стремилась и я – в стыковочный отсек.

Через пару секунд мы выскочили к нему через проход, который использовался для разгрузки прибывающих транспортников. Одна из дверей, перекрывающих проем, судорожно смыкалась и отъезжала в сторону, другая была зажата перевернутым силовым погрузчиком, а в

самом ангаре творился настоящий ад. Дым, скрежет, световые всполохи, сопровождающие звуки выстрелов, и военные, военные, военные... Как их много! Так все правда? Доран не шутил.

– Седьмой! Ты помнишь, что случилось в лаборатории, когда он тебя схватил? – Рарк, выбрав момент, когда дверь открылась, дернул в проем меня, застывшую при виде суматохи. – Тро, шевелись. Прошу тебя, не оглядывайся. Просто беги! Ты должна попасть на корабль и убраться с этого проклятого места. Не вмешивайся, поверь – ты ничего не сможешь сделать. Просто успе! И выживи.

Очередной мощный рывок, призванный придать мне ускорения. Цель – переходный шлюз. Я смотрела только на него, словно вдруг испугалась, что в столпотворении потеряю.

Мольбы Дорана, а он именно молил, отчаянно заклиная и ругая одновременно, оказали странный эффект. Я безоговорочно верила, как если бы последние полчаса бежала с ощущением настигающей угрозы. Словно предчувствовала, что меня по пятам преследует смерть.

Он ошибся: у меня напрочь отсутствовало намерение во что-то вмешиваться. Разум словно парализовало, заклинив на мысли – надо попасть на корабль. Толком ничего не понимая, видела только, что мир вокруг сошел с ума. И моя роль в этом помешательстве незначительна.

То, что настолько напугало рарка, заставило его спасать меня... За этим поступком было так много подспудного и ранее не сказанного. Столько значимого и все объясняющего. Но времени думать об этом, а уж тем более говорить, не было.

Доран волок меня за собой, двигаясь на пределе сил, так быстро, как никогда не бегал на тренировках. И я неслась, не чувствуя ног, порой едва касаясь пола, почти не осознавая происходящее.

Вспышки выстрелов, жар лучевых разрядов, кровь, крики, вопли – все слилось в вихрь безумия. До матово-прозрачных, мягко колыхающихся створок заветного шлюза не больше десяти метров, еще немного – и я у цели!

Доран вдруг остановился. Так резко и неожиданно, что я налетела на него и с силой впечаталась в спину экс-напарника. Правую часть тела пронзило болью, но я не закричала. Не смогла. Грудь сжало спазмом, когда увидела причину остановки. Преграждая путь, на расстоянии вытянутой руки от рарка стоял он. Седьмой. Тот амиот, что напал на меня в лаборатории. Узнала я его мгновенно.

Что? Как? Откуда? Множество вопросов, которые едва успевали возникать в голове, настолько молниеносным оказалось происходящее. Из-за шока видела все как в замедленной съемке, возможно, предсмертными образами запечатлевая в сознании каждый миг.

Безмолвный вопль в груди еще не оформился, когда ощутила, как Доран что-то вдавил в мою ладонь. Инстинктивно сжав руку, распознала привычную тяжесть энергоклинка – единственного оружия против амиотов. Посмотреть на него и убедиться я не могла, не в силах оторвать взгляд от огромного мужского силуэта с копной свалывшихся темных волос и прожигающим насквозь голодным взглядом сиреневых глаз.

– Спасись!

Вскрик Дора, одновременный толчок вперед и рывок другой его руки, которой он ухватил амиота за шею, стремясь поменять нас местами, оставить чудовище позади.

Скорость показалась запредельной – рарк превратил мое тело в снаряд, который едва ли не кубарем полетел вперед, в доли секунды миновав монстра.

Если бы!

В тот же миг сознание запечатлело перехваченное чужой ладонью горло Дорана, его тело, взмывшее в воздух по велению серокожей руки, ореол фиолетовой тени, окутавшей голову рарка. Пара сиплых хрипов, судорожная конвульсия... Все! Безжизненное тело экснапарника, с возмутительной легкостью потерявшего жизнь, упало на пол. И все это в ту крошечную часть мгновения, пока я проносила мимо чудовища.

Рассказы Дорана не лгали: амиоты – самое жуткое, что существует в нашей Вселенной. Во всем космосе!

И эти твари ненасытны – осознала, когда смертоносный фиолетовый туман развернулся передо мной, застывая взгляд и мешая дышать. Неужели это последнее, что увижу в жизни? Густой лиловый сумрак, в глубинах которого исчезнет и моя душа?

Заученным движением вскинув клинок, едва не заорала от боли – руку дернуло неведомой силой, выламывая, заставляя пальцы разжаться. Нет, не с моими возможностями противостоять чудовищу. Напрасно, все напрасно...

Сияющий яростью сиреневый взгляд словно отпечатался в душе под похоронный звон клинка, упавшего на металлическое покрытие пола. Мой реквием. Мой ужас.

– Не. Стану.

Внезапно удушливая мгла исчезла, позволив дышать, судорожно хватая ртом воздух. Напротив моего лица оказалось лицо монстра. На моих глазах темной щеки коснулся опаляющий луч лазера, и... след от ожога почти сразу зарубцевался, чтобы постепенно и вовсе исчезнуть в ритме движения губ.

Амиот говорил натужно, как если бы делал это впервые:

– Быстро. Не. Интересно. Хочу. Насладиться.

Мое тело словно былинка взмыло вверх. Твердая, будто облаченная в прочнейшую броню рука перехватила поперек груди, удерживая на весу, моя спина оказалась прижата к груди чудовища. Грудь, где совершенно размеренно билось его сердце...

Падающие тела вокруг, снова и снова... Ими был устлан наш путь. Выстрелы, вспышки, хлопки, крики и запах крови – все стало безликим фоном. В следующий свой вдох я вместе с монстром нырнула в проем стыковочного шлюза.

Добралась...

Боли телесной, притом что в плечо прилетело отголоском удара лазером, не повредившего тело амиота, было не сравниться с безумием душевных мук. Все вокруг умерли или умрут в ближайшие мгновения. А я... стала билетом для чудовища, невольно указав ему путь к свободе. Им – исправилась, переведя взгляд и обнаружив позади других амиотов. И... других пленников.

Недавние подопытные, вырвавшиеся из клеток, тащили по меньшей мере троих. Все воспринималось едва ли осознанно – я сама чуть ли не умирала от ужаса. Крепкая рука захватившего меня амиота, сдавившая тело и не оставляющая мыслей о побеге, стала чем-то сродни оковам. Удушливый страх и чувство абсолютной незащитности сдавили грудь: я понимала, что ничего хорошего случиться уже не может.

Не после того, как увидела, с какой стремительной ловкостью Седьмой убил Дорана. Крепкого как бык рарка с огромным боевым опытом за плечами, выжившего в прошлое столкновение с этими чудовищами. Однако для амиота справиться с ним оказалось не

сложнее, чем раздавить букашку. И это заставляло волосы на голове шевелиться от ужаса!

Ведь мы все сопричастны к появлению монстров. Они уже не те, с кем воевал Дор. Совсем не те... Они продвинутые! Неуязвимые! Еще более чудовищные, пусть сравнивать мне не с чем, но увиденного я не забуду до конца жизни, какой бы короткой она ни оказалась.

Только бы не мучили!

В глубине души я уже приняла неизбежное – собственную гибель. И ощущение близости тела Седьмого неизбежность усиливало. Такое спокойствие и невозмутимость! Он двигался ровно, четко представляя свой следующий шаг, дышал глубоко и спокойно – так, должно быть, вела бы себя я, шагая с подносом вкусной еды к столу и предвкушая чудесный ужин. Как горько закончить жизнь в качестве аналога томата, безжалостно переваренного организмом чудовища. Почему я? Риторический вопрос.

Ужас и смирение со смертью отупляют. Вот и я наверняка пустым и лишенным осмысленности взглядом смотрела вокруг, безвольно болтаясь в руках своего преследователя. Того, с кем у меня давний счет.

На других пленников смотрела без малейшего облегчения, мысль, что не мне одной уготована участь деликатеса, успокоения не вызывала. Узнала троицу из экипажа крейсера, сознание отрешенно поставило галочку, принимая как факт. Одного из них я знала по имени – Игерь, штурман, приходивший ко мне в лазарет. Впрочем, события недавних дней казались прошлой жизнью. Мир разделился на до и после побега чудовищ.

Выпученные глаза, разинутый в безмолвном крике рот, спутанные, покрытые гарью волосы... Со стороны я наверняка выгляжу так же. Но сочувствия не было – все разумное и человеческое во мне убил ужас. Я вообще ничего не чувствовала.

Мужчину, как и меня, перехватив поперек груди, нес амиот не менее жуткий, чем Седьмой. Возможно, они прихватили кого-то еще, а может, и нет. Я была не в том состоянии, чтобы анализировать и размышлять над происходящим.

В любом случае, кроме нас четверых, в рубке управления транспортника, до которой амиоты добрались за считанные секунды, членов экипажа не было. Они наверняка встали на защиту крейсера

наравне с военными, а если кто и остался внутри... Вновь словно воочию увидела последний миг жизни Дорана. И содрогнулась, понимая, насколько жалкими кажутся теперь все прежние страхи и переживания.

– Сидеть. Здесь.

Сбросив меня на одно из кресел, предназначенных для пилотов, и придавив плечо рукой, удерживая в неподвижности, Седьмой развернулся, осматриваясь.

Я видела его профиль, жесткие, словно рубленые черты: полные, плотно сжатые потрескавшиеся губы, крупный нос, грубую линию подбородка, лишенного волос. Это лицо сейчас казалось ликом статуи. На нем жили лишь глаза – яркие, жуткие, буквально сканирующие все вокруг и оттого такие сияющие...

Передо мной был монстр. Настоящий. Не знающий жалости. Не признающий преград. Не останавливающийся ни перед чем.

И он такой не один!

Поступив с другими пленниками так же, как Седьмой со мной, амиоты двигались в непонятном ритме. Молча перемещались по рубке, сменяя друг друга, исчезали в распахнутом проеме шлюза, снова появлялись...

Наверное, это длилось несколько минут, но мне казалось, прошли часы.

– Ты! – неожиданно резко ожил Седьмой, до того сохранявший неподвижность.

Давление его руки ослабло, она исчезла с моего плеча, и я вздрогнула. Однако, посмотрев на лицо амиота, догадалась – восклицание предназначалось не мне. Сиреневые глаза монстра с устрашающим вниманием изучали Игеря, губы нехотя и как-то натужно шевельнулись, исторгая:

– Место. Где. Пилот.

Штурман, за спиной которого находился другой амиот – кажется, Третий, я видела его на первом спарринге – нервно дернулся. Оглянулся затравленно, словно не веря, что вопрос задан ему.

– Я не пилот! – судорожно выдохнул мужчина и заскулил от приступа паники, едва на его затылок легла мощная когтистая серокожая рука Третьего, сгребая за волосы и дергая вверх, заставляя подняться.

– Слышал. Тебя. Другое. Говорил. Ей.

Теперь заскулила я, впечатанная в сиденье повторным ударом по плечу, в смятении от непонимания – как?! Что он твердит? В ступоре, порожденном ужасом, мозг работал избирательно – в памяти мгновенно пронеслись обе недолгие встречи в лазарете с этим мужчиной. Амиот сказал, что слышал, но... Он не присутствовал ни при одной из них, более того, был далеко, сидел в камере в нижнем секторе станции, усиленном для содержания пленных. Как он мог слышать, о чем мы говорили наедине? В напрашивающийся ответ боялась поверить.

Что они вообще такое, эти амиоты?!

– Где. Твое м-место. Займи, – жестко повторил Седьмой. – Корабль. Надо. Увести.

Было заметно, что речь дается ему с огромным трудом, словно он использовал ее впервые. Но уже четвертая произнесенная при мне фраза звучала увереннее. Пример поразительной обучаемости? Еще одна наглядная демонстрация превосходства...

Вновь вспомнила последний хрип Дорана.

О чем я вообще? Мы все виноваты! Все невольно участвовали в совершенствовании амиотов! Пришло время платить за ошибки. Безмолвное смирение – я пожинаю его плоды. Как горько...

– Никогда! – заорал Игерь, извиваясь в захвате сильных пальцев Третьего, по-прежнему сжимавшего его волосы. Штурман осознал требование напавших, но думал при этом совсем о другом, нежели я. – Вы – покойники! И мы – покойники! Едва отчалите, по нам дадут общий залп и сожгут ко всем чертям. Так какой смысл?.. – захрипел, когда вторая рука амиота сдавила его горло, и рухнул в кресло, хватаясь за грудь, судорожно дыша и откашливаясь.

Третий его отпустил. Я не сразу поняла почему. Как и не сразу заметила, что Седьмого больше нет рядом со мной. Он так же быстро, как в ангаре, скользнул к штурману и теперь нависал над ним, вжавшимся в сиденье.

– Думать. Подчиняться, – холодно отчеканил амиот. – А если нет...

Отступил, оглядываясь, и, будто среагировав на безмолвный приказ, еще один монстр легким движением выдернул из соседнего кресла не самого шуплого мужчину в рабочей униформе – одного из

пленных, захваченных живыми. Одной рукой за шкирку поднял над полом, словно тот ничего не весил, перехватил другой и...

Я думала, что снова увижу фиолетовую тень, вытягивающую жизнь из брэнного тела. Отнюдь. В арсенале чудовищных созданий оказалось куда больше отвратительных способов устрашения.

Душераздирающий крик боли заполнил рубку, заставив меня судорожно зажать ладонями уши и зажмуриться. Видеть, как безвольно повисает медленно выдернутая из сустава рука, оказалось выше моих сил.

– Хочешь быть... на его... месте? – Не видела, но все равно слышала гортанный голос Седьмого, отстраненный и невозмутимый, добавляющий ужаса ситуации. Неужели мы все, кого амиоты оставили в живых, скоро позавидуем мертвым? – Мучения... Обещаю. Легкой смерти. Не будет. Если останемся. Залп... Мгновенная смерть? Ты. Ее. Предпочтешь? Для себя. И других. Решай. – Амиот неспешно обернулся, ткнув в меня рукой. – Следующая она. Буду на спине сдирать. Кожу. Начинаю?

Завизжала, даже не осознав этого поначалу. Сипло, из последних сил – больше всего визг походил на монотонную трель звонка. Что кричу, поняла, лишь встретившись взглядом с ошалевшими глазами штурмана. Словно все органы чувств атрофировались – слух, обоняние. Ничего не осознавала, а тело окаменело, перестав ощущаться. Предвестие невыносимой боли?

Сиреневые глаза Седьмого смотрели спокойно, даже изучающе. Его спокойствие и интерес ужасали. Я не выдержу. Кажется, к тому же выводу пришел член экипажа, которому по злому року судьбы пришлось в голову разболтать мне о своих навыках. Наблюдение за чужой болью – мощный стимул. И штурман обреченно стиснул зубы, сделав нужный амиотам выбор.

«И пусть, – мысленно заклинала совесть, испытав сравнимое с воскрешением облегчение, едва поняла, что Игеря сломили. – Мы все одно погибнем. Ведь транспортник уничтожат, едва он отстыкуется от станции. Уж лучше так, чем...»

Бледный, на шатающихся ногах штурман добрал до передней панели. Остальные члены экипажа сидели с не менее бледными лицами – кто отводил взгляд, кто просто смежил веки, силясь пережить миг ужаса. Трясущимися руками Игерь надел шлем и

принялся активировать системы, но внезапно замер, словно наткнувшись на препятствие. Обернулся и растерянно развел руками, боясь поднять взгляд на похитителей.

– Я не смогу отчалить. С-стыковочный узел з-заклинило.

Каких действий он ожидал в ответ? Да и мы... Собственных мук, вызванных яростью и бессилием недавних подопытных? Вероятно. Однако голос Седьмого по-прежнему звучал ровно:

– Знаю. Тебе – готовить корабль. И ждать. Сигнал. Дам.

Наступившая тишина лучше всяких слов выразила общее потрясение. Неловко развернувшись к панели управления, штурман трясущимися руками принялся вновь что-то там активировать. Поверил ли он словам амиота? А мы все? Ведь если они реальны... как быстро монстры освоятся в наших технологиях, столь презираемых ими?

Инстинктивно облизала сухие губы. Неужели мы присутствуем при зарождении апокалипсиса для Вселенной? Бомба с неизвестным механизмом запустилась – наши ученые из жутких фантомов создали нечто несоизмеримо более кошмарное. Физическое воплощение вселенского ужаса. Разумное, бесчувственное, совершенное и самообучаемое воплощение.

Что именно скрывалось за словами Седьмого? Наблюдая за ним из-под полуприкрытых век, страшилась оторвать взгляд хоть на миг и пропустить... нападение? Когда, как он и сказал, придет мой черед «послужить» их интересам. Внешне амиот походил на статую – замер, уставившись своими странными глазами в пространство, перестав обращать внимание на происходящее вокруг.

В голове вновь мелькнула закравшаяся прежде мысль. Как он делал это прежде? Дистанционно. «Слышал», как Игерь разболтал мне о своих умениях. Пусть в сознании укладывалось плохо, но, вероятно, это норма для существ, привычных к бестелесному существованию. Что, если здесь лишь тело амиота, а упрятанная в его недра чудовищная суть бродит где-то, подобно неприкаянному духу? Всегда ли это сопровождается фиолетовым туманом? Выходит, и во время нашей болтовни в лазарете инопланетное злое «привидение» было рядом? Или все куда хуже, и возможности амиотов предполагают нечто, что мне даже в голову не приходит? Телекинез? Какие-то ментальные способности? Возможность раздваиваться, незримо

присутствуя сразу в нескольких местах? И сейчас тело монстра здесь, а его фантомные сущности?.. Где? И чем заняты?

Продолжают уничтожать защитников станции, обеспечивая безопасный отлет? Или, каким-то неведомым образом влияя на созданные нами механизмы, чинят поврежденные узлы транспортника и стыковочного механизма? Это вообще возможно?! Впрочем, если исходить из слухов, что амиоты поглощали целые планеты и космические станции, у этих существ иное восприятие.

Невольно тряхнув головой, прогнала совсем уж дикие мысли. Я всерьез размышляла о том, что Седьмой исправит ущерб, намеренно нанесенный обитателями станции стыковочному узлу? Или, наоборот, не даст работать системам, призванным помешать отлету?

Заметив быстрый нервный взгляд штурмана в сторону Седьмого, вдруг заподозрила, что он размышляет о том же: есть ли у подопытных возможность обеспечить свой побег.

Стараясь не думать, что монстры всеильны, как мифические боги, обратила внимание на странность – в рубке управления стало тесно. За последние минуты сюда ввалилось столько амиотов, что я аж задохнулась. Многие из них держали на руках... тела?

Казалось, в помещении перестало хватать воздуха, а вместе с монстрами нахлынула и новая волна запахов. Знакомых и чужих, привычных и нервирующих. Потных тел, гари, жженого мяса, медикаментов и дезинфектантов, знакомых по посещениям лабораторного сектора.

Ощущение тесноты усугубила практически у моих ног уложенная на пол ноша одного из амиотов. Инстинктивно поджав ноги, перевела взгляд на тело внизу. Еще один несчастный, приготовленный на «ужин»? Мелькнувшая мысль исчезла, едва я поняла, что это один из бывших подопытных. Только без сознания и...

Боги!

Внимательнее всмотрелась в очертания фигуры – крепкой, массивной, но имеющей заметные выпуклости там, где у мужчин их точно быть не должно. Женщина?! Женская особь?

«Секс они там имитировали... самки-амиотки... не полюбили друг друга...» – как наяву услышала голос Дорана, с изрядной долей насмешки отзывавшегося о тех, кого сейчас видели мои собственные глаза.

Прежде заслоненные захватом фантомной руки, всплыли и другие воспоминания. Экран с подкрашенными голубым и розовым цветом клетками, процесс поглощения одних другими... Позже напарник намекнул, что эксперимент в тот день касался репродуктивных функций – попытки искусственного оплодотворения. Неудачный эксперимент... Ха!

Едва не застонала в голос, припомнив, что восприняла эту информацию крайне беспечно и поверхностно. Ну самки и самки. Но теперь... Теперь я совершенно иначе смотрела на страшный результат жуткого эксперимента по наделению амиотов физическими телами.

Разнополые!

Мысль, что ученые дали монстрам возможность размножаться в физическом воплощении, ужасала. Да, в тот день рарк сказал, что у них ничего не вышло, но... Когда это было? Три недели назад! За это время многое могло измениться.

– Начинай. Разгон.

Неожиданный громкий приказ Седьмого совпал со скрежетом и мощным толчком, тело сдержали только фиксирующие ремни сиденья. Я моментально забыла о женщине-амиотке и, бросив затравленный взгляд на обзорный экран, где до этого наблюдалась лишь гладкая стена швартовного узла, увидела другую картину.

Внешний обод станции, к которому причаливали транспортники, постепенно отдалялся. Выглядел он своеобразно. Выступающие «лапки» механизма для фиксации кораблей изломаны, одна повисла в неестественном положении на вырванных крепежах, другая медленно вращалась на единственном удерживающем ее тросе. Створки, закрывающие стыковочный шлюз, покорежены, словно их изнутри выдавило взрывной волной, а в глубине раскрытого зева до сих пор виднелись световые зарницы.

Это случилось! Седьмой оказался прав. Каким бы ни был неведомый способ, но амиоты сделали так, что корабль сумел отстыковаться от станции. Мало того, они явно позаботились и о безопасности отлета. Ударная волна, по поводу природы которой я могла лишь строить предположения, накрыла стыковочный отсек и вывела из строя внешний обод станции с нашей стороны. По крайней мере движения защитных орудий я не видела, они мертвыми

застывшими стволами грозили открытому космосу, а не убегающим на грузовом транспортнике пленникам.

Невероятно! Нас так и отпустят? Не будет заключительного смертоносного залпа?

Игерь, как и другие члены экипажа космического грузовика, пялился на внешние экраны таким же неверящим взглядом. Не знаю, сколько длился ступор, опомниться заставило прикосновение к ноге: находясь в напряжении, отсчитывая секунды и гадая, будут ли попытки со стороны станции уничтожить транспортник, а с ним и нас, я действительно ужасно испугалась, когда кто-то резко стиснул лодыжку.

От неожиданности завопила, заставив всех – и амиотов, и пленников – обернуться в моем направлении.

Но последствия напугали еще больше.

Прежде чем звуки слетели с моих губ и все повернули головы, рядом оказался Седьмой. Он замер напротив и уставился с высоты своего немалого роста, вытянув шею и глядя... Вопросительно?

Ик.

А руки?.. Руки амиота сжимали мои плечи!

Ну все, докричалась. Прямо сейчас меня, подобно Дорану, выпьют до последней капли жизни. Закрыла глаза, крепко смежив веки. Ужас сдавил грудь – дышать стало трудно.

– Надо. Сдержаться.

Не понимая, к кому обращены слова, осторожно посмотрела на амиота. Неизменная тишина настораживала, пугающий монстр все так же стоял рядом, но держал уже не меня, а... двух братьев, выглядевших столь свирепыми, как если бы миг назад намеревались кинуться друг на друга.

Все случилось почти молниеносно, я буквально читала это во взглядах недавних членов экипажа транспортника – забыв о наблюдении за экранами, они настороженно уставились на нас, не ожидая ничего хорошего.

Шевеление на полу внесло ясность, я вспомнила о причине испуга. Амиотка! Она как-то странно раскачивалась, с хаотичной беспорядочностью шевеля руками. То хватала воздух, то тянулась ко мне, то приобнимала себя за плечи... Или ощупывала тело?

– Пугаете, – вмешался еще один великан-амиот, обращаясь к двоим собратьям, непонятно почему потерявшим контроль над собой.

Присев рядом с женщиной, пристально уставился на нее. Не сразу, но она тоже развернулась в его направлении, словно прислушиваясь.

Они общаются без слов? Логично! Они бывшие фантомы, к чему им была речь.

Угрожающее рычание заставило нервно дернуться. Стараясь сжаться, я силилась отодвинуться как можно дальше от парочки амиотов, вновь проявивших признаки агрессии, причем направленной друг на друга!

– Успокойтесь. Контролируйте себя, – голос Седьмого звучал спокойно и повелительно, а руки все так же удерживали собратьев, не позволяя схлестнуться или толкнуть меня.

Но еще более странным показалось выражение лица монстра, казалось, он удивлен.

Бросила взгляд вокруг. Они все поражены. Бывшие подопытные, набившиеся в рубку, настолько шокированы поведением двоих соплеменников, что это отражалось на их лицах. А пленники, подобно мне, едва дышали, стараясь вести себя неприметно. Неужели бунт в рядах сбежавших?

– Уууууоооозззз... Риш... Риш... я...

Амиотка на полу снова затряслась, еще и заскулив. Или зашипев?

Седьмой, продолжавший служить щитом между двумя слетевшими с катушек амиотами, обменялся долгим взглядом с Третьим – именно он присел рядом с самкой, вероятно, послужив причиной всплеска недовольства смутьянов.

– Не отзывается, – вдруг проговорил Третий вслух.

– Да, – кивнул Седьмой. – Не понимает.

– Риш. Женщина? Что нам с ним теперь. Делать?

Казалось, что я половину их разговора не слышу, столь непонятны были брошенные отрывочные фразы. Но на самку амиотов диалог неожиданно произвел успокаивающее действие. Она перестала скулить и дергаться, подняла голову, хотя и не сразу, но смогла сфокусировать взгляд на Седьмом.

– Отлично, Риш. Не срывайся. Разберемся. Просто жди. И учись. Управляй оболочкой.

Самка вдруг резко мотнулась ко мне, напугав до икоты, но коснуться не успела – Седьмой с какой-то запредельной скоростью умудрился отшвырнуть забияк в разные стороны и перехватить конечность до того, как острые когти впились в мое тело.

– Моя. Добыча.

Вот и все пояснение, каким бы жутким оно ни было. Выходит, я не просто еда, я собственность монстра. И делиться он не намерен.

Почему с самкой – первой из представительниц слабого пола у амиотов, увиденной мной, он пытается разговаривать вслух? Возможно, женщина не слышит мысленного общения? Риш – ее имя?

– Соберитесь, – обратился Седьмой ко всем, оттеснив от меня амиотку и передав ее Третьему. За этим пристально следили те двое, что ранее повели себя странно. – Угроза сохраняется. Отвлекаетесь. Зря.

Его слова, кому бы они ни предназначались, возымели действие и на меня. Станция!

Взгляд метнулся к внешним экранам: мы отделились? Не могли же ее обитатели смириться с побегом! Так и есть. Амиоты не учли готовность военных на все, лишь бы остановить их. Возможно, бессмысленного, вероятно, безуспешного и стопроцентно самоубийственного стремления бороться до последнего. А потому, несмотря на явные повреждения орудий станции, в бой рванули относительно безобидные, мало приспособленные для боевых действий летательные капсулы, предназначенные лишь для выхода в открытый космос и использования при ремонтных работах.

Сейчас же вылетающие из раскрытых технических люков аппараты стремительно шли на таран транспортника. Насколько же важным для обитателей станции стал вопрос уничтожения пленных, если они осознанно рисковали собой, бомбардируя корабль?!

Скорость реактивных капсул пока была выше, чем у медленно разгоняющегося крейсера, а потому, когда первый «камикадзе» настиг нас, на него обрушилась огненная лавина, затопив рубку управления невыносимым свечением. Взрывы были сильными, но вся их мощь пришлась на внешнюю обшивку – капсулы взрывались на подлете, а не при соприкосновении. Немыслимое чудо!

Именно это спасло транспортный крейсер от разрушения – прямого попадания такого боезапаса корпус не выдержал бы. Однако

отдача от взрывной волны прошла по кораблю, основательно встряхнув и его, и всех находящихся внутри.

Ослепленная, дезориентированная, я даже за подлокотники схватиться не успела, как непреодолимая сила, разорвав фиксирующие ремни, выдернула меня из кресла и бросила... Я инстинктивно ожидала удара – о переборку, пол, другое кресло, неосознанно готовилась к боли: переломы – норма в таких ситуациях. Однако на пути ударной волны, способной превратить тело в месиво из костей и плоти, возникло нечто... Что-то не менее сильное успело перехватить меня, удержать и не позволить покалечиться.

Рефлекторно уцепилась в спасительную мощь, не думая, не анализируя, не контролируя себя. Над всем довлела жажда выжить, сейчас я ухватилась бы и за дьявола. Впрочем, он и был им. Так молниеносно оказался рядом?

Лишь сумев сделать вдох и придя в себя, поняла – меня поймал Седьмой. Это в его плечи я впилась своими мягкими и хилыми на фоне могучего тела пальчиками, его плоть стала спасительной подушкой, избавив меня от смертоносного соприкосновения с металлом обшивки.

– Ссс... – что-то более вмятное выдавить, как ни силилась, не смогла.

А Седьмой с энтузиазмом исследователя вновь всмотрелся в мое лицо. Что он видел? Безднадежность и облегчение одновременно?

Судорожно отвела взгляд.

Всех словно скосило. На стене виднелось кровавое пятно. Кого-то из пленников тоже не удержали ремни? А на полу, поддерживая амиотку, оказались уже трое – та же парочка сцепившихся и Третий. Каждый из них глухо порывивал, пытаюсь отпихнуть руки друг друга от тела женщины.

Взвыла сирена – системы корабля среагировали на угрозу. За первой волной идущих на таран капсул пришла вторая. Обитатели станции делали все, чтобы уничтожить транспортник. В первый раз нам невероятно повезло, что капсулы странным образом взорвались на подлете, однако кораблю серьезно досталось даже от отголоска взрыва.

Седьмой – один из немногих, оставшихся стоять на ногах, одной рукой удерживал меня, другой, растопырив ладонь, вжался в переборку. Сила его была так велика, что прочный материал

прогнулся, словно картон. Впрочем, не меньшее усилие отражалось и на лице амиота, переставшем быть маской. На меня он уже не смотрел. Даже о беспомощной самке все забыли, застыв в предчувствии стремительно приближающейся смерти.

Мой взгляд выхватил трясущиеся мелкой дрожью руки Игеря – он суетливо старался ускорить разгон. Но что такое неповоротливый грузовой гигант в сравнении с маневренными реактивными капсулами?..

К монстрам пришло понимание: их намерены остановить любой ценой. Понимала это и я, и наверняка другие пленные – пусть не так, как ожидалось, но смертоносный залп все же состоится. И, кажется, амиотам нечего ему противопоставить.

Осознавая, что это вероятный конец, подняла глаза на убийцу напарника: рарк все же будет отомщен. Все мы будем...

Сведенные к переносице брови, приподнятая верхняя губа Седьмого, обнажившиеся белые зубы и взгляд... Он словно смотрел за пределы корабля – дальше, намного дальше!

Я тоже смотрела. На обзорный экран. В глазах еще плясали огненные блики, но они не мешали видеть, как неумолимо и синхронно приближаются три капсулы. Меня разрывали два противоположных желания: чтобы они промахнулись, взорвались раньше времени и... чтобы все же достигли цели, покончив уже с этим кошмаром.

– Что, съели? Думали, победили? – неожиданно заорал один из пленных, до этого никак себя не проявлявший. Остальные подавленно молчали – картина боя изменилась в один миг. Скорость транспортного недостаточна, он легкая мишень и слишком близко. – Фиг вам, а не свобода...

Последними словами мужчина словно подавился. Корабль пронзила мелкая дрожь, от обшивки отделилась мутная пелена силового защитного поля и рванула навстречу смертоносным «подаркам». Все столпившиеся в рубке с одинаковым недоумением наблюдали это зрелище на информационных экранах.

Что произойдет? Вопрос одолевал каждого из нас.

Неожиданно ответы нашлись. Пелена остановила капсулы, послужив барьером, заставившим заряды, которыми они были начинены, сдетонировать.

Хлопок. Еще и еще...

Несколько одновременных разрушительных взрывов не нанесли кораблю никаких повреждений. Он, словно в окутывающем коконе непонятого тумана, был в безопасности. Благодаря...

Невольно перевела взгляд на Игеря, ведь только он мог включить систему аварийной защиты. Это же она? Специфику устройства космических грузовиков я не знала – что, если их оснащают чем-то подобным, совершенно невероятным?..

Однако мало того, что штурмана я обнаружила сидящим на полу, а не в кресле, так еще и выражение его лица яснее ясного говорило – не он это сделал. Во взгляде сквозило аналогичное моему недоумение. Тогда кто? И что это за туман? Это же что-то материальное? Неужели?..

Каким-то глубинным наитием я уловила связь между напряженным состоянием удерживающего меня Седьмого и работавшей защитой. Получается, дьявол действительно может управлять системами и механизмами дистанционно! Это их фантомные фокусы?

– Продолжай, пилот. Кораблю нужно правильное направление, – приказал бесстрастный голос над моей головой, а Третий, вынырнувший откуда-то сбоку, навис над несчастным штурманом, придав убедительности словам очевидного лидера амиотов.

«Не хочешь – заставим» – читалось в выразительной позе недавнего пленника.

– Это ничего не даст! – взвыл Игерь, словно очнувшись. Сплюывая кровь и вцепившись руками в каркас конструкции, вознамерился забраться на сиденье. Получилось со второй попытки – руки и ноги мужчины тряслись. Как и голос, в котором слышались истерические нотки. – У крейсера низкий потенциал разгона, это же транспортник! Он даже до границ этой системы не дотянет! Сигнал SOS уже послан по всем ближайшим планетам. Скоро придет подмога, вас в порошок сотрут!

И нас заодно... Впрочем, кого волнуют наши жизни? Все это я мысленно отмечала, но как-то безразлично, в лапах чудовища ощущая себя как никогда обреченной.

– Не. Твое. Дело. Выполняй, – отрывисто припечатал Седьмой.

Перехватил меня удобнее, оторвав от пола. Подошел к другой панели управления, присматриваясь к мерцанию активных датчиков. Коснулся, словно погладив поверхность консоли, и замер, будто задумался.

Я ему не мешала, безвольной куклой обмякнув в сильных руках. Не в том смысле, что боялась пошевелиться, хотя в этом была изрядная доля истины: тело словно онемело, парализованное предчувствием расправы. Нет, я не мешала Седьмому в буквальном смысле, он просто не замечал веса моего тела. Так ребенок между делом таскает любимую игрушку, с которой не хочет расставаться.

Мне ничего не оставалось, кроме как смириться с неудобным положением. Все лучше, чем смерть. Не имеющие опоры ноги нелепо болтались, дышать было трудно – перехватившая поперек груди рука давила, сжимая тело тисками, но ничто из этого не заставило бы меня шевелиться. Все стерплю, лишь бы не напоминать о себе, – билась единственная мысль в голове. Жить хотелось отчаянно и вопреки всему!

Что стало с другими пленниками амиотов? Те, кого не удержали крепления, – погибли, кто-то, подобно Игерю, сильно ударился, другие отделались испугом. Но бросаться на помощь или хотя бы окликнуть друг друга не пытался никто. Возможно, подобно мне, думали, что гибель неизбежна, и вопреки всему отчаянно желали выжить.

А монстры, наоборот, едва ударная волна угасла, активно задвигались, поднимаясь с пола, перемещаясь по рубке, и принялись помогать себе подобным. Даже среди амиотов не все оказались такими стойкими, как мой преследователь. Или они хуже контролировали новообретенные тела?

Та женщина, что прежде лежала у моих ног, сейчас сидела, бестолково вертя головой и покачиваясь, словно от слабости. Рядом с ней на колени опустился амиот из числа тех, кто чувствовал себя уверенно. Он осторожно положил руки ей на плечи и молча пытался поймать расфокусированный взгляд. Рядом, с необъяснимой напряженностью наблюдая за ними, замерла парочка, недавно едва не подравшаяся из-за внимания «дамы».

Неподвижным по-прежнему оставался лишь Седьмой. Не знаю, чем ему так приглянулась консоль, но свободной руки он от нее не отнимал. Мне показалось, в его груди заклокотало что-то

низкочастотное, похожее на мурлыкание, – довольное, умиротворяющее... Что это могло значить?

Гадать можно было бы долго, только амиот сам ответил на мой безмолвный вопрос.

– Синхронизация. Двигатель любит энергию. Как и я.

Я вздрогнула и вывернула шею, чтобы встретиться своим наверняка ошалелым взглядом с сиреневым сиянием глаз чудовища. Задохнулась, осознав, что это не совпадение, он на самом деле ответил *мне*, чем потряс до глубины души: каждый миг плена я ожидала гибели, подобной смерти экс-напарника, вместо этого амиот со мной заговорил!

Зачем? Как? Словно мои мысли прочел, я же не произнесла вслух ни слова!

Ответов не было. Мой пленитель больше ничего не сказал, а его взгляд ушел в сторону – объектом интереса Седьмого вновь стал Игерь.

– Теперь скорость достаточна? – равнодушно поинтересовался амиот. Едва штурман кивнул, потрясенно взирая на столбики устремившихся вверх контрольных показателей, продолжил: – Как скоро ты запустишь *другой* двигатель?

Другой... Ведь у крейсера два способа движения! Сейчас мы летим на обычных маршевых, или, как их проще называют, планетарных двигателях. Они хороши в обычном пространстве, внутри звездных систем, для полетов между планетами. Однако межзвездные расстояния, куда более масштабные, требуют иного принципа движения – через тонкую структуру подпространства – и работы иного типа двигателя, плазменного.

– Мне... – штурман хрипло закашлялся, не то в растерянности, не то от страха, – координаты нужны. Без них...

– Любые, – бесстрастно перебил амиот. – Сейчас нет точной цели. Просто уйти. Потом изменим.

– Во время погружения сменить направление не выйдет, – авторитетно бросил Игерь и тут же вжался в кресло, жалея о своей реплике.

Опомнился, что только что лично наблюдал невозможное? Хотя реальных причин для такой реакции не было: Третий на его заявление не отреагировал, а Седьмой...

– Не важно, – отмахнулся, как от мухи, и повторил вопрос: – Когда?

– Через шесть часов. Нам требуется не только высокая скорость, нужно выйти в околозвездное пространство.

Не поняла, устроил такой ответ амиота или нет. Внешне спокойный, он отвернулся и направился к креслам, что чудом остались прикрепленными к полу. Меня, словно невесомую, так и нес с собой, придерживая рукой.

Едва амиот развернулся, в поле моего зрения попал Игерь. Злость в карих глазах штурмана и кривую усмешку-гримасу на лице увидеть не ожидала. Он... блефовал?! Специально назвал больший срок, чтобы успел появиться вызванный на подмогу флот? Это ловушка?!

Мысль странно совпала с резкой остановкой амиота. Седьмой словно споткнулся, хотя пол был ровным, оглянулся на Игеря, перевел взгляд на меня и неожиданно отпустил.

Лишенная опоры, я рухнула на жесткое покрытие. Невольно зашипела от боли, прострелившей колени, и охнула – это амиот тут же исправил свою оплошность, мгновенно дернув мое тело вверх и поставив на ноги. Подтолкнул к свободному креслу, приказав: «Сядь». И исчез. То есть ушел из рубки, оставив меня в недоумении – то ли он так ничего и не понял, то ли, наоборот, очень хорошо понял и потому решил что-то предпринять. Но что? Осмотреть корабль? Вряд ли знает все его ресурсы, вот и хочет понять, что можно сделать.

Устроилась, пристегнулась, попутно размышляя и настороженно поглядывая на занятых какими-то своими непонятными делами амиотов. Кто-то разминался, словно впервые пробуя возможности тела. Кто-то, подобно Седьмому, оглаживал ладонями настенные панели. Кто-то переговаривался – не всегда членораздельно, но, несомненно, разумно. Кто-то внимательно рассматривал «добычу» – не только издали, но и вблизи, склонившись над сжавшимися от ужаса пленниками и хищно щупая их волосы, руки, ноги...

К счастью, ко мне больше никто не подходил. Видимо, авторитет Седьмого, заявившего на меня права, был незыблем. В некоторой степени это радовало. Хоть в чем-то мне нечего опасаться. Напряжение последних часов и так было запредельным, казалось, еще немного – и я не выдержу, сойду с ума.

Да, станция осталась позади, прямая угроза миновала. Однако в глубине измученного страхом и ожиданием расправы сознания билось: это временно. Сообщение о побеге наверняка послано. Чтобы отреагировать, военным много не потребуется, не пройдут и сутки, как у нас на хвосте будут самые грозные крейсера, входящие в состав космического флота Конфедерации. Что смогут противопоставить им завладевшие грузовым транспортником амиоты? Ничего. Здесь нет оружия! Так что мы погибнем. Но не прямо сейчас...

Последняя мысль удивительным образом принесла облегчение. Накатила слабость, даже сонливость, заставившая закрыть глаза вопреки обстоятельствам и пережитому колоссальному напряжению. Вздохнув, я обмякла, позволив одеревеневшим мышцам расслабиться.

Очнувшись от странного звука. Вскрика? Скулежа? Стона?

Глаза скользнули по рубке управления. На первый взгляд в переполненном помещении никто не шумел. Пленники устало безмолвствовали, обреченно вжавшись в кресла или прислонившись к стенам. Амиоты вели себя по-разному. Лежавшие на полу вяло трепыхались, другие деловито осваивались, бесшумно перемещаясь и шаг за шагом исследуя новую для себя обстановку – панели управления, скрытые в стенах механизмы, словно коллективно, не сговариваясь, решили разобраться в устройстве звездолета. Заподозрив невероятную обучаемость недавних подопытных, об этом я думала уже с долей смирения.

Новый стон заставил вздрогнуть. Теперь определить источник звука труда не составило – амиотка! К ней тут же метнулись двое ее собратьев и, отталкивая друг друга и огрызаясь, пытались дотронуться до несчастной. Желали ободрить? Успокоить? Или в основе их действий лежал иной смысл?

Я не понимала. Видимо, как и женщина, которая точно не стремилась к контакту. Раскачивалась, отклонялась, шарилась руками по своему телу, большей частью по животу, и поджимала ноги под себя. Если прибавить к этому резкие вскрики...

С ней точно что-то неладно! Она страдает от боли, но ни объяснить, ни сказать не в состоянии. Живот болит? Вероятно. Кто знает, что делали с амиоткой в лаборатории? Не просто же так женских особей держали отдельно!

А эти только зря дергают ее, добавляя хлопот...

Подобно остальным пленным, я сидела тихо, наблюдая за суетливой компанией и анализируя их странное по сравнению с другими амиотами поведение. Никто больше к этой самочке не кидался, с чего тогда у этих двоих такой интерес? Хотят привлечь ее внимание и не понимают, как это сделать? Ведут себя так, словно готовы биться не на жизнь, а на смерть. Нашли время!

Вспомнились обсуждения коллег. Об амиотах говорили, как о бесчувственных, лишенных привязанностей тварях. Что же тогда я наблюдаю? Взаимные отталкивания больше всего походят на своеобразные брачные игры. Странно... Такие страсти и в таких условиях?

– Объясни. Им, – внезапно приказал Седьмой, обернувшись и вперив в меня свой жуткий взгляд.

Он не сдвинулся с места, по-прежнему стоял метрах в пяти у одного из экранов системы управления, но у меня возникло ощущение, что амиот рядом, что мы с ним лицом к лицу!

Молниеносно вытянувшись и забыв о недавнем бессилии, перестала дышать, пытаюсь понять: о чем он? Кому «им»?

Ответ на вопрос нашелся быстро. Седьмой вновь отвернулся к экрану, а пара агрессивных амиотов стремительно переместилась ко мне.

Три оскаленные физиономии в непосредственной близости... Во рту пересохло, я не могла даже пискнуть. Хотелось зажмуриться и приготовиться к последнему вздоху.

Однако секунды бежали, а меня никто не убивал. Больше того, смотрели пристально, выжидающе.

– Помогай. Можешь. Знаю. – Третий, которого я уже с легкостью узнавала, сопроводил указание жестом в сторону амиотки, доказывая – это для нее они ждут помощи.

Похоже, мой пленитель снова услышал мысли и передал их собратям. Но что им объяснить? Что я вообще могу сделать? Как так выходит, что мне понятно больше?

– У нее, – сипло сглотнула, с трудом выдавив первые звуки. Мысль тут же пропала – троица подалась еще ближе! Острые клыки недавних подопытных пугали до одури, но их бесноватая самка вновь заскулила, напомнив о себе, и одновременно зарычал Седьмой.

Амиоты отпрянули, позволив мне собраться с силами и договорить: – У нее живот болит. Наверное.

– Как. Помочь? – неожиданно быстро сообразил Третий.

Двое других поддержали его резкими кивками, а я опешила.

Что я знаю об искусственно созданных телах, чтобы давать советы? Но признаваться в неведении опасно, и потому пришлось придумывать на ходу.

– Н-надо успокоить.

– Как?

Заладил! Если б я знала...

– Нужна забота. – Парализованное долгим страхом сознание выдавало лишь какие-то нелепости, такие... человеческие банальности. – Обнять, согреть, утешить. Поддержать, одним словом. Она же женщина... Болеет. – Как еще назвать ее состояние? – Возможно, не понимает, что происходит. И ей... страшно.

Нет, что за бред я несу?! Какие страхи? Это не про монстров! А амиотка, как ни крути, одна из них. Страшно здесь совсем не им.

Мне хотелось визжать в голос, но я лишь судорожно подбирала слова, осознавая требовательное внимание. Вдруг за молчание убьют?

– Обнять?

– Утешить?

– Поддержать?

Они не поняли. Проклятье! Должно быть, в их восприятии нет подобных понятий. Мне конец? Разозлила чудовищ?

– Покажи, – вновь отрывисто рыкнул Седьмой.

Он хоть и стоял спиной к нам, но за происходящим следил. Другие пленники с ужасом косились на меня и на странных амиотов. Все ждали.

Амиотка пугала своей непредсказуемостью, но трое ее соплеменников казались угрозой куда большей. Значит, иного выхода нет.

Встав не с первой попытки, на трясущихся ногах, со страхом оглядываясь на следующих за мной по пятам амиотов, отправилась к странной женщине. Заставила себя присесть рядом с ней, мысленно представляя, как ее когти впиваются в горло или появляется эта их фиолетовая муть, способная отделяться от тела и окутывать, удушая туманом.

Амиотка замерла, перестав раскачиваться и стонать. Она силилась сфокусировать на мне взгляд, агрессии не проявляла, и я, набравшись смелости, протянула дрожащую руку, чтобы успокаивающе погладить ее по волосам.

Кажется, глаза округлились у всех. У амиотов – от непонимания смысла действий, у пленников – от моей беспрецедентной отваги. Впрочем, последнее я и сама не могла объяснить.

Самка вздрогнула – будто судорога прокатилась по телу, и потому трое ее защитников молниеносно подались вперед. Я зажмурилась в предчувствии расправы, но в повисшей тишине пораженно ощутила: женщина не отпрянула, наоборот, сама прильнула ко мне. Искала поддержки? Инстинктивно приобняла ее за плечи: интуиция шептала о страхе той, чья кожа казалась прочнее брони.

Очутиться в такой близости, зная устрашающие возможности их организма, было сумасшествием. Сердце колотилось, не позволяя дышать ровно. А открыв глаза, испытала шок от взглядов самцов-амиотов. Они смотрели так, словно... Это что, зависть? Они желали оказаться на моем месте?

Сама бы я точно предпочла побыть в стороне, но вместо этого снова погладила опасную чужачку по волосам.

– Тише, тише, – забормотала мягко, как ребенку. – Все будет хорошо.

– Получилось? Почему нас не... воспринимает? – раздался вопрос Третьего.

– Вы слишком напористы, – попыталась облечь предположения в слова. – Это ее пугает. Или беспокоит. Или... В общем, держитесь в стороне. – Замогла, осознав, *что* посоветовала. И *кому*!

Куда катится мир! Сутки назад я полагала их подопытными, затем самым страшным возмездием во Вселенной, а сейчас беседую... почти мирно.

Впрочем, за дерзость меня не выпили. Более того, все трое дружно отступили на пять шагов. С таким напряжением, словно преодолевали собственный протест. А в жутковатых фиолетовых глазах мне почудилась... обида?

Кажется, я схожу с ума.

– Больно? – сочла за лучшее переключиться на амиотку.

Она заскулила. Мужчины напряглись, но сдержали очевидный порыв, сохранив дистанцию. Это вдохновило и обнадежило настолько, что я ляпнула очередную милосердную нелепость, не подумав, что амиотам подобное неведомо:

– Нужна ласка. Мягкие прикосновения. Это... успокаивает. – Испугалась, что они не поймут, и добавила: – Женщины любят нежность. Она нравится им больше, чем угроза.

В рубке транспортника в очередной раз повисла пораженная тишина. Разорвал ее новый всхлип амиотки.

– Тут плохо? – Я неуверенно указала на ее живот, и руки женщины неловко устремились туда же.

Набравшись смелости, медленно, стараясь не давить, я начала поглаживать проблемное место по часовой стрелке, так, как делала сама, ощущая дискомфорт или боль. Сквозь кожу ощущались твердые мышцы. Тело было не чета моему – мощное, рельефное, прочное, хотя и я тренировками не пренебрегала. Даже дико осознавать, что *такое* существо испытывает боль. Отчего?

Отчаянно хотелось, чтобы у моей странной подопечной был приступ голода или какой-то мышечный спазм на фоне стресса. Мысли переметнулись к станции и разговорам в лаборатории.

Эти чертовы эксперименты! Возможно, амиотка беременна, и что-то пошло не так... Или даже так, но... Каковы шансы выносить ребенка? Что с ней будет происходить дальше? У монстров прежде не было тел, вряд ли они что-то о них знают.

– Хор-р-рошо... – амиотка впервые издала членораздельный звук.

Интонации мне показались довольными. А судя по тому, как встрепенулись мужчины-амиоты, их это тоже обнадежило.

– Ее имя Риш? – Я лихорадочно перебрала в памяти все, что они говорили.

– Да.

Уловив толику сомнения в бесстрастном ответе, растерялась. В самом деле, не могут же они не знать собственных имен? Или в них нет необходимости? Может, они опознают друг друга как-то иначе?

– Риш? Риш! – обратилась к амиотке, которая все еще выглядела дезориентированной, второй рукой похлопала ее по спине, привлекая внимание.

Ее соплеменники цепко следили за каждым движением, готовые действовать, если... Если что? Думают, я могу ей навредить?

– Это безопасно, – постаралась убедить их, чтобы ослабить контроль. Меня саму трясло от страха – казалось, иду по минному полю. – Я надеюсь успокоить Риш, установить с ней контакт и узнать, в чем причина паники.

Шумная амиотка была не единственной представительницей новоявленной расы, кто вел себя заторможенно и неадекватно, но бдительная троица приклеилась именно к ней! Впрочем, Третьего, вероятнее всего, приставил к ним Седьмой, чтобы следить за внезапно проявившимися друг к другу агрессиию собратями. Наверняка потому, что соображал быстрее. По крайней мере со мной он согласился:

– Да. Нужно. Мы пытаемся. Не... можем.

Это он об их мыслесвязи? Или что там между ними за чертовщина. Чувство усталости притупило мои инстинкты, как и способность размышлять о происходящем. Я просто плыла по течению.

– Возможно, ей холодно или неудобно, – продолжала выдвигать версии, поскольку, прижавшись ко мне, амиотка стала меньше дрожать. – Попробовать укрыть? И уложить. Так обычно становится легче.

– Нам нужно этому... – Один из тех, что сцепились между собой, запнулся, словно не зная, как выразить мысль словами. – Содействовать?

Вопрос обескуражил. Зачем тогда они рвутся к ней, если не для помощи?

– Вы должны, – немного резковато буркнула в ответ. – Она одна из вас. К тому же женщина, ослаблена и, возможно, больна. Разве не долг ваш как мужчин позаботиться о ней?

Амиоты переглянулись и с недоумением уставились на меня. Запоздало осознала, что навязываю им свои представления. А вдруг у них каждый сам по себе?

– Женщины... м-м-м... слабее. Обычно, – поправилась, напомнив себе, что речь не о подобных мне, а об универсальных чудовищах. – Задача более сильных – защитить и поддержать. Тогда она... – В очередной раз замялась. Я же говорю странные для них вещи! – Сможет отблагодарить позже.

Нет, ну это же в основе логики? Даже у этих, некогда бестелесных, должна быть признательность, благодарность. Они же как-то сосуществовали вместе?

– Что она сделает?

Я так старалась, а в итоге меня все равно не поняли!

– Тоже погладит вас по голове. – Сдалась, представив, что говорю с двухлетним ребенком о странных для него вещах. Со смертельно опасным двухлетним ребенком! – Или обнимет. Или поможет вам в будущем. В любом случае она как-то... станет ближе.

Вся троица вдруг подскочила. Я от неожиданности дернулась и прикусила язык. Болезненно прищурившись, смотрела, как они мечутся по переполненной рубке. Впрочем, пленники, которые старались ничем не привлекать внимания монстров, их мало заботили, а другие амиоты напрочь игнорировали суету с Риш.

Кусок непонятно откуда взявшегося пледа, с мясом вырванное из креплений кресло, содранная с него острыми когтями мягкая обшивка, в мгновение ока ставшая напольным матрасом... Удобное утепленное спальное место появилось словно по волшебству.

Продолжая похлопывать и тихо звать по имени, с помощью мужчин я уложила чужачку на импровизированный матрас. Но она не позволила мне отодвинуться, ухватив за руку. Угрозы в этом прикосновении я не ощутила.

– Я. Могу? – протянул свою жутковатую лапу один из амиотов.

Нервно замерев, не сразу сообразила, что он тоже хочет погладить женщину.

– Н-наверное...

Результат предсказать не могла, но, вновь проявив отвагу, осторожно взяла мужскую ладонь и пристроила ее на голове амиотки.

Боковым зрением заметила, что Седьмой мгновенно обернулся. Взгляд, устремленный на наши руки, едва ли не испепелял.

– Только не давите. – С усилием разогнула скрючившиеся пальцы амиота, которые окаменели словно неживые. – И медленнее... так... хорошо.

Ко мне, вернее к Риш, тянули руки и двое других ее попечителей. Седьмой зарычал, но я на него не смотрела, сосредоточившись на том, чтобы не спугнуть наметившееся взаимопонимание с этими странными существами.

– Укроем одеялом. – Мы дружно подтянули бывший плед к подбородку женщины, и мой взгляд почему-то устремился к Третьему. – Можешь погладить ее живот? Только бережно!

Вид когтей, на моих глазах вспоровших не одно горло, заставлял усомниться в возможности это делать, но Третий кивнул и коснулся тела с такой осторожностью, что я даже рот приоткрыла от удивления. Смертоносные руки оказались способны на прикосновения, схожие с колыханием крыльев бабочки. Впрочем, первый из пришедших на подмогу амиотов так же невесомо продолжал трогать волосы женщины, выполняя мои рекомендации по ее утешению.

– Хорошо, – ободрила их старания. – Теперь надо что-то решить с пищей. Или дать попить. Обычно это помогает согреться и обрести чувство покоя.

Вспомнив, как на станции происходило кормление, я умолкла, смутившись.

– Хорошо. Еда. Где? Тут? – топтавшийся с неприкаянным видом амиот немедленно ухватился за мои слова.

Однако он сам сообразил, что имеется еще один источник информации. А может, ему подсказали, я не была в этом уверена. Просто он неожиданно потребовал ответа не у меня, а у Игеря.

Следуя направлению руки штурмана, амиот в одно мгновение выдрал вместе с замком дверцу бокса с неприкосновенным запасом на экстренный случай и теперь вертел в руках вакуумные упаковки типовых продуктовых пайков.

– Вот эти. Такую еду легче усвоить, – ткнула пальцем в пакеты с жидкой пищей.

Наверное, амиоты тоже вспомнили, как поначалу давились крупными кусками, и потому без возражений выполнили мое указание. Приподняв голову Риш, я сама приставила к ее губам вскрытую тубу, по капле выдавливая содержимое в рот. Прodelывать это в непосредственной близости от острых клыков было делом смертельно опасным, и я полностью сосредоточилась, стараясь не обращать внимания ни на злой, осуждающий взгляд Игеря, ни на других шокированных пленных. Разве была у меня возможность отказать от содействия? Я ни на миг не забывала, что присмирившая и даже послушная троица молниеносно может перевоплотиться в дьяволов и утянуть мою жизнь.

У чужачки не сразу получилось проглотить еду, она закашлялась, подавившись, но тут уже помогавшие мужчины встряли.

– Риш, не противься, расслабь горло, позволь субстанции попасть внутрь оболочки, – принялись убеждать наперебой.

Я ждала, понимая, что тут мой опыт минимален. И мысли не возникло воспрепятствовать усердным попыткам сделать для женщины все возможное. Скорее наоборот, сейчас я чувствовала себя словно на голову выше этих... сверхсуществ. В чем-то простом они оказались несведущи, как малые дети, ведь по сути своей были иными.

– Потом ее надо напоить, – указала на фляжку с жидкостью. – Только не спешите.

Пользуясь тем, что внимание мужчин полностью сосредоточилось на пострадавшей соплеменнице, отползла и устало прижалась затылком к стене. Оставалось надеяться, что пища, вода, тепло, а также поддержка себе подобных приведут Риш в норму. О версии с беременностью не хотела и заикаться, не представляя возможную реакцию.

– Оберегайте ее, – посоветовала, едва шевеля губами. – Грейте. Для этого можно лечь рядом и обнять. – Тут же подумала, что такая возможность вновь столкнет эту троицу. – Хотя нет! Просто будьте рядом. Особенно если что-то опять начнется...

Накликала.

Как поняла? Как почувствовала? Не знаю. Словно неведомая сила заставила распахнуть глаза и устремить взгляд на Седьмого. Внешне он никак не изменился, только... Все амиоты, которых я могла видеть, смотрели в эту секунду на него. Молча. Выглядело зловеще... Даже троица, едва ли не ворковавшая над Риш, застыла напряженными изваяниями, словно прислушиваясь к голосу в своих головах. Или так и было?

Холодом неведомого ужаса пронзило тело. Вздогнув, я инстинктивно обхватила плечи руками, вмиг забыв об усталости. Вот то, чего я страшилась, не желая верить, что жизнь оборвется на взлете, и одновременно молила, понимая, что допустить побег подопытных нельзя...

Нас догнали.

Седьмой молниеносно обернулся. Взглянул так, будто знал – именно мои зубы застучали от страха в наступившем безмолвии. А я

во все глаза уставилась на непривычные сиреневые радужки, ощущая почти транс. Даже не заметила, как амиот приблизился, осознала, лишь когда он с привычной легкостью подхватил меня с пола. Шагнув к ближайшему сиденью, не глядя вышвырнул из него другого пленного и усадил мое обмякшее тело, немедленно зафиксировав всеми возможными креплениями. Потребовалась ему на это пара секунд...

От стремительности происходящего у меня потемнело в глазах. Но Седьмого рядом уже не было – отойдя, он развернулся к обзорному экрану; участь других пленных его не заботила. Какое-то время я по инерции пялилась на спину своего похитителя, хотя все вокруг пришло в движение.

Неудивительно. Вслед за Седьмым взглянув на экран, обмерла – на фоне черной бездны космоса белыми росчерками возникали и превращались в яркие неподвижные блески космические корабли.

Началось!

Отправленных на перехват было много. Немыслимо много! Досчитав до двадцати, сбилась со счета из-за синхронности появления кораблей. Конечно, это видели и другие пленные. Кто-то подавленно молчал, реально оценивая собственные шансы как нулевые, других накрыло паникой – я слышала монотонный обреченный скулеж.

Только Седьмой на потенциального противника уже не смотрел, лишь на Игеря.

– Запускай плазменный двигатель, – приказал спокойно.

А я сообразила: отвлекшись на суету, перестала следить за временем. Пока мы возились с амиоткой, транспортник вышел в свободный космос и набрал нужную скорость, чтобы начать переход в подпространство.

Штурман под взглядом амиота сначала покраснел, потом побледнел, судорожно дернулся и сипло выдал:

– Нельзя. Прямо по курсу пространственное искажение. Оно помешает создать свою зону погружения.

Врал? Нет. То есть частично. Искажение действительно было – именно из него и появлялись крейсера, но наш корабль все равно мог создать свою зону. Только последствия полета сквозь нее непредсказуемы.

– Разве я спросил... мнение? – Седьмой по-прежнему не сводил глаз со штурмана. С таким же спокойствием вели себя все бывшие

пленники, находившиеся в пределах видимости. Как же их непрошибаемая невозмутимость контрастировала с деморализовавшим меня ужасом! – Это приказ.

– Это самоубийство! – истерично выкрикнул Игерь и захрипел, когда рука не известного мне амиота схватила его за горло и выдернула из кресла.

Одно мгновение, и тело мужчины с такой силой впечаталось в стену, что, казалось, штурман испустил дух. По крайней мере сознание точно потерял – когда серокожие пальцы разжались, он безвольным кулем рухнул на пол. Единственный пленный, способный управлять транспортником, вышел из игры...

Что творят амиоты?! Подобно другим я судорожно наблюдала молниеносную атаку на Игеря, и каждый из нас разделял мнение штурмана: шансов нет. Или это признак запредельной паники? Той, чьи приметы я безрезультатно силилась рассмотреть на невозмутимых лицах?

Оторопело уставившись на несчастного, не сразу заметила стремительное перемещение Седьмого. Он сам занял кресло пилота и теперь сосредоточенно рассматривал рабочую панель, водя ладонями в нескольких сантиметрах над ней и не касаясь датчиков.

Неужели он разберется в принципах работы систем корабля и в управлении ими? Настолько отчаялся, что попытается сам спасти транспортник, направив его в подпространство? Это будет настоящая фантастика! Хотя...

Страшась даже мельком взглянуть на внешний экран, неумолимо демонстрирующий приближение преследователей, я уцепилась за идею спасения. Таков уж инстинкт самосохранения: даже на пороге гибели больше всего думается о жизни.

Что, если бы способ был? Имелась объяснимая вероятность? А ведь она на самом деле существует! Наверняка координаты точки выхода штурман заранее ввел в систему, и параметры погружения программой уже рассчитаны. Осталось нажать правильную кнопку. Тут даже дилетант не ошибется – вон как недвусмысленно мерцает, привлекая к себе внимание, сенсорная панель контроля движения в подпространстве. И активатор запуска трудно не заметить – он в самом центре!

Нужно всего лишь утопить до упора кнопку механической блокировки и провести пальцем по шкале, увеличивая мощность плазменного двигателя. Слева направо, как было написано в методичке по пространственным перемещениям, которую мы разбирали на занятиях исключительно в общеразвивающих целях. Сейчас я мысленно видела этот текст и пусть в теории, но хорошо знала последовательность манипуляций.

Каким же все кажется простым! И одновременно недостижимо сложным. Кто бы решился на подобное в свистопляске надвигающегося конца? Я бы не решилась. Хотя...

Представила, как все происходит, и вздрогнула. По трем причинам.

Первая – рука амиота проделала все то, о чем я так отчаянно раздумывала.

Вторая – пол и стены корабля мерно задрожали, реагируя на включение плазменного двигателя и формирование зоны погружения в подпространство.

Третья – Седьмой обернулся, бросив на меня взгляд, полный обжигающего внимания и... Признательности?!

Ох, нет! Сердце едва не разорвалось в груди, а глаза распахнулись от потрясения. Что же получается?.. Я подсказала ему, как действовать?! Собственными мыслями подтолкнула к отчаянному шагу и лишила нас, пленных, пусть призрачной, но надежды на освобождение? Впрочем, о чем я...

Посмотрев на экран переднего обзора, едва не засмеялась истерично. Горько и зло. Никто не собирается нас выручать. Целью военных кораблей, что спешно перестраивались, уходя с траектории нашего транспортника и занимая стратегические позиции на траверсе, было совсем иное. Уничтожение! Полное и безоговорочное. Не подразумевающее ни переговоров, ни требований к амиотам сдаться, ни выдать заложников. Нас просто обстреливали.

Нас расстреливали! И это были уже не капсулы со взрывчаткой – разрушительные, но не такие уж опасные, пока не соприкоснулись с обшивкой. Сейчас на нас обрушилась мощь полноценных залпов новейшего оружия, которым были оборудованы боевые крейсеры. И если бы не защитный силовой экран, от транспортника в первый же миг обстрела лишь горстка пепла осталась бы.

Однако незамысловатая защита не могла продержаться долго. Слишком неравные силы – стандартный силовой экран, рассчитанный больше на отражение ударов метеоритных потоков, противостоял превосходящим возможностям противника. Убийственные бело-голубые молнии сминали защитное поле, с каждой секундой все сильнее прижимая его к корпусу и безжалостно отбирая энергию. Еще немного, и испепеляющие заряды разнесут обшивку в клочья, огненным шквалом ворвутся в рубку, сжигая все, что окажется на пути.

Корабль словно дрожал, и все мы – пленники, запечатанные в его нутре, содрогались вместе с ним. Одно утешало: надолго происходящее не затянется. В ожидании нестерпимой боли я зажмурилась, сжалась в кресле, подтянув ноги и вцепившись в подлокотники сведенными судорогой пальцами.

Удар, второй, третий... Снаряды попадали в такт биению сердца, и я считала их, гадая, на котором оборвется моя жизнь. Все прекратится. Навечно.

Однако трагичный финал не наступал. Мерный гул по-прежнему нарастал, свидетельствуя о нормальной работе двигателя и продолжении процесса погружения, в рубке было тихо, если, разумеется, не прислушиваться к перемещениям амиотов. Но они двигались с поразительной невозмутимостью.

Рискнула приоткрыть глаза. Чернота космоса медленно завлакивалась серым маревом подпространства, огненный шквал с прежней неистовостью рвался внутрь корабля. Но защита, мерцающая невероятно близко к корпусу, еще держалась. И это поразило. При такой мощной атаке ее давно должно было развеять! Как?!..

В голове возникло единственно верное предположение: возможно, это снова вмешательство амиотов?

Пораженная неожиданной догадкой, впилась взглядом в лицо Седьмого. Прикрыв веки и прижав ладони к панели управления, он выглядел погруженным в себя, словно пребывал в глубоком трансе. Это ощущение усиливали раскачивания его тела в том же ритме, с которым энергетический щит содрогался от прямых попаданий. Выгибался и, распрямляясь снова, отражал смертоносные лучи. Точно это делал сам амиот, а не защитные модули корабля, генерирующие силовой экран. А если так? Какими же должны быть его силы, чтобы в одиночку держать удар коллективных залпов? Страшно представить...

Но все же, как ни старался Седьмой, защита просела. Я не отрывала глаз от экрана, поэтому уловила момент, когда буквально на секунды она засбоила, вспыхнув ярким всполохом, и исчезла. Энергетический экран тут же вновь набрал силу, однако именно этих секунд хватило, чтобы в корабль, практически полностью погрузившийся в марево подпространства, прицельно попал разряд.

Произошедшее дальше осознала не сразу, лишь когда пришла в себя. Тряхнуло нас знатно. Энергоснабжение пострадало – включилось тусклое аварийное освещение. Наверняка повредились еще какие-то системы корабля – не просто же так завывала сирена в глубине коридора, а в воздухе тревожно запахло гарью.

И все это на фоне многочисленных стонов. Тех, кто стоял на ногах и ни за что не держался, раскидало по всему помещению. Амиотов среди пострадавших не было, или же они никак не демонстрировали свою боль. Более того, некоторые из них успели придержать других. Как, например, воинственная парочка, оберегающая от травм распластанную на полу Риш.

Седьмой тоже устоял. Он исподлобья смотрел на обзорный экран, где больше не было космоса – корабль окончательно ушел в подпространство. Мое сознание отказывалось верить в это.

Амиот же совершенно спокойно перевел взгляд на пришедшего в себя Игеря, выразительно указал пальцем на панель управления и припечатал непререкаемо:

– Теперь ты.

На этот раз штурман, переживший удушье и последовавший удар, безропотно забрался в кресло пилота. Стирая кровь, стекающую по щеке от рассеченной кожи на виске, зашипел от боли. Надо было видеть, каким взглядом Игерь проводил спину амиота: словно на его глазах тот умер и вновь воскрес!

До нас медленно доходила очевидная истина – преследователи остались ни с чем, а вопиющий и по всем законам мироздания невозможный побег подопытных состоялся. Они ускользнули от военных!

Не знаю, как, но амиоты выиграли и этот раунд.

Глава шестая

Подпространство

Кин

Почему?

Этот вопрос я задавал себе снова и снова все время, прошедшее с момента захвата корабля. Очень уж многое оставалось для меня необъяснимым.

Неумолимо продвигаясь к цели – спасению выживших эдаити, осознавал, что одновременно с любыми своими действиями неизменно отслеживаю все, связанное с моей добычей. Используя нематериальные возможности для контроля происходящего внутри и вне транспортника, постоянно ощущаю словно бы отдельный канал – некий фрагмент сознания, соединяющий меня и Троя. Предвосхищая угрозу, анализировал возможности ее тела, уязвимого в сравнении с навязанной нам оболочкой.

Пока все удавалось. Я не позволил уничтожить нас и защитил от прямого удара, приложив максимум сил для поддержания стабильности защитного экрана корабля. На станции, преодолевая сопротивление противников, выпил столь много энергии, сколько мог, и во время атаки отдавал ее без толики сомнений. Тратил запас без оглядки, зная, что рядом есть пища – те, кого смогу выпить в любой момент. И выпью. В этом их единственное предназначение – служить эдаити едой.

Троя была одной из них, но... Почему-то только ее я читал как открытую книгу. Она постоянно была в моей голове. И именно ход ее мыслей заставил меня послать своим приказ – принять ее знания, когда возникла проблема с Риш.

Со всеми амиотами, вытасченными из лабораторий на станции, явные проблемы. Каждый из нас прежде был на их месте и знал – они нуждаются в поддержке. А моя добыча имела свои представления о том, какой эта помощь должна быть.

Может, именно этим Троя меня заинтересовала? Сделалась настолько привлекательной, что я с одинаковой жадой желал и

выпить ее досуха, и продлить присутствие рядом чуть ли не до вечности?

Для меня стало равнозначным: сохранить эдаити и сберечь мою исключительную добычу. Или второе желание вышло на первый план? Близость Трои странным образом помогала концентрироваться. Я оставался спокоен и всемогущ, когда ощущал эту самку поблизости. И чем ближе, тем лучше.

Руководствуясь этим выводом, какое-то время вовсе не выпускал ее из рук. Так было легче распластаться сознанием по всему звездолету, растворяясь в сгустках энергии, питавших его работу систем, в бесконечном числе атомов, составляющих окружающую нас рукотворную материю. Если жизнь эдаити и моей добычи зависит от этого бессмысленного творения никчемных материальных, который они называют транспортником, – я разберусь в его устройстве, познаю принципы работы, подчиню их себе.

Скользя сознанием по механизмам корабля, не упустил ни единого слова Трои, ни одного движения. Не только мысли, но и близость позволяли мне придерживаться плана. Запредельное напряжение, сопротивление на грани возможного и... мысли о том, что она рядом! Что я не могу потерять свою добычу! Она стала моим соратником и сильнейшим мотивом освоить новую клетку, в которую – в надежде на спасение – мы уже по собственной воле заточили свои физические оболочки.

Почему так? И почему Троя считает победой то, что мы ускользнули от преследователей?

Очередная наивная мысль, свойственная материальным, не понимающим, что пространство и время не такие уж непреодолимые преграды... К тому же мы вовсе не победили – всего лишь выжили.

Нельзя считать победой существование в металлической конструкции, неведомым мне образом приблизившейся к многомерности – моему родному миру. Транспортник не достиг и не пересек границы с ним, но подошел так близко, что я это почувствовал. Ощущая знакомые вибрации полей, рвался к ним и мысленно рычал от бессилия, наткнувшись на барьер. Жесткий, прочный. И не мог понять: то ли мне не хватает энергетических возможностей вернуться в мой истинный мир, то ли кокон из материи является непреодолимым ограничением.

«Не получается, – видимо, предприняв такую же попытку, сообщил Орш. – Нам отсюда не уйти. И в многомерность не вернуться».

«Значит, будем в этом мире обживать, – решительно заявил я, убеждая больше самого себя, чем собратьев. – Разберемся, что здесь имеется, как устроено и зачем. Тогда станет проще».

Продолжая наблюдать за действиями Игера, запоминал и связывал их с реагированием техники. Смотрел и на Трою, продолжавшую неверящим взглядом буравить экран, где не было ни намека на недавнюю угрозу.

Отражение атаки далось нелегко – пришлось отдать всю накопленную мной энергию, прибавив к ней ту, которой готовы были поделиться собратья. Зато теперь голод – неприятный, зудящий – медленно нарастал, требуя утоления, отчего-то спазмами сжимая живот и заполняя рот вязкой жидкостью. Такая же выделялась, когда в клетках, где нас держали двуногие, появлялась еда.

Сейчас пищи не было, а потребность проявляла себя все сильнее. Глядя на Трою, я все больше желал... Забрать! Насытиться! Ощутить стремительно наполняющий меня поток живительной энергии. Сладкий, манящий, долгожданный. И даже шагнул к своей жертве с твердым намерением наконец это сделать. Неудержимое желание оказаться рядом толкало вперед, не оставляя времени для раздумий.

«Как же есть хочется...»

Растерянный голос, достигший сознания, заставил замереть, так и не коснувшись Трои. Совершенно не задумываясь, что моей добыче нужна подпитка, только сейчас осознал парадокс – пища для пищи... Хм.

Нависнув над женщиной, поймал себя на новом открытии: голод притупился, померкнув за размышлениями над потребностями добычи. Как такое возможно?

«Чем вы кормили Риш?» – отрывисто бросил Оршу.

Обернувшись, он протянул две емкости, наполненные органикой.

«Я тоже съел. Мы все должны это есть. Вещество в пище позволяет восстановить растроченную энергию», – безмолвно наставлял Орш, но я думал не о себе.

Повергая собрата в немалое удивление, протянул Трое одну из упаковок. Женщина, оторвав взгляд от экрана, вздрогнула,

опомнившись и заметив, что я рядом.

Какое-то время мы не двигались, уставившись друг на друга. Она продолжала сидеть в кресле, запрокинув голову и подняв ко мне лицо. Во взгляде сквозило настороженное ожидание... Чего? Смерти?

– Тебе. Ешь.

Требовательно ткнув в нее упаковкой, я ощутил внимание остальных эдайти – мой поступок заметили. Однако сейчас куда больше их интересовало другое:

«Мы ушли от преследователей?» – возобновился диалог, в который я не вмешивался, хотя привычно прислушивался.

«Наверное. Большие не атакуют».

«Не хотят или не могут?»

«Оба варианта возможны».

«Мы слишком мало знаем».

«Интересно, надолго затишь?»

На этот вопрос ответить не мог никто. У нас действительно не было информации. А вот у наших пленников она наверняка была...

Троя! Сознание уже привычно метнулось к возможному источнику. К женщине, которая набралась смелости и трясущейся рукой аккуратно, лишь бы не соприкоснуться со мной, перехватила пищу. И тут же впилась в нее зубами, с остервенелым нетерпением сорвав то, что именовалось крышкой.

Вид ее насыщения подхлестнул инстинкты эдайти – действовал я быстрее, чем анализировал. Молниеносным движением дернул на себя ближайшего, сжавшегося подобно Трое пленника. Моя сущность взметнулась, с силой вырвавшись из оболочки сиреневым маревом, и с жадностью окутала тело жертвы.

Краткий миг, и я отбросил в сторону то, что осталось от добычи, призванной восполнить мои силы. Вопль ужаса, переходящий в отчаянный скулеж, вырвался из глоток оставшихся в живых. Спокойно отреагировали лишь собратья, которые невозмутимо разбредались по кораблю в поисках ресурсов подпитки оболочек – упаковок с пищей, найденных в этом помещении, на всех не хватило. А Троя, упав на колени, обмякла у моих ног, трясущимися руками упираясь в пол.

Громкие, но неинформативные звуки... Конвульсивные спазмы тела... Из рта выплеснулась еда, которую женщина только что проглотила.

Чувствуя приятную наполненность, равную сытости от той субстанции, которой мы питались в плену, я наблюдал за Троей, пытаясь понять смысл совершаемых ей действий. Расточительное отношение моей добычи к поддерживающим ее тело и силы ресурсам казалось странным. Возможно, она забыла о важности этой... еды? Даже я теперь хорошо это знал.

– Держи в себе. Пищу, – напомнил на всякий случай.

Троя замерла, тяжело дыша, посмотрела на меня широко распахнутыми остекленевшими глазами, не делая попыток продолжить питание. И это – я прислушался к своим ощущениям – беспокоило! Требовало изменить ситуацию. Немедля.

Наклонился, поднял вторую емкость с едой, которую положил на сиденье. Поднес к губам женщины.

– Ешь!

В недрах тела раздался непонятный булькающий звук, Троя схватилась ладонью за горло и неловко попыталась отползти в сторону. Выглядело так, словно ее тело ослабло и плохо слушалось. Как... как у Риш!

Догадаться несложно, потребовалось всего лишь провести параллель с эдайти, осваивающим женский вариант оболочки.

Троя помогала моим братьям поддержать Риш. Не понимая сути, тем не менее я хорошо запомнил все действия. Пища, тепло и прикосновения – вот что там было. И если Троя полагала, что это поможет заточенному в теле, которое Троя мысленно называла «амиотка», то должно помочь и ей.

Мой взгляд быстро отыскал способ сохранить тепло. Я действовал не раздумывая – шагнул к пустому, выпитому мной телу, одним движением вытряхнул его из одежды. Подавшись к Трое, протянул ей добытое.

– Холодно. Ты сможешь есть, когда согреешься, – воспроизвел те же интонации, с которыми она обращалась к Риш, успокаивая.

Снова хрипы и судорожные раскачивания головой. Это значит «нет»?

Нелогично! Она ведет себя иначе, чем сама же ждала от Риш. Для этого должна быть причина! Вот только я, как ни старался, ее не находил. Видимо, знал недостаточно. И потому попытался получить ответ другим способом.

– Почему отказываешься?

– Не мучай меня. – Губы шевельнулись с трудом, словно говорить ей было так же сложно, как и нам. – Просто тоже убей сразу. Я... – Троя судорожно втянула в себя воздух, – не хочу видеть, как гибнут другие. Не могу...

Ее слова ничего не объяснили. Обернулся, чтобы посмотреть на остальных пленных. Разве они гибнут? Нет. Сжались неприметными безмолвными комками, будто силились превратиться в невидимок. Эдайти их не трогали, потому что не были истинно голодны подобно мне. Тогда о чем говорит эта женщина? Где связь между теплом, которое я предлагаю, и живыми пленными?

Решив, что поиск ответа бессмыслен, я уронил на пол одежду, которую Троя так и не приняла. Снова взялся за упаковку с едой, в материальном мире она – первооснова существования. Протянул женщине.

– Еда придаст сил. Иначе погибнет... оболочка... – Задумался, подыскивая более правильное определение, и уточнил: – Тело. Ты должна есть. И я должен.

– Как можно есть, когда рядом убивают других? – просипела Троя, давясь каждым звуком.

Продолжая стискивать горло, посмотрела на существо, послужившее мне пищей, и я догадался – это из-за него она испытывает мое терпение!

– Думай о себе. Еда нужна тебе. Я предлагаю. Бери. Он тоже еда. Моя.

Разве ей непонятно? Разумно и естественно поступать именно так. Почему же она нуждается в объяснениях?

– Если меня однажды тоже съедят, зачем продлевать мучения?! – закричала вдруг Троя, подавшись мне навстречу.

Провоцируя? Желая приблизить свою гибель?

Другие пленные содрогнулись, словно сраженные единым разрядом. Игерь нервно обернулся в кресле пилота, полоснув по нам затравленным взглядом. Выражение глаз моей добычи было таким же.

– Пока живешь – борись. Питай... свое тело. – Я уже почти не прилагал усилий, заставляя горло воспроизводить звуки, соединяющиеся в слова.

Разговаривать становилось легко, даже поймал себя на мысли, что это приятно. Не отталкивает. Более того, мне хочется это делать. Именно с ней.

– Не могу. – Троя перестала дрожать, ее руки бессильно упали на колени. – Не хочу. Знаю, что стану едой.

– Нет.

Ответ вырвался раньше, чем я его обдумал. Импульс, которому я поддался, признавая, что желание разобраться в необъяснимой притягательности мыслей и поступков моей добычи превышает потребность ею же насытиться.

– Что «нет»?

– Не станешь.

Я распрямылся и теперь возвышался над Троей. Она же сжалась, подтянув колени к груди. Смотрела непонимающе, но я решил остановиться на этом. Нужно было скоординировать действия тех, кто отправился исследовать транспортник в поисках питательных ресурсов.

Орш давно порывался что-то обсудить, но, видя, что я занят, не мешал. Хорошо бы еще распределить между эдаити очередность наблюдения за пленными...

Вопрос с повреждениями корабля оставался открытым, дел было много. И потому я спокойно повернулся спиной к своей добыче, оставляя ее без контроля. Визуального, само собой, потому что остальные органы чувств моей оболочки продолжали ощущать Трою. Чуткий слух позволял отчетливо распознавать малейший шорох, каждое движение, вздох...

– Не сожрешь? – услышал тихий вопрос, брошенный вслед. – Нас всех? Или именно меня?

Не обернулся. Отвечать не стал. Слишком много ее вопросов, мне достаточно своих. Однако ощутил удовлетворение, когда она, чуть помедлив, потянулась за емкостью с пищей, что я положил с ней рядом.

Решила бороться, раз жива. Это хорошо. Мне понравилось. Я сам никогда не отступал, каким бы отчаянно плохим все ни казалось.

«Разместили в свободных помещениях тех, кого забрали из лаборатории, – пришел отчет от Орша, едва я возобновил мысленный контакт. – Присматриваем за ними, обучаем взаимодействовать с

телами. Многим пока сложно. Особенно... – он замялся, – тем, кто в женском варианте».

Я понимал его озабоченность. Мало того что оказались в чуждых оболочках, так еще в разнополюх! И предстояло осознать, будет ли значима эта разница в физическом воплощении в будущем? Чего ожидать от подобного разделения?

«Кто те двое, что не сдержались?» – уточнил у Орша, подразумевая братьев, которые странно вели себя из-за Риш. Лишь мой авторитет удержал их от столкновения.

«Риз и Шох».

«Нам не нужны противостояния. Они успокоились? Объяснили, что с ними произошло? Почему чуть не сцепились?»

«Нет... – Вновь заминка. – Оба продолжают испытывать отторжение друг к другу. Вроде бы согласились усилить самоконтроль, но напряжены и неотступно следуют за Риш».

«Значит, причина в нем. Вернее, в его оболочке. Она женская».

«Согласен. Взаимосвязь очевидна – разные тела могут влиять друг на друга. Но как это работает и что именно провоцирует? Пока можно сказать, что повышается уровень негатива. Остальное неясно».

«Это может нести угрозу, – подытожил очевидное. – Этих двоих необходимо контролировать».

«Возможно ли что-то узнать у... нее?» – осторожно предложил Орш. То, с каким значением прозвучало последнее слово, не оставило сомнений – речь о Трое. Он спрашивал, учитывая мою необычную заинтересованность добычей.

«Да, – согласился сразу. Это разумно, женщина действительно могла помочь прояснить для нас многое из того, в чем мы не способны разобраться самостоятельно. А еще... Ее вовлеченность позволит и мне узнать о ней больше. – Пробуй. При необходимости. Если не захочет, можешь заставить сотрудничать. Но не наносить никаких повреждений. Она не должна пострадать. Иначе...»

Осекся, неожиданно ощутив, что сам беззвучно рычу! Откуда эта внезапная агрессия, похожая на срыв Риза и Шоха? Что ее пробуждает? Мелькнула было неясная догадка, странно размытое подозрение – и исчезла, не успев оформиться. Видимо, я не готов ответить на очередное «почему».

«Я понял. – Собрат признал как данность: эта странная еда – особенная. И неприкосновенная. – Что ты будешь делать? Насытился или нужна еще... пища? И тот пленник, Игерь. Иногда он становится неуправляем. Что предпримешь?»

«Пока просто присмотрю. Трудно прогнозировать события, непонятно, что он будет делать, к чему нам готовиться – нет информации. А еда... Да, мне нужно полностью восстановить силы. Зом ищет ресурсы, поговори с ним. Оцените найденное. Если сочтете количество достаточным для всех, дай мне знать, я приду за пищей».

«А пленные? Ими можем питаться?»

«Нет, – иного ответа и в мыслях не возникло, – это стратегический запас, нам еще пригодится».

«Дело точно в этом? Или все же в ее страхе?» – усомнился в моей непредвзятости Орш, наверняка вспомнив реакцию Трои.

«Ее слова ничего не изменят. Захваченные нами враги исполняют свое предназначение. Но этот момент еще не настал».

«Хорошо, – принял объяснение собрат. – Тогда действуем как договорились».

Перестав удерживать мысленный контакт, я дал понять, что у меня тоже нет сомнений, чем предстоит заниматься каждому из нас. Можно сказать, распределение функций произошло, и так уж вышло, что мои остались связанными с рубкой управления. Вернее, с тем, кто, как и Троя, напряженным взглядом провожал эдаити, конвоирующих пленников в другие помещения транспортника. С тем, кто, склонившись над консолью, вновь сосредоточился на показателях, выводимых системами корабля.

Игерь... Он действительно так ответственно отнесся к возложенной на него миссии или же создавал видимость, пытаясь снизить уровень нашей бдительности? На первый взгляд этот субъект больше не проявлял строптивости и неповиновения, но я уже знал – это не показатель. «Доверяй, но проверяй», – то ли вспомнилась фраза, когда-то мелькнувшая в мыслях Трои, то ли мое сознание привычно выхватило ее из потока, крутившегося в голове моей добычи. Впрочем, о доверии к бывшему члену экипажа и речи не шло.

Потому я и приблизился к Игерю. Бесшумно и быстро, насколько позволяла скорость сокращения мышц тела. Замер за его спиной, прислушиваясь к бормотанию, наблюдая за соприкасающимися с

панелью управления пальцами и сопоставляя с информацией, появляющейся на примитивных маленьких экранах. Большой, к моему разочарованию, с момента перемещения в подпространство перестал отражать происходящее за бортом и по-прежнему был заполнен лишь мутно-серым маревом. Иногда казалось, я различаю в нем цветные всплески бушующей энергии, но они пропадали быстрее, чем я успевал сосредоточиться на них.

– Давай, ржавое корыто, не подведи... Да вижу я, что утечка... А мы вот так... Перезапустим, перенаправим на двигатель больше... Шесть дней максимум? Четыре? Два? Или вовсе час? Всего ничего, потом сдохнешь... Стабилизаторы же целы!.. Ты только до выхода в нормальный космос продержишься, а уж там...

Неполноценные, но, впрочем, все равно понятные фразы. К тому же я прекрасно ощущал местоположение и того самого «двигателя», удерживающего корабль погруженным в матрицу подпространства, и «стабилизаторов», не позволяющих ему самопроизвольно сменить энергопоток. Чувствовал даже обреченную пульсацию поврежденного механизма, работающего на грани заложенного в него потенциала.

Помочь и исправить повреждение я не мог, даже понимая, где именно оружие преследователей изуродовало его нормальную структуру и пробило брешь в системных функциях. И дело было не в энергетической опустошенности, которую я едва заполнил выпитым пленником. Эдайти – разрушители, а не создатели. Наша задача – забирать энергию, а не тратить ее на воспроизведение материальных субстанций!

– Иди за мной, – потребовал незнакомый гортанный голос, и я вынужденно обернулся.

Опознав в шагнувшем в рубку собрате Орша, сообразил – при мне он никогда не говорил вслух. Теперь я запомню его звучание.

Среагировав то ли на фразу, то ли на мое движение, Игерь дернулся, испуганно сжался, в глазах мелькнуло что-то затравленное и одновременно злое... Но я зафиксировал это лишь краем сознания, в первую очередь концентрируясь на своей добыче, ведь именно ей предназначались слова Орша. Памятуя о моем разрешении, он решил привлечь женщину. К чему? У Риш снова проблемы?

– Зачем? – словно отзываясь на мой немой вопрос, едва слышно выдохнула Троя.

– Ты. Поможешь, – спокойно, без нажима пояснил Орш, четко выполняя мои инструкции.

Запугивать ее он и не думал, а Троя не осмелилась послушаться. Поднялась и, пошатываясь, лавируя между креслами, по возможности обогнула тело моей первой жертвы. Двигаясь следом за эдайти, уже увереннее спросила:

– Кто-то пострадал?

– Да.

Ответ Орша был краток и неинформативен. Для него не было важным, поймет его собеседница или нет. Тоже достойный внимания факт. Кроме меня, эта женщина никого из эдайти не заинтересовала. Очередное «почему»?

Недоуменное сопение подсказало: Троя не догадалась, что причина – та самая пара моих братьев, с которой она уже сталкивалась. Немедленно захотелось оценить ее реакцию: испытает облегчение или, наоборот, насторожится от повторной встречи? И потому, мысленно следуя за женщиной, я продолжал контролировать происходящее.

– Стой здесь.

Резким взмахом руки Орш ограничил продвижение в небольшую каюту. Повод был весомым – Риз и Шох снова застыли в миге от того, чтобы накинуться друг на друга. Агрессивное рычание, нежелание ни на что реагировать и полные ярости взгляды – наглядное тому подтверждение.

Тело Риш содрогалось в мышечных конвульсиях, ему явно нужна помощь. А эти двое рвались ее оказать? И не смогли решить, кому это делать?

– Разойтись! – приказал Орш, требуя подчинения. – Между собой разберетесь позже. Важнее другое. Помочь Риш, – гневная фраза выдала недовольство моего давнего соратника, поведение Риза и Шоха становилось все большей проблемой.

– А кто из них нравится Риш? – Понукаемая Оршем Троя шагнула к лежащему на полу телу, нервно косясь на вынужденно отступивших эдайти.

– Что значит «кто нравится»?

Конечно, Орш не понял ее вопроса. И я тоже. Но реакция женщины меня обнадежила – желание помочь возобладало над

страхом и отвращением.

– Ну... они ревнуют. – Осторожно присев рядом с нашим несчастным собратом, заточенным в женской оболочке, Троя указала на него подбородком. – Она не выбрала никого из этих двоих?

– Она?.. Почему Риш должен... должна выбирать?

Я почувствовал недоумение Орша. Да и сам был озадачен подобной логикой – по привычке мы все еще не воспринимали себя материальными.

– Не должна, – отмахнулась моя добыча, руками показывая, что голову Риш нужно поднять. Я почувствовал раздражение, вызванное непониманием того, что она полагала очевидным. – Все само со временем утрясется. Или ей кто-то понравится, или нет.

Следуя указаниям, Риз и Шох приподняли и усадили напряженное тело, оперев на свои. Троя, подхватив висевшую на небольшом крючке в углу каюты ткань, намочила ее в емкости на столе и принялась осторожно обтирать лицо Риш. Орш стоял рядом, контролируя процесс. Он определенно испытывал затруднения и потому продолжал допрос:

– Женщины... Мужчины и женщины. Разные. Зачем? В чем причина?

– Чем отличаются?

Троя медленно подняла настороженный взгляд на Орша, глаза которого неотрывно следили за Риш.

Вдруг кольнула мысль: как и я за Троей. Пусть делал это, используя силу эдайти, но я не прекращал наблюдать за своей добычей!

– Чтобы... – Она запнулась, словно начала отвечать раньше, чем придумала ответ. – Э-э-э... Для размножения!

«Что я говорю?! – оглушила меня суматошно забившаяся в голове Трои паника. – Зачем? Дор был в ярости от подобной идеи... Что, если и это он «слышит»?».

Одна мысль погасила другую, не позволив мне вникнуть в суть, а потом сменилась ужасом – к женщине молниеносно подался Орш, грозная клыкастая физиономия замерла рядом с ее лицом.

– Как это делать? Покажи! – потребовал мой помощник.

Троя нервно дернулась. Паника усилилась, сопровождаемая новой мыслью: *«Требуется продемонстрировать на практике?!»* и

смешиваясь с отвращением. Она полагала «размножение» настолько ужасным? Или же неприязнь вызвал тот, кто задал вопрос? Кто-то, отныне подобный мне...

Определить не смог, но точно знал одно – Троя ощущала отторжение. Воспринимала ситуацию, как опасную, а нас – как нечто огромное и всеильное, но... чуждое.

– Нет, – выдавила она, собрав все свое мужество. И быстро пояснила, едва в ранее безэмоциональном взгляде Орша проявилось обещание воздаяния. – Расскажу, но показать не смогу.

– Почему? – не сдался собрат, продолжая нависать над моей добычей. – Не умеешь? Ты еще не размножалась?

– Нет. То есть да. То есть... – Троя запуталась, хватая ртом воздух, словно его резко перестало хватать.

– Так что нам делать? – потерял терпение Риз.

– Не знаю, – сдавленно выдохнула моя добыча, желание помочь нам у нее исчезло.

Она всего лишь хотела жить и ради этого старалась пересилить себя, скрыть страх перед нами. Надеялась, толком не представляя, на что. На невероятную случайность? На шанс вопреки всему?

Мне не понравился ее настрой. В груди взметнулось что-то сумасшедшее, неуправляемое, горячее, опалившее меня осознанием – негатива не возникло бы, останься Троя здесь, со мной! Я бы не допустил! «Орш!» – рывкнул и осекся.

Вряд ли собрат меня услышал бы – тихий скулеж Риш сменился оглушающим кашлем, гортанными хрипами и криком Трои:

– Ее тошнит! Голову держите! Захлебнется!

Предупреждение запоздало – пицца фонтаном вылетела изо рта, обдав часть стены и одежду собратьев. Впрочем, они этого даже не заметили, сосредоточенные на Риш. Едва спазмы прекратились, ее дыхание выровнялось.

Три пары глаз выжидающе уставились на Трою.

– Дальше? – Орш вновь просил о помощи. Повелительным тоном!

– Умыть не помешало бы, – обреченно сдалась та, уронив руку на колени. Она протянула ее, тоже пытаясь помочь Риш, но скорость на фоне моих собратьев была крайне низкой.

Что заставило женщину поступить так? Вроде только что решила дистанцироваться, выжидая, но дернулась вперед, откликаясь на

проблему. Я вновь удивился контрасту, который вызывал недоумение и у самой Трои. Парадоксально: она принимала нас за монстров, в буквальном смысле проедающих себе путь к свободе сквозь ряды защитников станции. Но здесь и сейчас считала наивными и растерянными.

– Вода? – Орш оглянулся на панель, за которой ощущалось присутствие жидкой материальной субстанции.

– Да, там душевая.

Следом за эдайти, подхватившими на руки и переместившими измученное и дезориентированное тело Риш в душ, Троя не пошла. В ее мыслях сквозило сожаление. Она укоряла себя, что подчинилась приказу Орша. Мечтала оказаться среди пленных, пусть перепуганных, но своих.

И ни одного воспоминания обо мне.

Почему?! Разве я не защищал ее в последние часы? Не помешал взрывоопасным капсулам подобраться к обшивке транспортника? Не отдал силы, поддерживая защитный купол, принимающий на себя всю мощь обстрела преследователей? Не был всегда достаточно близко? Не накормил? Хотел даже согреть, только она отказалась...

Сбив с мысли, насторожила внезапная тишина. Только что за переборкой раздавались шуршащие звуки, плеск жидкости, жалобный скулеж Риш... и вдруг все стихло!

Словно откликаясь на мое недоумение, Троя шагнула вперед и замерла в дверном проеме. За ее спиной – я чувствовал это – остановился Орш. Возвышаясь над моей добычей, он смотрел на обнаженное тело со стекающими по коже каплями воды и три ладони, накрывшие грудь. Две принадлежали Ризу и Шоку, одна – самому Ришу. Но реагировал он на необычную выпуклость женского тела так же, как и помогавшие ему эдайти. Они застыли в неподвижности, будто пытаясь что-то осмыслить.

Едва слышный стон разорвал наступившую тишину. Лишенный и намек на страдания, скорее выражающий удовольствие... Услышав его, вздрогнули все. Даже я замер, все больше концентрируясь на происходящем в каюте и почти теряя нить, связывающую с датчиками, фиксирующими состояние транспортника.

Оборвав вырвавшийся из горла звук, Риз резко отстранился. Отдернув руку от груди женской оболочки, он озадаченно

рассматривал ладонь. Шох тоже отступил. Лишь ладони Риш продолжали изучать насильно доставшееся тело, и за этими движениями неотрывно следили все, кроме разве что Трои.

Моя добыча смотрела... Она никуда не смотрела! Ее сознание заполнили образы... Двое существ, тесно сомкнувшихся телами. Отсутствие пространства между ними... Прикосновения к волосам, плечам, груди. Зачем? Я не понимал, но чувствовал в этом какую-то... привлекательность для Трои. Возможно, именно поэтому она неосознанно подталкивала моих собратьев к физическому сближению? Будто понукала их прикоснуться к Риш. К оболочке...

Стоп! Я словно увидел происходящее в ином ракурсе. Оболочка! Вот в чем дело!

Троя просто не способна воспринимать что-то, кроме нее. И все, что она советовала, пытаясь помочь, касалось именно тел! Только их. В мыслях моей добычи присутствовали непонятные мне действия, призванные успокоить не эдайти, а ту, кем она считала оболочку Риш, – самку... Женщину! Таковую же, как она сама.

Троя невольно подсказала мне способ получать ответы. Появился реальный шанс разобраться и понять, почему я не могу перестать следить за ней.

Непосредственной угрозы сейчас нет, как и возможности повлиять на ход событий. Зато, возможно, есть несколько дней, о которых бормотал Игерь, и я воспользуюсь этим временем! А когда круговерть борьбы за право жить вернется, больше не будет этих непонятных «почему».

Глава седьмая

На корабле

Троя

Смутившись, шагнула назад. Свидетелем чего стала? Неловкие объятия, вернее, попытки объятий. Неумелая ласка в стремлении погладить растрепанную макушку амиотки...

В голове не укладывалось. Да, с одной стороны, я пыталась намекнуть похитителям, что их женщине необходима поддержка. Но с другой... представить не могла, что чудовища, на моих глазах высосавшие десятки жизней, на такое способны.

Я не понимала... нет, я не принимала увиденное! Привязанность, чувства, нежность. Между амиоткой и ее собратьями? Да как можно думать о подобном?! Разве все это есть в сердце у таких, как они?

Отступила, уверившись, что вряд ли смогу помочь чем-то еще. И не хочу. Ни помогать, ни видеть... Видеть что-то человеческое в тех, кто потенциально утолит мной голод? Безумие!

Еще шаг назад.

О том, что могу столкнуться с амиотом, приведшим меня сюда, даже не думала. Вообще не думала о чем-то конкретном, желая оказаться подальше от того, что казалось невозможным. И пугающим! Ведь все для себя уяснила: они враги, они – монстры. А монстры не могут чувствовать... Это неправильно.

Еще шаг.

Спина уперлась во что-то, твердое и незыблемое, как скала. Сердце замерло от страха и пустилось вскачь, погнав кровь к вмиг ослабевшим мышцам. И еще до того, как обернулась, я неведомым образом уже знала – это он. Седьмой!

– Идешь со мной.

Самая жуткая фраза из всех, что могла услышать. Ведь единственное, чего отчаянно желала, – оказаться как можно дальше от этого существа. Только он не спрашивал, не ждал ответа – твердой рукой стиснул мою дрожащую ладонь и потянул за собой.

Куда? В панике я была способна замечать хоть что-то, думая об одном: его голод вернулся. А данное мне обещание... Имеет ли оно хоть какое-то значение? Наверняка он меня выпьет...

Амиот остановился, и я обреченно вскинулась: сейчас? Взгляд в одно мгновение впитал в себя все вокруг. В месте, откуда меня увели, оставались другие пленные. А теперь пусто. Никого!

– Нет.

Седьмой обернулся. Взгляд из самого жуткого ночного кошмара – прямой и пустой. Холодный, способный заморозить воздух. И при этом изучающий. Ему любопытно? Нравится наблюдать агонию обреченной жертвы?

– Нет, – снова отчетливое и безликое слово, сопряженное со спокойным, уверенным движением губ.

Чувствуя, как от слабости глаза застилает влажная пелена, а образ чудовища расплывается, я заставила себя собраться. Пусть так. С рарком он сделал это молниеносно. Со мной тоже будет быстро...

– Другие живы. Пока.

Пока?! Уставшая и измученная, я отупела. От этого голоса сердце всякий раз уходило в пятки. Что скрывалось за этим «пока»? Отсрочка? Пояснение моих заблуждений?

Другие? Мои недавние коллеги, также захваченные на станции? Надо думать, они живы. Пока...

Спорное слово, чтобы ободрить. Жестокое и безнадежное по своей сути.

– Да.

Станный разговор, в котором я не произнесла ни слова вслух. Только это уже не пугало. Сил бояться не осталось, я ощущала лишь смирение и готовность умереть – пространство перед глазами поплыло, а темная поверхность пола метнулась навстречу.

– Плохо?

Станный вопрос. Неуместный! Особенно из уст существа, многократно обещавшего меня убить.

Безразличная к происходящему, не сразу поняла, что амиот удерживает меня на весу одной рукой. Другую нарочито медленно положил на макушку.

Просто свернет шею?

Подумала об этом без толики интереса, безвольно констатируя данность. И ошиблась. Он... Он провел ладонью по моим безнадежно спутанным волосам!

Ох! Судорожно сглотнув, вжала голову в плечи. Неловко! Он гладил меня так же неловко, как тот, что трогал волосы Риш. Определенно впервые. Вряд ли понимая, как надо делать правильно. Но... пробовал!

Вопреки слабости и накотившему безразличию глаза широко распахнулись, взметнувшийся вверх взгляд встретился с сиреневым взором монстра. Спокойным и по-прежнему изучающим. Нет, пожалуй, даже хуже – заинтересованным!

Медленно, словно вслушиваясь в каждый нервный импульс, заставляющий действовать мышцы руки, амиот оторвал ладонь от моего плеча и рваным движением вновь поднял ее к макушке, чтобы через мгновение снова, цепляясь когтями и путаясь пальцами в моих волосах, скользнуть по прядям вниз.

Кажется, я перестала дышать. Сделала вдох и забыла выдохнуть, так жутко стало. Страх угнезвился за ребрами, делая вдохи болезненными. Все, чего я боялась прежде – преследование, уничтожение транспортника, пленившие нас чудовища, даже необратимость участи стать едой, – осталось где-то за пределами моего тела. Сейчас я была способна воспринимать лишь то, что находилось внутри меня и сводилось к взрыву ощущений. Даже волосы в мгновение ока превратились в наичувствительнейшую часть тела. Я ощущала малейший контакт так остро, как если бы кожи касался раскаленный металл – губительно и невыносимо мучительно.

– Да, – снова произнес Седьмой, вероятно, отвечая каким-то своим мыслям.

Замерла, боясь шелохнуться и спровоцировать нечто худшее. Уже не смерти я страшилась, участь пищи, возможно, не самая скверная. Какие намерения у амиота?

– Греть. Обнимать. Успокоить.

Усиливая мой ужас, оставляя ощущение тисков, Седьмой так же неловко и болезненно обхватил меня за плечи. Как мягкую игрушку, легко перевернул в воздухе и прижал спиной к себе, а его ладонь опустилась поверх моей груди.

– Не так, – подумав, недовольно высказался он, зародив подозрение: монстр действует по какому-то своему плану. – Нет воды.

Не спрашивая и не поясняя, амиот приподнял меня и сдернул изрядно потрепанную куртку с лопнувшим по шву рукавом. Сделал это легко, не заботясь о сохранности вещи, просто вспоров ее когтем. Не щадил он и моего тела, вероятно, не осознавая своих сил и не соизмеряя их с моей уязвимостью.

Если бы передо мной не маячили куда более серьезные проблемы, я бы переживала о синяках. Но когда Седьмой внезапно поволок меня к ближайшему душу, в голове из всех мыслей остались только те, что объясняли реакции на амиотку ее соплеменников. Я сочла это как минимум интересом! Интересом мужчин к женщине.

А что, если это тоже черта чудовищ? Потребность к размножению? Не это ли навязчивая идея ученых со станции? Что еще они заложили в свои «создания»? И почему именно я так привлекаю Седьмого? Среди пленных, помнится, есть еще две женщины. Происходит ли с ними нечто подобное? И как амиот поведет себя дальше?

В шоке от догадки я перестала чувствовать боль, перестала понимать, где явь, а где дурной сон. Краем сознания отметила округлившиеся от потрясения глаза Игеря, напуганные до смерти... Или это было отражение моего взгляда?

В себя пришла от бьющих по коже холодных струй, словно невидимыми иглами пронзавших тело. Но внимательный взгляд склонившегося ко мне лица заставил притупиться и это неприятное чувство. Сквозь мутную пелену воды я смотрела в сиреневые глаза, ощущая опустошение и бешеный ритм стучащей в ушах крови. Мысль о сопротивлении даже не возникла. У меня было мало шансов против рарка, а здесь... Я обречена. Обречена, так или иначе, стать десертом для чудовища.

– Хорошо?

Эти вопросы! Кому он их задает? Мне? Самому себе? И зачем? Если потребность в размножении так сильна, почему просто не возьмет то, что хочет?

Стоя передо мной, удерживая одной рукой под струями воды, он продолжал попытки пригладить мои волосы. Неловко цеплялся чуть подрагивающими пальцами за отяжелевшие от влаги пряди, тянул их,

вынуждая мой подбородок задирается, а лицо поднимать навстречу его взгляду.

Вода была прохладной, но меня трясло не от этого. Велика была буря в моем теле, спровоцированная страхом перед Седьмым. А он не обращал внимания ни на летевшие на него капли, ни на промокшую одежду. Ему не мешали даже налипшие на лицо мокрые волосы, отнюдь не делавшие его забавным. Веселье – последнее чувство из всех, что порождал в моей душе этот монстр.

Я не понимала амиота. Зачем он забавляется со мной? Почему так? К чему эти попытки приласкать и купание?

– Надо успокоить.

Очередная команда самому себе, молниеносный рывок, выдернувший меня из-под душа, – всего пара секунд, стремительные движения, и окружающий мир снова превратился в серую пелену. Когда сознание прояснилось, оказалось, меня усадили на пол, и подо мной не металлизированное покрытие рубки, а пластик каюты. Здесь имелась узкая выдвижная кровать, чуть в стороне, но Седьмой не стал ее использовать. Возможно, не понимал назначения? В камерах, где их содержали на станции, мебель не предусматривалась.

– Еда.

В губы, одновременно давя и царапая, ткнулось отверстие тюрбика из стандартных пищевых боксов звездолетов. Давление было немилосердным, и, почти сразу сдавшись, я приоткрыла рот и рефлекторно втянула в себя питательную гомогенизированную кашу. Едва ли понимая, что делаю, не ощущая вкуса, действуя как сомнамбула. Страх полностью поработил сознание, я даже сглатывала инстинктивно.

Причина находилась рядом: присев и поддерживая мою голову, Седьмой продолжал изучающе смотреть. Его не заботила капающая с волос и одежды вода, все внимание было сосредоточено на мне. В преддверии?.. Что он сделает дальше?

– Отдых. – Очередная цель стала ясна, едва опустел тюрбик с едой.

Отбросив его в сторону, амиот толкнул меня двумя пальцами в лоб. Даже это простое движение несло в себе столько силы, что мое тело резко мотнулось назад, и я рухнула на спину прежде, чем осознала опасность. Инстинктивно приготовилась к вспышке боли,

однако неминуемого столкновения затылка с полом не случилось – монстр успел исправить собственный просчет, подставив мне под голову ладонь.

Подавшись вслед за моим рухнувшим тельцем, он нависал ровнехонько сверху. Это было жутко – видеть клыкастое лицо сантиметрах в пяти от себя. Желая лишь полного забвения, я закрыла глаза. Сил сопротивляться не осталось.

– Все. Теперь правильно. Моя добыча. Все сделал.

Сокрушив остатки обреченной надежды, амиот лег рядом. Обхватил руками и словно тисками прижал к своей менее потрепанной, но тоже промокшей эластичной майке мое дрожащее от липкого страха тело. Кожа под моими ладонями была теплой, согревая и не позволяя забыть: он живое существо. Жестокий и опасный, но живой. К счастью, одежду он не снял. Это обнадеживало и настораживало одновременно.

– Помог. Не пострадает, – вновь безлико отметил Седьмой очередной пункт своего странного плана и...

И все?

Я замерла, не дыша и выжидая, но существо рядом больше ничего не делало, сохраняя неподвижность. Какова теперь его цель?

Не знаю, сколько времени я пролежала, давясь мукой худших ожиданий, прежде чем до меня дошло: амиот спокойно спит! Не меняя позы, не разжимая мощных рук, из кольца которых не было шанса ускользнуть. Да я и не пыталась, страшась неизбежного гнева. А чем закончится вспышка ярости? Скорее всего сожрет.

Сейчас пережитые с момента отбытия со станции события казались мне нереальными. В голове не укладывалось, что череда кошмарных смертей, побег, преследование и плен у амиотов – все это происходило со мной на самом деле. Не приснилось в страшном сне, а стало частью настоящей жизни. И реальность эту придется принять.

Чего ждать от Седьмого и как реагировать? Сказать, что он вел себя странно, особенно со мной, – значит ничего не сказать.

А кто виноват? Ученые. Недалекие, самонадеянные фанатики! Это их эксперименты породили жутких монстров! Смертоносных, совершенных во всем, что касалось уничтожения других, но с нелепой, доходящей до абсурда способностью поступать в любой, отличной от боя ситуации, подобно детям. Несмышленным и растерянным!

Предоставленным самим себе и способным уничтожить жизнь во Вселенной. Ужас...

Проблема глобальна. Вот только... Сейчас надо думать о себе, пусть со стороны это и выглядит эгоистично. Что я могу сделать здесь и сейчас для целой Вселенной? Ничего! Могу лишь попытаться выжить.

Жизнь учила меня стараться стать достойнее, найти свое место и получить серьезную работу, встать на ноги, не имея поддержки близких. Затем вынуждала встроиться в жизненный уклад устоявшегося коллектива, ограниченного территорией базы, пытаться держать границу с непрым напарником... А теперь – попробовать выжить. Всего-то!

Ха! Самообман и самоуверенность в моей ситуации равносильны смертному приговору. Эти существа из неуклюжих и бесполезных, какими амиоты выглядели на организованных экспериментаторах боях, быстро превратились в ловких и слишком сообразительных противников. Надо быть честной с собой и признать: мы им не соперники! Шансов на победу никаких. Прав был чертов парк, пусть вакуум будет ему пухом.

Мысль о судьбе, постигшей напарника, отозвалась новой волной отчаяния, и я крепко зажмурилась, чтобы слезы не хлынули из глаз. Жалость к себе и слабость – их во время учебы вытравливали из нас всеми способами. Пусть внешняя, показная, но стойкость – вот что должен видеть враг.

Впрочем, могла и не стараться – мой враг на меня не смотрел. Его глаза были закрыты, ритм дыхания четок. Я же, каждой клеточкой тела ощущая близость и массивность чудовища, боялась сделать полноценный вдох – любой протест или сопротивление равнозначны немедленной гибели. А жить отчаянно хотелось...

Оставалось одно: смириться. Затаиться, все силы направив на подавление собственных эмоций. Ничем не выдать ни страха, ни отвращения. Даже в мыслях!

Вдруг опомнилась, испугавшись – что, если и сейчас он меня «слышит»?!. Однако нашла силы погасить панику. Что сделано, то сделано – исправить невозможно, а на будущее... Надо научиться действовать не думая, поступать импульсивно, но не во вред себе. Для этого есть прекрасный пример – сами амиоты. Они, ничем не выдавая

намерений, освоились и многое переняли! Пришло наше время поступать аналогично. Жизнь не может не подарить шанс на спасение. Моя задача – до него дожить.

Что касается других пленников... Возможно, я их больше не увижу. Думать об этом было жутко, однако... У нас всех равные шансы и равные возможности. Каждый примет свое решение. Увы, помочь друг другу мы не в силах.

В какой-то миг я наконец обмякла, погрузившись в сон. Такова уж наша природа – силы не безграничны.

– Добыча.

Лаконичный призыв заставил меня молниеносно распахнуть глаза и лихорадочно осмыслить факт, что я все же уснула. Глазами встретила со знакомым жутковатым взглядом, наполненным сиреневыми отблесками, и невольно вздрогнула – давно ли он рассматривает меня?

– Время есть.

Очередная безликая реплика, которую можно было считать ответом на мой мысленный вопрос. Хотя с той же вероятностью Седьмой мог говорить о чем-то своем.

Разъяснений не последовало.

Не успела опомниться, как оказалась на ногах – легко вскочив, амиот следом вздернул меня, его глаза неотрывно наблюдали за мной. Невольно дернувшись, я прижала руки к груди – накануне осталась почти без одежды. Впрочем, моего похитителя это движение не заинтересовало. Пол в один миг ушел из-под ног – меня снова превратили в игрушку, которую по привычке таскают с собой.

Пока моргала, силясь различить хоть что-то в круговороте теней вокруг – настолько стремительно двигался амиот, – сама не заметила, как оказалась на мостике.

– Т-троя? Ты в порядке? – услышала приглушенный испуганный голос Игеря.

Шарахнувшись от Седьмого, нависшего над консолью, бывший штурман транспортника неловко осел в кресло. Кроме нас, никого из пленников в этом помещении не было. А вот пленители были – еще двое амиотов молча и неподвижно стояли у входа.

Растерянная и дезориентированная, я не сразу поняла, о чем спрашивает Игерь. Опомнилась, лишь проследив за взглядом, который

он с усилием отвел от моей груди, ведь после того, как коготь монстра разорвал куртку, сверху на мне осталось только нижнее белье. Хорошо, что хоть за ночь оно просохло после душа, который я вынужденно приняла из-за непонятных целей амиота. Впрочем, окажись перед ним полностью голой, мне было бы не до смущения. Все происходящее напрочь отбило способность проявлять эмоции из-за причин менее существенных, чем собственная смерть. И потому я даже не попыталась прикрыться.

– Он... с тобой... То есть он тебя... мучил? – сбивчивый тихий шепот.

И медленное движение – мужчина снял свою куртку и робко протянул мне, глядя сочувствующе и обреченно.

Механически схватив одежду, натянула ее на плечи. Едва запахла плотные полы, как Седьмой обернулся. Неожиданно, без каких-либо видимых причин. Я замерла под его взглядом, словно бабочка в свете фонаря.

Он слышит! Он все прекрасно слышит и ждет, что отвечу, жаждет узнать мою реакцию.

– Нет. – Мотнула головой, радуясь, что собеседник сосредоточен на мне и не подозревает о возникшей угрозе – она почудилась в напряженной позе амиота и в глазах, выражение которых стало зловещим. Что-то было в них, схожее с увиденным мной накануне в противостоянии между его разъяренными братьями. – Дал поесть, разорвал куртку, облил водой и сам же потом грел, пока не уснула от полного бессилия.

– А-а-а... Понятно. – Игеря тоже озадачило поведение амиота, но, очевидно, взгляд со стороны или мужская логика подсказали ему объяснение. – Он сделал все то, что ты советовала вчера сцепившимся из-за самки. Выходит, чем-то ты его привлекла, раз даже такой, как он, ищет способ тебя... задобрить.

Я опешила – это было так созвучно моим мыслям. Мне тоже приходило в голову, что амиот может интересоваться мной отнюдь не в пищевом ключе, и потому нервно посмотрела на штурмана. Краем глаза успела уловить – Седьмой отвернулся. По-прежнему молча и стремительно.

Не желая продолжать обсуждение жуткой перспективы, сменила тему.

– Остальные живы? – выдавила через силу.

Слова с трудом продирались из горла, несмотря на отсутствие контроля.

– Не знаю... Как вчера увели, так никого больше не видел, – Игерь старался говорить как можно тише, склоняясь ближе ко мне.

Страшные догадки вновь завладели сознанием. Я не сдержала истеричного всхлипа, спровоцированного еще и жутковатым вниманием Седьмого. Но каким-то внутренним наитием осознавала: Игерю не стоит сейчас оборачиваться, так можно и от разрыва сердца умереть. Собрат выглядел бледным и утомленным, он ведь пережил тот же кошмар, что и я, только вряд ли его покормили и позволили отдохнуть.

– Вы... Ты устал? Хотя немного удалось поспать?

Мы с ним не были на «ты», но не зря же говорят: проблемы сближают. Сейчас штурман был единственным, кто связывал меня с моим прошлым. И проявлять официальность в обращении казалось кощунством.

– Поспать? – Игерь словно только сейчас об этом задумался. Зажмурился и тяжело потянулся, разминая затекшую спину. Знакомый жест из прошлого – со мной тоже бывало, если засиживалась за мониторами в смену. Украдкой бросила взгляд на опустевшие кресла и услышала тяжелое признание: – Как тут спать? Не отойду от... вчерашнего, – его голос осел до сипа. – Не уверен, что засну.

Я машинально кивнула, и в этом наши мысли совпадали.

– Что происходит вообще? – двинула подбородком в сторону, давая понять, что переживаю и о нынешнем положении, и о корабле.

– Летим пока... Хотя это как раз удивительно – ударом приложило знатно, обычно при таких попаданиях двигатель взрывается. Не представляю, что такое мог сделать... этот. – Игерь скосил глаза в сторону, но я и так поняла, кого подразумевает товарищ по несчастью.

Невольно посмотрев на Седьмого, обнаружила рядом еще одного амиота, того, что накануне увел меня на помощь своим. Стояли оба спокойно и молча – внешне выглядело так, но я уже догадалась об их способности общаться без слов.

– Значит, повреждения серьезные? – стараясь собраться с духом, продолжила наши перешептывания, они хоть немного успокаивали, напоминая: я не одна в этом месте.

– Я механик, а не инженер-конструктор, – как-то виновато взглянул на меня штурман, – могу судить только по данным с датчиков. Но точно знаю, что нам повезет, если выйдем в конечной точке маршрута.

– Повезет? – Почувствовала скрытый намек в словах.

– Ну да. – Игерь мне подмигнул и бросил взгляд, полный ненависти в сторону наших пленителей. – Он же сказал, что ему все равно, куда маршрут проложу. Вот я и...

– Молчи! – зашипела, старательно отгоняя мысли о ловушке, которую наверняка приготовил штурман.

Возможно, мы вылетим там, где базируется земной флот или сосредоточены силы рарков, способные уничтожить врага. Но мне нельзя об этом думать! Седьмому как-то удастся распознавать мои мысли. А может, не только мои? И не только ему? Что, если все они способны читать мысли, и план Игеря разоблачат?! Нет! Не думать!

– Я уже устал бояться, – вздохнул мужчина. – Вообще устал. Все это время следил за системой из опасений, что может что-то проявиться, засбоить...

Он замолк, потому что на замусоренный и усыпанный обломками мебели мостик шагнули еще двое представителей расы с новообретенными телами. Не взглянув на своих собратьев, направились напрямиком к нам.

– Еда.

Односложное пояснение, и перед нами на пол шлепнулись два брикета стандартной прессовки из резерва. До столовой амиоты, видимо, не добрались. Или просто решили не возиться с системой автоповара?

Переглянувшись с Игерем, мы с осторожностью подняли пайки. Чувство голода давало о себе знать. О том, голодны ли амиоты, старалась не думать. Как и о том, покормили ли других пленных.

– Еще что-то... в чем-то... нужда? – с трудом выдавил из себя один из вошедших.

Смотрел при этом только на меня, как если бы исключительно моими потребностями пытался поинтересоваться.

Я собралась было судорожно замотать головой, полагая, что единственное, в чем нуждаюсь – быть от них подальше. Но тут вмешался Игерь:

– Аптечку можно использовать? – Он указал на мои раны.

Не такие уж и страшные, всего-то синяки и царапины, оставленные руками Седьмого. Пустячные по сравнению с кровавым пятном на потолке, которое лишь потемнело, но не исчезло, напоминая о чьей-то личной трагедии накануне.

С другой стороны, инфекцию никто не отменял – вряд ли когти амиотов стерильны. Получить воспаление было бы не самым приятным последствием, так что в здравомыслии штурману не откажешь, и я была ему благодарна, что даже в таком окружении умудрился проявить заботу о ближнем.

– Да, – ответил амиот, вот только его слова сопровождал очередной поворот Седьмого – он снова на нас уставился.

Игерь, видимо, этого не заметил. Спокойно встал и, прекрасно знакомый с устройством транспортника, неловко протиснувшись между бесформенными останками кресел, извлек портативную аптечку из закрытой ниши в стене. Конечно, на кораблях такого размера имелся бокс лазарета, но вряд ли нас туда сопроводят, а вот индивидуальные пакеты экстренной помощи, натканные по углам, – то что нужно.

– Куртку снимешь? – излишне развязно шепнул штурман, вернувшись. Он явно заставлял себя не думать о присутствующих амиотах. – Руки все в ссадинах. Думаю, по всему телу так?

– Ерунда, – отмахнулась, хотя бока побаливали, на ногах местами было неприятно касаться кожи, но она же цела.

Наверное.

– Закатай хоть штанины.

Игерь уже вытянул из спаспакета дезинфектант, пистолет с противостолбнячной капсулой, баллончик для заклеивания ран. По хорошему все это полагалось применять сразу после получения повреждений, но...

Вспомнила, что штурмана амиоты тоже не жалели. По крайней мере стекающую по лицу кровь видела хорошо.

– Я себя уже подлечил, – невесело хмыкнул он, заметив мой взгляд. – Пока тут слонялся...

Сняв куртку и подобрав длинноватые брючины, замерла, позволяя себя осмотреть. Игерь, не теряя времени, принялся распылять над ранками дезинфицирующий спрей. Когда добрался до колена,

обнаружил ссадину. Даже ткань прежней экипировки не защитила – кожа содралась до крови.

Лекарство обожгло вспышкой боли. От неожиданности зашипела и тут же подавилась собственным звуком – так быстро рядом оказался Седьмой! И он... Он рычал, бешено полыхая сиреневыми глазами, и скалил клыкастую пасть...

Игерь испуганно шарахнулся в сторону, я в ужасе вжалась спиной в стену.

– Больно. Ей?

– Нет! – ответ выкрикнули синхронно, опасаясь любых действий амиота, – перед глазами стояла сцена вчерашнего агрессивного поведения двух самцов.

– Почему шипела?

Штурман растерялся, понимая, что вопрос-обвинение адресован ему, но не представляя, как объяснить чудовищу мою вполне естественную реакцию.

– Это нормально. Из-за лечения, – забормотала, испугавшись за коллегу. – От неожиданности вскрикнула.

Какое-то время амиот молчал, склонив голову и переводя взгляд с меня на Игеря. Мы при этом едва ли дышали, а потом так же дружно ахнули: Седьмой вдруг полоснул себя когтем по предплечью и выхватил из рук Игеря баллончик с аэрозолем. Кажется, хотел лично испытать реакцию. Вот только, когда прицелился, намереваясь нажать на кнопку распылителя, обеззараживать было нечего – рана мгновенно затянулась.

Ну и регенерация! Мы со штурманом синхронно сглотнули, получив наглядное подтверждение уникальной природы чудовищ. Амиота же разница озадачила: он вертел головой, изучая то мои, ни на микрон не уменьшившиеся за эти минуты шрамы, то свою идеально ровную кожу на месте недавнего пореза.

Впрочем, размышления продлились недолго. Приняв факт своего физического превосходства, Седьмой с очевидным старанием, плавно вдавливая клапан баллона, принялся сам распылять дезинфицирующий аэрозоль на мое тело.

Протестовать я даже не пыталась, послушно подстраиваясь под его маневры. Игерь вообще всеми силами пытался слиться со стеной и

не попасть в фокус внимания монстра. Монстра, увлеченно занимающегося таким странным и явно ему непривычным делом.

В какой-то момент Седьмой перевернул флакон к себе и пшикнул... Почти забавно сморщился, ощутив, как крошечные капли осели на лице. В остальном же он действовал с неизменной бескомпромиссностью, убежденный, что его действия и намерения единственно правильные.

Закатанных брючин ему показалось мало. Не задумываясь, стремясь «вылечить» все мое тело, амиот вспорол оставшуюся целой ткань. Я и ахнуть не успела, как от моих едва заполученных форменных брюк остались лоскуты, чудом не упавшие и повисшие на надорванном поясе.

Чувство стыда, приправленное испугом, – явление неосознанное, которое не вытравили даже проведенные в армии годы: щеки немедленно покраснели, руки прижали ткань к телу в попытке удержать «останки». В голове мелькнула мысль, что, может, удастся улучшить момент и вновь подобраться к раздаточному боксу. Система обеспечения работает, Игерь подтвердил. Она выдала бы мне еще один чистый комплект одежды.

Седьмой замер, прекратив орошать меня лекарством. Осмотрел с ног до головы, словно видел впервые, и перевел взгляд на штурмана, который предпочел отодвинуться подальше. Я не сразу поняла, что стало причиной. Сообразила, что у амиота вновь сработали собственнические инстинкты, лишь когда он, обнажив клыки, посмотрел на своего собрата, Третьего.

– Одежда. Потребность. – Быстро опомнился, выдав свои странные установки.

Молниеносное движение – и я увидела амиота чуть ли не соткавшегося из воздуха уже возле панели раздаточной системы. Управлялся он с ней так лихо, словно делал это сотни раз. Увидел в моих мыслях? Или настолько превосходно ощущал всю техническую начинку звездолета?

Как бы там ни было, через пару минут амиот вернулся. Впихнул мне в руки пакет с одеждой и невозмутимо продолжил обрабатывать раны, вертя мое многострадальное тело как ему вздумается. Ну точно игрушку...

– Теперь знаю.

Этим сообщением ознаменовался очередной этап – Седьмой швырнул опустевший баллончик с дезинфектантом Игерю и так же стремительно ушел к управляющей консоли корабля. Фокус его внимания смещался столь быстро, что мы со штурманом не успевали реагировать, и некоторое время по инерции стояли неподвижно, хотя нас оставили в покое.

Разговаривать больше не пытались. У меня вообще сложилось ощущение, что для штурмана маневр амиота был наполнен глубоким смыслом: поведение Игеря изменилось, он старался дистанцироваться от меня. Отошел к уцелевшему ряду кресел в отдалении и лег на них, убрав разделительные подлокотники. Хотя, возможно, вмешательство Седьмого лишило его остатков сил, и он просто решил отдохнуть.

Амиоты, находившиеся на мостике вместе с Седьмым, на нас внимания не обращали, словно никого рядом нет.

Пользуясь отсутствием видимого контроля, трясущимися руками я вскрыла пакет. Содрав с себя лоскуты, натянула униформу экипажа транспортника. Невольно подивилась, что амиот угадал с размером – брюки на бедрах сели как влитые. Куртка тоже застегнулась без проблем, хотя обычно мне приходилось вводить в систему два запроса на половинное обмундирование – отдельно верх, отдельно низ. Стандартный размер комплекта подходил либо по груди, либо по бедрам, и то, что местная система снабжения выдала «разносорт», показалось странным.

Я заканчивала одеваться, за обыденным делом немного отойдя от нервного напряжения, когда амиоты неожиданно встrepенулись. Так синхронно и резко, что я нутром почувствовала раньше, чем поняла: что-тостряслось! Вдоль позвоночника скользнул холодок животного ужаса, предвестник инстинктивного распознавания угрозы. Никто из пугающих монстров, взявших нас в плен, не шелохнулся, но я уловила миг, когда резко расширились зрачки в глазах Третьего – он единственный стоял ко мне лицом. Взгляд метнулся к его клыкастой физиономии, словно что-то толкнуло отцепиться от застежек и уставиться на амиотов. Они не шелохнулись, но вид черноты, стремительно скрывшей сиреневую радужку одного из них, заставил сердце пропустить удар.

Что?..

А в следующую секунду рядом уже был Седьмой. Молча подхватил меня и притиснул к себе – с какой-то запредельной скоростью я оказалась оторвана от пола и окружена его непрошибаемым телом.

Мгновением позже раздался оглушительный визг системы оповещения корабля.

– Что такое?! Что происходит?

Игерь, едва успевший задремать, резко сел, вцепившись в спинку кресла, и непонимающе хлопал глазами. А я поверх плеча амиота уставилась на обзорный экран, единственный источник информации, доступный из моего положения. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы осознать – серой дымки подпространства больше нет, она разорвалась, и на смену ей пришла чернота обычного космоса. Мы вынырнули.

Глава восьмая

Планета

Кин

Мощнейший незримый взрыв, одномоментный шквал ощущений... Нет, осознания! Нахлынувшего на наши изначальные сущности прежде, чем перемены зарегистрировали чувствительные датчики транспортника. Ощущения, что в принципе не способны распознавать материальные оболочки.

Нас, всех эдайти, на миг оглушило ударной волной множества сигналов от внезапно возникших в непосредственной близости объектов. Сигналов разных: от импульсов и магнитных полей до материальных пылинок и необъятно больших в сравнении с ними тел.

Мы вылетели в физический мир. Рухнули в него! Я чувствовал это столь же ясно, как раньше ощущал близость многомерности.

В первые секунды это ошеломило. Краем сознания отметил реакцию обретенного тела, пусть и отложенную: едва заметно усилилось сердцебиение, расширились зрачки, сбился ритм дыхания, колыхнув грудь, – признаки пока несовершенной, но уже закрепившейся связи между сознанием и оболочкой, в которую меня заточили.

«Примитивное стабильное пространство», – с четким оттенком презрения выдохнул кто-то из эдайти.

Я не стал вникать, кто сказал это, потому что собрат был прав: за пределами корабля появился мир, в основе которого была вещественная материя, однако при этом он весь был пропитан самой разнообразной энергией, манящей и обещающей насыщение. Да, она перестала быть легкодоступной, но это несколько не мешало распознавать ее и ощущать.

«Наш дом... Ведь мы подошли к его границе! Когда корабль находился в подпространстве, многомерность была совсем близко», – разочарование в голосе еще одного из наших было очевидным.

Я испытывал такое же чувство. И все же его подавил.

Во-первых, бессмысленно сожалеть о прежнем мире, в котором когда-то жил и в который вряд ли смогу вернуться, потому что он не предполагает материальной оболочки, а выйти из нее я не могу. Во-вторых, надо познавать то, что нас окружает теперь, иначе бездействие погубит. В-третьих, я же сам спровоцировал обратный выход в материальный мир – достаточно было намека в мыслях Трои, что в месте выхода, куда корабль направил Игерь, нас ждут... неприятности. Поэтому, сознанием слившись с питающей ходовые системы транспортника энергией, я замедлил частоту движущих импульсов вопреки настройкам штурмана. И двигатель, на который он возлагал столько надежд, не выдержал нагрузки – я вмешался в его работу так тонко, что тяжеловесная аппаратура, и близко не обладающая чувствительностью эдайти, не смогла зарегистрировать сбой. И все прошло незаметно для вознамерившегося воспрепятствовать нам существа. Он тоже наша добыча. А мы из тех, кто играет с едой. Только еда не подозревает, что правила навязанной ею игры изменились.

Я знал, что мы не долетим до заданной Игерем точки. Да, изначально не рассчитывал, что обстоятельства изменятся так скоро. Планировал использовать имеющееся время, чтобы наблюдать за своей личной добычей. Но реальность наступила быстрее, и теперь это надо учитывать. Строить новые планы.

Впрочем, разве проблема когда-нибудь становилась неразрешимой? Нет. Всегда находился выход. Мы справимся, потому что мы – эдайти! Нам не привыкать жить в изменчивой обстановке: подчинять, разрушать, поглощать любую энергию, способную насытить. Приспосабливаться!

Нам, но не...

Троя! Моя добыча... Она другая. Что это значит?.. Мой жизненный опыт не мог подсказать, как она воспримет наступившие перемены.

Оболочка не подвела, нелепое тело слушалось меня все лучше и лучше и молниеносно подчинилось приказу. Стоило зародиться намеку на мысль, что новые условия могут нести угрозу для женщины, как я оказался рядом и крепко прижал ее к себе. Не могу лишиться добычи и должен сделать все, чтобы ее успокоить. А для этого... Для этого нужен тактильный контакт.

Это открытие я совершил накануне, когда, следуя перечню указаний Трои, касался ее, используя способности навязанной оболочки. И в момент осязания мои сознание и тело одновременно окатило всплеском неожиданных ощущений. Непонятных, но отчего-то воспринимаемых полезными и необходимыми.

Вот и сейчас, только лишь почувствовав добычу полностью в своей власти, я смог сосредоточиться на том, чем в настоящий момент занимались собратья-эдайти. Мой непонятный маневр их не заинтересовал, новая реальность была значимее, и они жадно считывали информацию обо всем, до чего могли дотянуться.

Самое время заняться этим и мне.

Создав сканирующую волну, бросил ее за пределы корабля. Меня интересовали преследователи. Они остались в той точке пространства, где исчез транспортник, или смогли последовать за нами? Второй вариант крайне нежелателен, отразить новую атаку сейчас будет проблематично.

Мы одни – понял, присмотревшись к спокойной структуре пространства, в которой не фиксировалось материальных тел. Мелких. Зато ощущался иной объект, куда более крупный, массивный, опасно близкий. И это была...

– Планета, – синхронно моим выводам прошептала Троя, которую я по-прежнему держал в руках.

Моя добыча! Значит, мне важно следить, чтобы с ней ничего не случилось. Впрочем... Раз преследователей рядом нет, можно дать Трое чуть больше свободы. Тем более что ее сердце бьется пусть учащенно, но ровно. И на удивление на меня она не реагирует, уставившись, как и все присутствующие в рубке, на экран.

Аккуратно поставив добычу на пол, я развернулся, рассматривая картинку происходящего за пределами транспортника. Зрительные возможности оболочки запоздало подтвердили то, что давно установила сущность эдайти: взгляду предстал оранжево-пурпурный шар с ореолом белесо-сиреневой атмосферы, испещренной голубыми полосами.

Сомнений не осталось, наш курс лежал напрямиком к ней. Вернее, будь траектория прямолинейной, корабль пролетел бы чуть в стороне, однако сила тяготения сделала свое дело, захватив нас в плен, и теперь

медленно, но неуклонно притягивала, изменяя направление движения транспортного средства.

Все понимали: если что-то предпринимать, то немедленно.

«Отвернуть в сторону, чтобы корабль пролетел мимо».

«Нужно дополнительное ускорение».

«Есть возможность включить маршевые двигатели...»

«Те, что для движения в обычном пространстве?»

«Именно. Они не повреждены».

«Тогда уж проще просто разогнаться. Прямолинейное движение тоже позволит оставить неведомый объект позади».

Предлагая варианты, активно включились в обсуждение все мои собраты, даже те из них, кто не находился в рубке. Они в равной степени ощутили изменения за стенами транспортного средства.

Однако разговор этот был привычно мысленным и слышимым исключительно нам. И потому Игерь, на волне смятения вновь забравшийся в кресло пилота, обернулся, вопросительно глядя на меня.

– Ничего не... делать, – приказал я вслух, одновременно подталкивая свою добычу к уцелевшим креслам и позволяя ей самой выбрать удобное место.

Она почему-то села рядом со штурманом. Он же вздрогнул, расслышав мой приказ, и как-то боязливо перевел взгляд с меня на Трою, явно ища у нее понимания. Идея приземления не пришлась ему по душе?

«Кин, ты уверен? – проявил сомнение Орш. – На планете мы лишимся маневренности. Она станет еще одной «оболочкой», ограничив возможность исчезнуть в бескрайнем космосе, если преследователи снова нас обнаружат».

«Резервы прочности корабля конечны, он развалится раньше, чем закончится время, отведенное на существование наших оболочек, – парировал я. – В открытом космосе тела, возможно, какое-то время будут жизнеспособны – уверенности нет, это надо проверять – но перемещаться точно не смогут. Для этого и созданы корабли. Но их нужно много, а у нас в распоряжении только один. И он поврежден».

«Кин прав. К тому же ресурсы пищи здесь ограничены, – поддержал меня Зом. – Планета должна быть более продуктивной по количеству имеющейся на ней энергии и органики».

«А если нас обнаружат?» – проявил было опасение Тас, но его тут же перебили сразу несколько голосов:

«Значит, как и на станции, мы покажем, кем они для нас являются...»

«Забрать их энергию на планете проще, там не будут мешать стены корабля...»

«Наконец-то почувствуем себя прежними!»

Между нами разгорелись жаркие дебаты, однако внешне все эдаити сохраняли невозмутимый вид. Штурмана кажущееся бездействие нервировало, он елозил в кресле и бросал быстрые взгляды то на нас, то на Трою. Других пленников на мостике не было – поддержать его явные опасения оказалось некому.

Не догадываясь о наших безмолвных обсуждениях, Игерь развернулся к моей добыче, а та, с тревогой всматриваясь в экран, словно только этого и ждала.

– Где мы? – донесся до меня тихий, едва слышный вопрос. – Куда выпали?

Информация никогда не бывает лишней, и я прислушался, стараясь не выдать своей заинтересованности – очень уж нервно Троя реагировала на такое внимание.

Прежде чем ответить, штурман медленно выдохнул и потянулся к системной консоли, его пальцы подрагивали, как если бы мужчина силился совладать с собой, но не справлялся с разгулом эмоций. Похоже, внезапный выход из подпространства оказался для него неприятным и неожиданным.

– В тридцати шести парсеках от базы. Это еще не колонизированная планета в системе двойных звезд, – сообщил так же негромко. Голос заметно сипел, выдавая тревогу и затаенное напряжение, – мужчина и сам жаждал разобраться с новыми реалиями. – Информационная система идентифицирует их как «икс джи аш двести тридцать семь» – голубой сверхгигант и «ти ю эф восемьсот двенадцать» – розовый карлик. Сейчас обе вне зоны видимости, за нашей кормой.

– Кто дает звездам такие дурацкие названия? – посетовала Троя, трясая головой и сжимая виски руками, но не отрывая взгляда от экрана, где медленно увеличивалась в размерах планета.

А вопрос... Мне показалось, что женщина задала его, лишь бы не молчать. Их с Игерем шепотки и суетливые движения так контрастировали с нашим молчаливым ожиданием! Штурман, похоже, и вовсе был готов взорваться в любой момент.

– Это не названия, а обозначения в звездном каталоге, – практически огрызнулся он, впери в мою добычу какой-то сумасшедший взгляд. Мне хотелось разобраться в причине, потому я и позволил его голове приблизиться к уху Трои. – А называть их можешь, как тебе угодно. Никому до этого дела нет и не будет. Особенно когда погибнем!

– Почему сразу «погибнем»? – всполошилась собеседница, молниеносно развернувшись к нему.

Смотрела с тревогой, внимательно, вынудив соплеменника отвести взгляд. Но я прекрасно осознавал: за этой сосредоточенностью она скрывала нахлынувшую волну паники. Чуть помедлив, уже почти беззвучно призналась:

– Только бы они действительно планировали приземлиться. А то вдруг мы неправильно поняли, и они полетят еще куда-то? В открытом космосе у нас нет шансов на спасение, согласна, но тут же планета! На ней можно поселиться, если условия пригодные.

Последнее сказала уже не так решительно, однако в ее интонациях я почувствовал надежду. Троя не хотела умирать. Она хотела жить. Чувствовать боль, страдать, бояться, но жить! А все надежды на выживание в ее мыслях были связаны с приземлением.

– Вот именно: если! – дернулся штурман. – Помнишь волну ажиотажа по поводу освоения космоса и новых космических колоний? Тогда толпы горе-переселенцев рванули в неизвестность, и большинство сгинули в полной безвестности. Но были и те, кто успел на Землю инфу отправить вместе с предупреждением «сюда не соваться»! Так вот, эта планетка из таких. – Сплюнув, зло зашипел: – Каким ветром нас вообще к ней прибило? Не должно было... Ну никак!

«Никак не должно?» – мысленная насмешка Орша.

«Сделал что мог», – спокойно хмыкнул в ответ, продолжая прислушиваться к перешептываниям между пленниками.

Все мы прислушивались. Решение избрать эту планету конечной точкой полета уже принято, к чему упускать шанс узнать о ней

больше?

Игерь как раз указал подбородком на экран, где интересующий нас объект неуклонно увеличивался в размерах. Пробежал пальцами по панели, заполняя новыми символами всплывшую поверх изображения рамку, и продолжил:

– Вот, смотри, что пришло от той экспедиции. М-м-м... Атмосфера с высоким содержанием кислорода, но тяготение выше нормы. Аномальное магнитное поле, мешающее нормальной работе электроники. Приливные ультразвуковые волны. Резкие изменения температуры и влажности...

Глаза моей добычи шокированно распахнулись, точно данные о планете потрясли женщину. Игерь шумно выдохнул, на мгновение позабыв, что надобно таить от нас свои злость и страх, голос зазвучал громче, каждым новым словом припечатывая Трою.

– Мало?! Да мы там за пару дней загнемся. Если вообще приземлиться сможем. Транспортник неисправен. Не имеет посадочных приспособлений и слишком крупный – суда такого типа предназначены только для стыковок с космическими станциями. Даже если не вырубится система управления и двигатели каким-то чудом не откажут, все равно корабль сгорит в атмосфере. А что не сгорит, то в поверхность врежется. От нас даже лепешки не останется.

Неосознанно мужчина прикусил ноготь, бездумно вглядываясь в пустоту, словно воочию видел то, что описывал. Троя сглотнула, только сейчас осознав причину нервозности собрата по несчастью. Он ее пугал? Блефовал, рассчитывая на какой-то эффект?

Я прислушался к судорожным мыслям, мечущимся в голове женщины, ожидая отыскать в них подтверждение своему предположению. И не нашел. Зато убедился в обратном – опасность на самом деле реальна. Угроза для тел! Та часть материальной жизни, о которой раньше не приходилось задумываться, сейчас стала значимой: погибнет оболочка – исчезнем и мы. А ведь тело Трои еще более уязвимо!

Но что можно сделать для ее защиты?.. Я не представлял. Ничто в моем существовании эдайти не предполагало подобных знаний. Кто бы стал переживать о безопасности еды? И почему сейчас я об этом размышляю?..

«Кин? Что предпримем?» – нетерпеливо поинтересовался Орш, который, несомненно, прекрасно все слышал, хоть и находился в другом отсеке.

«Нельзя допустить повреждения тел при посадке. – Я неожиданно быстро даже для самого себя понял, каким может стать оптимальное решение. Ведь первоочередная цель – спасти всех эдайти из лаборатории – никуда не исчезла. – Кожу и кости надо укрепить, используя возможности генома. Так же, как мы это сделали на станции. Только прочность потребуется намного выше, чтобы мы могли противостоять перепадам давления и температуры».

«Согласен, разумный подход, – одобрил неизменный соратник. – Надо спешить. Времени у нас не так много».

На этом мы и сосредоточились, мгновенно передав информацию братьям. Тем, кто уже менял строение тела, повторить процесс не проблема – мне, к примеру, при полной концентрации потребовалось совсем немного времени и усилий. Вызывало опасение только отсутствие навыков управления возможностями оболочки у тех, кого Орш забрал из лаборатории. Смогут ли они быстро этому научиться?

Находящиеся рядом с ними эдайти помогут, направят и объяснят, в этом я не сомневался. Но непонятное, непознаваемое состояние, понижая концентрацию, не позволяло сосредоточиться и заняться первоочередными задачами. Почему мне так беспокойно? Снова из-за угрозы для добычи? И что зудит на границе восприятия, назойливо как... Как мысли Трои!

Она по-прежнему сидела в кресле рядом со штурманом и сжимала голову руками. Глаза были закрыты, губы беззвучно шевелились.

«Жесткая посадка... Страшно... Корабли такого класса только в открытом космосе летают... Не могут приземляться на планетах. Слишком массивные... Прав Игерь, сгорим в атмосфере. Заживо... У-у-у... Как же жутко! Амиоты, может, и выживут, что там за тела им создали? Вон как рана на Седьмом затянулась, такое тело и ожог не возьмет. А о нас заботиться им ни к чему, в лучшем случае съест успеют, чтобы не мучились. Уж точно защитные скафандры не предложат. – Мысленный хаотичный монолог прервал бессознательный стон. – Что, если попробовать? Сочтут ли демаршем, если рвану на поиски? Пропустят? Или не обратят

внимания? Проклятье, надо попытаться! Скафандры единственный наш шанс...»

Новое слово – и целая вереница образов. Осознав их значимость, я моментально переключился на информацию, что неосознанно транслировало мне сознание трясущейся Трои. Внешний вид, принцип использования, степень защиты и даже место на корабле, предназначенное для хранения, – она выдала все необходимое. Вновь сама подсказала выход, способ спасти ее же!

Упреждая рывок, шагнул ближе – это заставит и мою добычу, и Игеря, если у него возникли те же мысли, сдержаться – не могут же они не понимать, что любой из нас способен действовать на порядок стремительнее. Да и рыскать по кораблю в поисках сбежавших мне совсем ни к чему.

От моего маневра Троя сникла, но в ее суетливой нервозности не было привычной уже порывистости – тревога занимала все мысли женщины. Игерь будто вовсе не заметил нависшей над ним тени: сгорбленные плечи и пустота во взгляде, нарочито упертом в экран консоли, буквально кричали о глубочайшем отчаянии.

Сам я бездействию предпочитал борьбу, иначе не отправился бы в провал, ведущий в материальный мир. И потому не мешкал. На пределе возможностей, одновременно с собратьями координируя модификацию навязанных оболочек, просканировал корабль, отыскал отсек, где хранились скафандры, и отправил туда двух эдайти: *«Заберите все, что есть, и принесите в рубку»*.

А дальше...

– Надеть.

Взяв одно из странных материальных приспособлений, внешне невозмутимо протянул своей добыче. Если она полагает его единственным шансом на спасение – я дам ей этот шанс! Просто чтобы не лишиться деликатеса, который все еще не распробовал.

Реакция Трои оказалась неожиданно бурной – она на несколько секунд онемела, вперив неверящий взгляд в предложенную вещь, затем посмотрела на меня. В ее глазах я видел потрясение, подозрение и даже смирение. И понял: она снова меня вычислила, мысленно сопоставив этот дар со своими размышлениями.

«Снешу!» – мысленно скомандовал женщине, ловя себя на непривычном ощущении внутренней напряженности – об угрозе для

добычи я думал больше, чем о рисках для эдайти.

Словно услышав, она, резко вскинувшись, выхватила скафандр из моих рук и немедленно принялась упаковывать себя в еще одну своеобразную оболочку. Интересно, будет ли ей так же неудобно, как мне в материальном теле?

Уже отворачиваясь, боковым зрением засек, как на пределе возможностей своего тела к Трое развернулся штурман. Вероятно, тоже хотел бы заполучить подобную защиту, но меня его желания, как и его шансы выжить, не волновали. Другое дело – собратья эдайти.

«*Сколько здесь?*» – поинтересовался, окинув взглядом сваленные в кучу костюмы.

«*Десять*, – отчитался Муш. Посмотрел на Трои, судорожно надевавшую скафандр, и уточнил: – *Девять*».

Ясно. Надо подумать – и быстро! – кому они нужны в первую очередь. Кто среди нас не способен пережить экстремальные условия аварийного приземления?

«*У Риш не получается*, – в ответ на брошенный собратьям вопрос синхронно раздались полные тревоги голоса Риза и Шоха. – *Слишком высокий уровень возбуждения. Не может сконцентрироваться и заставить тело меняться*».

«*Тат и Лис тоже неадекватны. Они только что пришли в себя. Еще двое эдайти в женских оболочках до сих пор не очнулись. Мы даже не понимаем, кто они*».

Понятно, пять эдайти и Троя. Итого шесть скафандров задействованы, осталось четыре.

«*Сколько пленных вне рубки?*»

«*Шестеро*, – немедленно откликнулся Орш. – *Отдать скафандры им? Возможно, рационально будет сохранить их жизни на случай, если на планете не удастся сразу отыскать источник пищи*».

«*Силы важнее сейчас. Времени мало, используйте любые ресурсы для восстановления потенциала, чтобы с меньшими потерями выдержать жесткую посадку*».

«*И пленных можно?*»

Пленных? Несомненно. К тому же без защиты они не выдержат. И лучше уж бывшие обитатели станции утолят наш голод, чем их энергия бессмысленно и бесцельно рассеется в космосе. Ни один эдайти не позволит себе подобного расточительства.

«Да, и пищевые запасы транспортника, и пленников. Но если сможем употребить не всех, – вдруг вспомнил, что, кроме меня, глобально никто силы не расходовал, опять же собратья, пока я был занят добычей, питали оболочки едой, обнаруженной на корабле, – тогда оставшихся упакуйте в скафандры. Попробуем законсервировать еду, чтобы использовать позже – неизвестно, что нас ждет на планете, возможно, они окажутся единственным источником... пищи».

«А с этим что делать?» – Муш указал на Игеря.

Штурман кивка не заметил, с безумным вождением взирая на упаковывавшуюся в скафандр Трью. Казалось, его больше ничто не занимало, даже перестал делать вид, что анализирует информацию на системной консоли.

С одной стороны, этот мужчина меня всесторонне раздражал своей ненужной инициативностью – он единственный пытался причинить вред, саботируя наш успешный побег. Не нравился мне и его неприкрытый интерес к Трое. Однако опыт эдаити подсказывал: пусть субъект сильнее меня привлекает внимание моей добычи, но он обладает большими в сравнении с другими пленными знаниями, жизненно полезными нам сейчас. Ведь именно их с Троей шепотки уже не раз позволили мне выкрутиться из безвыходного положения – из этих разговоров я узнал, как спасти своих собратьев.

«Ему скафандр тоже. Позже сам его поглосу», – бросил в ответ, приняв решение сохранить до поры жизнь Игеря.

Однако мне самому необходимо пополнить запас энергии перед решающим полетом. Слишком много ее ушло, когда «доламывал» двигатель. *«Одного пленного я забираю»*, – предупредил своих, развернувшись к выходу из рубки.

По мере увеличения скорости сближения с планетой транспортник потряхивало все сильнее. Но, даже понимая, что теряю время и рискую не успеть оказаться рядом, я позволил себе быстрый взгляд на Трью, озабоченную прикреплением шлема.

– Твой. – Муш швырнул один из скафандров штурману.

Игерь боязливо, но немедленно ринулся к средству защиты, вцепившись в скафандр обеими руками. Его действия меня мало интересовали. Неважно, в каком виде будет еда, когда придет время насытиться.

Размышления, расчеты, решения и исполнение! Для меня это не последовательные операции, а практически параллельные. Миг, и я уже стоял у входа в каюту, где под присмотром эдаити спали мужчины-гуманоиды, которых увели из рубки на время недолгого погружения в подпространство. Еще миг, и энергия одного из них мягко впиталась, наполнив мой резерв.

Идеально! Так знакомо и понятно, не то что их материальная еда.

На ужас обреченных пленников, на чьих глазах состоялось питание, внимания не обратил. Их участь предопределена, за мной сюда спешат другие голодные эдаити.

А я без промедления устремился в рубку.

Вибрация необратимо нарастала – транспортник начал испытывать сопротивление верхних слоев атмосферы. Планета, занимающая уже половину обзорного экрана, тоже дрожала. Отсчет пошел. Шансов у корабля нет, но есть ли они у нас? Подобных перегрузок наши оболочки еще не знали, это станет испытанием для них. Все еще не свыкнувшись с материальностью, каждый из нас продолжал держаться невозмутимо: сознание эдаити не научилось переживать о теле. Мы спокойно рассчитывали свои возможности, деловито готовясь к самому худшему, разительно контрастируя с паникой штурмана и моей добычи. Они явно ожидали гибели и за скафандры схватились как за единственный шанс спастись.

В очередной раз взвыла сирена, напоминая о приближении к опасному для корабля объекту. Выругался Игерь, подпрыгивая на одной ноге и пытаясь спешно засунуть вторую в штанину скафандра. Стиснув пальцы на подлокотнике кресла, судорожно ахнула уже одетая в защиту Троя.

Ее вздох, такой тихий и резкий, отозвался в моем теле всплеском энергии, прокатившейся волной до самых кончиков пальцев. Не раздумывая, дернул добычу к себе: проще и спокойнее, когда она близко.

Отшвырнув от консоли штурмана, на свою беду расположившегося за ней, усадил онемевшую от неожиданности Трою на край панели. Прижав собой, навис и практически подмял под себя, упираясь ладонями и растопыренными пальцами в цветочные переливы датчиков. Сам до конца не понимал, почему поступаю так,

присутствовала лишь одна четкая мысль: хочу все делать, чувствуя женщину рядом.

Сирена уже выла, не замолкая, но я ее не слышал. И волнения не было, лишь полная концентрация на последовательности запланированного и... едва уловимом из-за скафандра аромате волос Трои. Он хорошо запомнился мне во время сегодняшнего сна. И он помогал.

Итак, нужно... Что мне нужно?

Переключить маршевые двигатели на реверс. Направить сопла на планету. Заставить работать, сжигая остатки жидкости... топлива. Правильное слово пришло в голову так же естественно, как и знание о том, что делать.

Возможно, это было не абстрактное знание. Возможно, я снова получил информацию от смятенного сознания Трои, которая сама обхватила руками мою шею, а ногами бедра и тесно прижалась, зажмурившись. В этот момент я не был для нее монстром или чудовищным амиотом, сбежавшим из лаборатории. Я был тем, кто отгородил ее от еще большего кошмара.

Да, любопытно и достойно анализа, но эту задачу я отложил, четко расставляя приоритеты. Сейчас важно снизить скорость падения – корабль не спасет, но хотя бы не даст обшивке разогреться до критической температуры в плотных слоях атмосферы.

Бросил короткий взгляд на экран: белесая муть рвется навстречу, раскрашиваясь оранжевыми и желтыми всполохами. Еще один – на панель: температурный индикатор стремительно меняет цвет с сиреневого на красный. Впрочем, я и без него ощущал, как нарастает жар внутри рубки. И как навязанное мне, но уже четко осознаваемое тело начинает усиленно охлаждаться.

Волосы на голове Трои, закрытой прозрачным шлемом, прилипли ко лбу. Такие же мокрые, как тогда, когда я отвел ее в душевую. Но на этот раз причина была в страхе и волнении. Женщина умирала от страха! И этот факт почему-то продолжал отвлекать.

Скрежет, грохот... Транспортник так тряхнуло, что ряд кресел сорвался и влетел в стену где-то позади нас. Троя вздрогнула, сильнее стискивая меня руками. Проминая переборку, я сжал пальцы и напряг мышцы, фиксируя наши тела в неподвижности. Продолжал ощущать не только вибрацию транспортника, общей настрой и

запредельную концентрацию собратьев, но и бешеный стук сердца Трои. И этот звук заглушал все прочие...

Внутренним взглядом незримо пробежался по корпусу корабля: он утратил цельность, начал разрушаться, не выдержав перепадов давления, раздирающего его на части. Часть, называемая «кормой», отломилась и теперь, имея значительные размер и массу, падала чуть в стороне и несколько быстрее.

К лучшему! Меньше размер и вес – легче обеспечить торможение. Меньше скорость – больше шансов уцелеть при падении.

Сущность эдайти невозмутимо анализировала малейшие изменения: недопустимо упустить что-то важное. И нужно найти способ продолжить торможение!

Двигатели, оставшиеся в отвалившейся части, бессмысленны, они уже вне моего контроля. Но щит... Тот силовой экран, что сдерживал огневую мощь нападавших! Генерирующий его механизм находится в передней части корабля. Как и мы.

Как же удачно я восполнил силы! Ведь источника энергии, питающего установку, формирующую силовые поля, в нашем распоряжении уже нет – он тоже остался в отвалившейся корме. Но я стану ему заменой!

Не тратя время на сомнения, влил в устройство столько энергии, сколько требовалось на активацию и запуск. Скорее же! Как же все в этих материальных механизмах невыносимо медленно работает... Куда стремительнее бьется сердце Трои под моей грудью.

Наконец-то! Щит, развернувшись перед носовой частью корабля, разорвал белесо-огненную пелену туманной завесы в атмосфере. Разметал ее ошметки, дав возможность увидеть стремительно несущуюся навстречу поверхность планеты, чуть размытую из-за колебаний экранирующих полей. Однако этого хватило для понимания: под нами, вернее там, где заканчивается траектория падения, – твердая среда.

Жесткие контуры рельефа, контраст расцветок поверхности – последние изображения на мигающих экранах корабля подтвердили то, что на секунды раньше я распознал сущностью. Неудачное место! Не подходит...

А вот чуть дальше появлялись иные оттенки и структура. Неоднородная поверхность рыхлая и, несомненно, более мягкая –

ощущал ее на уровне интуиции, осязал восприятием эдайти. Если дотянем, шансов выжить будет куда больше!

Решение пришло мгновенно. Вес. Его надо уменьшить!

Новый выброшенный мной энергетический всплеск воспламенил баллоны с газом для дыхания в недрах корабля. Оглушительный взрыв разорвал напряженную тишину и отозвался судорогой в теле моей добычи. Кусок обшивки вместе с каким-то механизмом мелькнул за экраном и пропал. Ударная волна, докатившись до рубки, снесла часть ведущей в коридор переборки, а ее ошметки полетели на нас.

Упреждая удар, я рухнул на пол, увлекая за собой Трою, оплетая ее конечностями своего физического тела и формируя вокруг нас силовой кокон – еще одну, но миниатюрную оболочку, подобную той, что генерировали защитные механизмы корабля.

Я тоже умею учиться. Создатели транспортника и наших тел использовали подобные экраны для отражения угрозы – я применю их подход, защищая себя и Трою.

Скрежет вокруг оглушал. Мир слился в пелену пестрых вспышек – даже усовершенствованное зрение оболочки не успевало фиксировать сменяющиеся детали. Это походило на перерождение. Или агонию...

Ребристое покрытие пола несколько раз сменялось гладкой поверхностью стен – от взрыва остатки корабля закрутило, и нас безжалостно швыряло по рубке, ударяя в том числе и друг о друга. Думать о невозможном эдайти не способны, лишь поэтому мы не застыли в ступоре шока, реагируя на происходящее.

Мое сознание, подобно совершенному, но лишенному эмоций механизму, продолжало концентрироваться на трех задачах: не выпустить из рук добычу, удержать защищающий нас кокон и подпитывать энергией щит, снижающий трение об атмосферу обломка транспортника. Того самого, что нес в своих недрах эдайти...

Несмотря на мои невероятные старания, удар о поверхность оказался сильным. На мгновение показалось, что я потерял связь с миром – органы чувств словно отключились, перестав сообщать о происходящем вокруг. Но затем в мое сознание врезались сразу несколько голосов.

«Двух эдайти и всех пленных ударной волной выбросило наружу, когда часть обшивки оторвалась. Зато доступ на поверхность для

нас свободен. Начинаем поиск пропавших», – известил Щег, лаконично и по существу. Так привычно для эдайти, прежде не имевших представления о неудачах, следовательно, и о панике, волнении и сомнениях.

«У нас порядок. Пробираемся по коридорам на выход. По пути прихватим с собой найденные запасы», – бодро сообщил Зом.

И с этими ясно. Да, рухнули на неизвестную планету. Да, космическая катастрофа. И что? Это не повод изменять себе.

«Все, кто со мной, целы, но отсек заблокирован. Будем пробивать брешь в корпусе. Кин! Как у тебя?» – проявил интерес Орш, оставшийся с неадаптировавшимися эдайти из лаборатории. Все это время он не только следил за состоянием своих подопечных, всеми силами оберегая их оболочки от повреждений, но и помогал мне удерживать общий защитный экран – я постоянно чувствовал идущий от него поддерживающий поток энергии.

А что у меня?

Женщина, укрытая моими руками, безмолвна и неподвижна, но жива. Этого достаточно. Что еще? Кажется, в итоге кусок транспортника рухнул мне на спину. Но это просто деталь – бесстрастно зафиксировал мой разум, едва установил, что все соплеменники посадку пережили.

Полностью ли я осознал возможности оболочки, подчинил их себе? Приподнялся на коленях, опираясь на локти, напряг мышцы и скинул со спины навалившуюся переборку. Встряхнул головой, прогоняя мимолетное желание упасть и расслабиться. Не время отдыхать! И не место.

Подхватив свою добычу, поднялся на ноги и осмотрелся.

Чуть в стороне из-под груды обломков выбирался Хал, который оставался со мной в рубке и следил, чтобы не произошло полной разгерметизации. Он, как и я, мысленно активировал смыкание гермозатворов, блокируя отсеки, получившие сильные повреждения. Благодаря этому мы все еще дышали.

Неподалеку виднелись облаченные в скафандр ноги Игеря – тело штурмана закрыло перевернутым креслом. Мужчина не двигался, но я ощущал в нем энергетический потенциал. Он был жив.

Так же, как жива Троя, в сознании которой пока присутствовала необычная пустота. Подобную я ощущал, когда женщина спала, и

потому ее состояние не вызывало опасения. Но очевидное подметил: гуманоиды, не будучи эдайти, использовали привычную им защиту для тел, но куда хуже справлялись с последствиями нештатного приземления. Это понятие я почерпнул прежде из мыслей Трои.

Просканировав останки корабля, мысленно заглянул за границу корпуса, опустился до уровня поверхности планеты, с которой соприкасалась обшивка. Оpozнав вязкую субстанцию, уплотняющуюся лишь на отдельных участках, почувствовал удовлетворение – я все же выполнил стоящую передо мной задачу, сумел изменить траекторию. В итоге мы рухнули не на твердое основание и выжили. Но, с другой стороны, возможность использовать транспортник как временное укрытие стремилась к нулю – тяжелая конструкция, в недрах которой все еще что-то искрило и горело, медленно погружалась в то вязкое вещество, что покрывало поверхность планеты в этом месте.

«Мы тоже выбираемся, – ответил наконец Оршу. Обдумал ситуацию и приказал, указав на Игеря: – Хал, возьми пленного с собой. И проследи за ним. Возможно, его умения нам еще пригодятся».

Больше мы не переговаривались. Каждый сосредоточился на своих целях, точно зная – чем быстрее мы окажемся вместе, тем проще планировать дальнейшие действия. Сейчас самой насущной проблемой был медленно, но неумолимо в буквальном смысле уплывающий от нас транспортник. Ну или то, что от него осталось.

Оторвав и швырнув вниз кусок обшивки – единственную преграду на пути наружу, осмотрел окружающее пространство, оценивая его уже глазами своей оболочки. Характеристики планеты, которые нашли в их системном справочнике штурман и Троя, я запомнил. Еще больше информации получил до столкновения, чуть прощупав это место возможностями сознания эдайти. И только сейчас пришло время изучить ее, используя зрительные и осязательные ресурсы тела. Но подобный шанс не представился бы, не будь нас внутри этих тел. Очередное подтверждение ущербности материального существования.

Мелкое, но слепяще яркое на фоне темно-сиреневого неба розовое светило медленно двигалось от зенита к горизонту. Света оно давало достаточно, чтобы найти ориентиры на открывшейся взгляду практически ровной местности. Насколько позволял обзор,

поверхность имела оранжево-желтую расцветку, по ощущениям являясь мягкой, пористой и вязкой...

Что за нестатичная среда? Прежде меня не интересовали особенности материальных миров – отсюда пробелы в понимании.

Обнаружив более плотный участок поверхности, на котором можно было бы закрепиться, мысленно поставил на нем энергетический маркер. Перебросив опознавательный знак собратьям, удобнее перехватил все так же аморфную к происходящему Трою, стараясь не сдавливать излишне сильно ее хрупкое в сравнении с моим тело. Одной рукой удерживая облаченную в скафандр добычу, другой уцепился за испещренное вмятинами и дырами наружное покрытие корабля. Помогая себе ногами, спустился до уровня мутной жижи, в которую постепенно проседал транспортник, разжал пальцы и...

И мое материальное тело, обладающее плотностью и весом, сразу ушло вниз. На мгновение я ощутил раздражение и удушье – в нос рванула вязкая субстанция. Но кожа быстро взяла на себя функции дыхания, ноздри сами по себе закрылись имеющимися внутри выростами, перекрывая приток неприятной жижи. Не пришлось даже сосредотачиваться на этом – сознание эдаити настолько освоилось с навязанной оболочкой, что с запредельной скоростью реагировало на ее сигналы.

Преодолевая сопротивление полужидкого грунта – не критичное, скорее неприятное, я двигался к месту встречи, одновременно отслеживая перемещение собратьев, и чутко прислушивался к прерывистому, но глубокому дыханию Трои. Ее бессознательное состояние оказалось очень своевременным – наверняка запаниковала бы, вместе со мной провалившись в окружающую грязь. Даже мой недостаточный опыт наблюдения за ней и ей подобными подсказывал: женщина прежде судорожно забилась бы и лишь потом осознала, что скафандр защищает тело от вязкой среды на поверхности планеты.

В шлеме скафандра газовая смесь еще имелась и была пригодной для дыхания – несомненно, огромная удача, избавившая от части хлопот. У меня еще не было времени сконцентрироваться на составе местной атмосферы, но сознание уже посылало ответы на пока не осмысленные вопросы: моя добыча сможет здесь дышать. Ну а мы тем более!

Дойти до намеченного участка оказалось непросто – неоднородный рельеф дна сильно затруднял передвижение, и я со своей обмякшей ношей добрался не первым. Шестеро эдаити уже осваивались на территории: счищали с тел прилипшую к ним местную органику, помогали вытащить на сушу эдаити в женских оболочках, покрытых разводами темной жижи, и гуманоидов, до сих пор не пришедших в себя, как и Троя.

Впрочем, некоторые из них быстро очнулись – те, которых во время посадки-крушения вышвырнуло наружу ударной волной, ведь оберегать их, как я свою добычу, никто не старался. Однако после приземления собратья методично выловили частично притопленные упакованные в скафандры тела и принесли к «маячку». Уложив их у дальнего края нашего пристанища, отступили и...

«Кин, – донесся до меня недоумевающий голос Щега, – тут что-то не так. Эти пленные... Кажется, они теряют энергию».

Первой реакцией стала немедленная концентрация всех возможностей сущности эдаити и моего новообретенного тела на Трое. Продолжая удерживать ее на руках, на мгновение замер, чутко вслушиваясь в характеристики жизненного потенциала добычи. Настораживающих изменений не заметил. И только аккуратно уложив свою ношу на упругую подушку, образованную местной растительностью, обернулся к собратьям, занятым нашим запасным провиантом.

Щег оказался прав. Питательная субстанция, столь для нас желанная, медленно и расточительно утекала из тел гуманоидов, захваченных на станции. Как я и предполагал, защита в виде скафандров оказалась очень несовершенной. Несоизмеримо несовершеннее даже навязанных нам материальных тел!

В причине разобрались быстро – материал, из которого были изготовлены скафандры, в нескольких местах оказался поврежден, что под грязью не сразу стало заметно. У одного пленного даже шлема не обнаружилось, и его жизненные параметры были на нуле, сделав трофеем абсолютно бесполезным для нас. Остальные... Остальные точно испытывали боль. От этого резко и почти одновременно очнулись.

Стоны, хрипы, судорожные рваные движения, изувеченные жуткими гримасами лица... Что с ними не так? Воздух абсолютно

пригоден для их дыхания, причина не в нем. Словно группу пострадавших пленников разом накрыло нечто страшное и мучительное. Синхронно и внезапно! И больше всего походило на агонию. Мы все с недоумением переводили взгляды с одного гуманоида на другого. Я ежесекундно поглядывал на лежащую у моих ног Трью, но с ней никаких изменений не происходило. Как и с эдайти.

«*Забирайте же!*» – рявкнул Щегу и другим, решив прекратить бессмысленные потери ценного питательного ресурса – мы не успеем разобраться в причинах происходящего и сохранить жизненную энергию в пленниках. Резонно позволить собратьям пополнить резерв, который у многих исчерпан – это я тоже прекрасно ощущал.

Сам же, отныне потеряв интерес к пленникам, поспешно склонился к Трое. Придирчиво осмотрел скафандр, с облегчением убеждаясь – цел. Я очень удачно создал силовой кокон, он защитил нас от механических повреждений.

Однако назревала и проблема – газ в системе скафандра, обеспечивающей потребности дыхания женщины, неизбежно закончится, шлем придется снять. Без этой защиты подвергнется ли и она немедленной агонии? И буду ли я готов оборвать ее муки?..

Но время есть, я лишу ее защиты не сейчас, чуть позже, когда ресурс окончательно себя исчерпает. Нельзя рисковать, пока не определюсь с новыми угрозами для моей добычи, которые может нести это место. Что-то здесь есть, не распознанное нами... Не зря эта планета так насторожила штурмана.

Штурман!

Вспомнив о нем, обернулся, отыскивая Хала. Пленный находился с нами в рубке, значит, испытал на себе смягчающий эффект моего силового экрана. Пострадал ли его скафандр? Спеша выбраться, не обратил на это внимания.

Почувствовав движение сбоку, успокоился – Хал вынырнул из вязкой жижи и тут же выскочил на твердую основу островка. Бессознательного Игеря он нес на плече и без промедления сбросил возле меня на короткую поросль желтой растительности. Осмотрев упакованное в скафандр тело мужчины, повреждений я не обнаружил. Видимо, штурману повезло.

Решение снять с него шлем до того, как у Трои закончится воздух, оформилось молниеносно. Игерь первым пройдет испытание, не зря я

решил сохранить ему жизнь вопреки попыткам вмешаться в наши планы. Отныне его предназначением станет проверять на себе мир, несущий пока неведомую угрозу моей добыче и ей подобным.

Практически сразу за Халом из-под поверхности вязкой почвы выбрались эдаити, ведомые Зомом, – последние, кого мы ждали. Следом они выволокли объемные контейнеры, наверняка заполненные всем тем, что могло быть необходимо материальным телам гуманоидов. А теперь и нашим оболочкам.

Сейчас все эдаити, вырвавшиеся из плена станции-лаборатории, собрались на маленьком кусочке земли неведомого нам мира. Этому месту суждено стать отправной точкой, с которой начнется новый этап нашего существования в материальном пространстве.

Этап, где вожденная свобода соседствует с пожизненными ограничениями. Мы вырвались из постыдного плена, напоследок отомстив врагам. Достигли цели, в безжалостной борьбе вырвав право самим решать свою судьбу. Но отныне нам недоступна Вселенная, мы ограничены крошечным мирком одной планеты. Наши сущности, прежде не знавшие границ и пределов, безвозвратно заточены в личных клетках – материальных телах.

Взгляд скользнул к небу, к скрытым за пеленой атмосферы звездам и холодной черноте космоса – туда, где был отныне недоступный дом. Мы не вернемся. Мы больше не принадлежим ему. Теперь мы принадлежим миру наших врагов.

Они хотели нас пленить, и им это удалось.

Мы сделали все, чтобы сбежать, и у нас это получилось.

Да, это еще не победа, но... Но они проиграют, раз мы выжили!

Продолжение следует